

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 12

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Таир АЛИ. Мирза Халил и бритва Оккама. <i>Повесть</i>	3
Сейран СЕХАВЕТ. Кенгуру. <i>Рассказ</i>	68
Айдын ТАГИЕВ. <i>Рассказы</i>	92
Гюнель ЭМИНЛИ. <i>Рассказы</i>	110
Лейла САБЗАЛИ. Четыре времени года из жизни женщины. <i>Миниатюры</i>	119

ПОЭЗИЯ

Елизавета КАСУМОВА. <i>Стихи</i>	63
Хосров НАТИЛ. <i>Стихи</i>	90
Алина ТАЛЫБОВА. <i>Минималистические стихи</i>	105
Тамара ВЕРЕСКУНОВА. <i>Стихи</i>	116
NADIR. <i>Стихи</i>	127

ПУБЛИЦИСТИКА

Вахид ГАЗИ. Из цикла «Люди и книги»	51
Гусейн АДЫГЕЗАЛОВ. Снова о переводе...	83
Марк ВЕРХОВСКИЙ. Азербайджанский генерал Его Императорского Величества	99
Марат ШАФИЕВ. Проклятые вопросы в книге Экрама Меликова «Бульвар – вселенная»	124

2016

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2016 ГОД	129
--------------------------------	-----

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz@box.az

Тел: 493-75-81

Сдано в печать 18.11.2016г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2016 г.

ТАИР АЛИ

С творчеством русскоязычного писателя Таира Али наши читатели уже знакомы по его романам «Ибишев», «Идрис-мореход», «Papilius Homerus» и многочисленным рассказам и эссе. Представляем вниманию читателей вторую повесть писателя из детективной серии «Мирза Халил и Лабиринты». Первую повесть из этой серии – «Мирза Халил и Борхес» – вы можете прочитать в 12-м номере нашего журнала за 2015 г. или на персональном сайте писателя www.tair-ali.com

МИРЗА ХАЛИЛ И БРИТВА ОККАМА

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Пятница, 13 июня

Прочитав ко времени выхода на пенсию с полтысячи детективов, Мирза Халил полагал, что любую приличную историю следует начинать с убийства. Труп (а лучше сразу несколько) должен символически указывать на вход в интеллектуальный лабиринт, успешное прохождение которого и составляет суть криминального чтива, даже самого непритязательного. В центре вместо Минотавра, разумеется, находится разгадка.

Образ лабиринта казался Мирзе Халилу очень подходящей метафорой.

Однако в этот раз все произошло наоборот: вначале возник сам лабиринт, а уж разгадкой к нему должно было стать убийство.

В начале июня переехал Мирза Халил из своей старой квартиры в центре города на тихую улицу Левандовского, в солидную «сталинку» за станцией метро Нариманова. Улица давно уже называлась по-другому, однако Мирза Халил капризничал и продолжал называть ее так, как ему нравилось. Жилье было временным: по заверениям застройщика, фирмы «Синдбад», дом по старому адресу Мирзы Халила с выделенной для него квартирой максимум через год должен был быть закончен, так что обживать на новом месте не имело смысла. Однако в первый же день, спускаясь во двор с мусорным ведром, он зачем-то подсчитал, что лестничные марши в здании состоят из 14 ступеней, следовательно, в каждом пролете их 28, и если умножить это на количество этажей, получаем 112 полноценных ступеней.

Выйдя из подъезда в просторный и довольно зеленый двор с припаркованными вдоль обочин автомобилями, Мирза Халил придирчиво огляделся по сторонам, после чего неторопливо направился к гаражам, возле которых в ряд стояли мусорные баки. Пересекая двор по диагонали, разминулс он с женщиной в малиновом халате, а уже около самой помойки вспугнул долгового подростка, безнадежно ковырявшегося палкой в свежем мусоре. При приближении Мирзы Халила тот подхватил баул с пустыми бутылками и, громыхая ими, торопливо ретировался за гаражи.

На часах было около четырех.

Опорожнил Мирза Халил ведро в зловонный бак. Однако возвращаться сразу

не стал. В чужой квартире без кондиционера, с нераспакованными тюками и чемоданами да кое-как расставленной по комнатам мебелью, было скучно и неудобно. Оглядываясь по сторонам, стал он обходить двор с задней стороны, при этом стараясь не выходить из-под тенистой сени старых акаций.

Метров через триста увидел он прямо под ногами портмоне из коричневой кожи. Портмоне оказалось плотно набитым одинаковыми светло-зелеными купюрами. Вытащив одну из них, увидел он в уголке крупную надпись – 100 Euro.

Предполагать, что деньги и кошелек принадлежали женщине в малиновом халате, а уж тем более подростку с бутылками, было нелепо, а никого другого поблизости не было. Постояв некоторое время в нерешительности, воровато сунул Мирза Халил кошелек в карман парусиновых брюк и, повернувшись, пошел домой прежним маршрутом, то и дело невольно оглядываясь.

Его окликнули по имени уже у самого подъезда:

– Мирза!

Увидел он позади себя смеющегося доктора Мурадова – бывшего своего зятя, женатого когда-то на его сестре-близнеце Саре. Со времени их последней встречи доктор заметно набрал вес, а заодно и отрастил эспаньолку со стильной проседью. Несмотря на жару, доктор был в пиджаке и при галстук.

– Ты что делаешь в наших краях?.. Неужели к нам сюда переехал?

– Временно. – Мирза Халил опустил мусорное ведро на тротуар.

– Ну, слушай, супер! В одном дворе будем жить! Супер! – доктор достал из кармана платок и стал обтирать лицо. – А помнишь, раньше говорил: «На Монтиня в жизни не перееду»?

– Временно, Мурадов, я сюда ненадолго. Пока дом строится.

– Да ладно тебе, отличный район. Это сейчас уже центр города! Люди, вон, за тридцать-сорок километров живут. И цены на жилье здесь сейчас бешеные. – Ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. – Значит, ты в этом подъезде? А какой этаж?

– Последний.

– Ну, супер. А я вон там. – Он махнул рукой в конец здания. – Второй подъезд, второй этаж. Не ошибешься. Соседи, короче!

– Всю жизнь об этом мечтал.

– Сестра твоя обрадуется! – рассмеялся доктор.

– Точно.

– А я, главное, рано с работы вышел, у меня тут недалеко была консультация, заезжаю во двор, паркуюсь, смотрю – ты с ведром бежишь куда-то. Чего это ты бежал-то?

– Я не бежал. Просто быстро шел. Я всегда быстро хожу.

– Подожди, а ты когда переехал-то?

– Утром.

– И главное, не сказал ничего! Ты разве не знал, что я здесь живу?

– Мурадов, я к тебе в гости не хожу.

– Хорошо, Мирза, ты мне лучше скажи – вечером свободен?

Мирза Халил неопределенно пожал плечами.

– Все, тогда я к восьми зайду! Посидим, поговорим, пива попьем. Помогу мебель расставить. Пойдет? Чего будешь один сидеть?

– Заходи.

Выложив деньги на кухонный стол, Мирза Халил пересчитал их. Оказалось ровно восемь тысяч евро. В основном сотенными купюрами, но было и несколько по пятьдесят. Кроме денег, в одном из отделений портмоне обнаружился сложенный вчетверо линованный листок, вырванный, судя по всему, из школьной тетради. На листке быстро и неразборчиво, как в медицинских рецептах, было написано столбиком: *М.Х. Задаток 8000. 561-07-48. 19 июня, в 7 вечера. Дата – 19-ого июня – была дважды подчеркнута.*

Положив деньги обратно в кошелек, выпил он воды из холодильника, после чего стал задумчиво ходить между комнатами, обходя разбросанные повсюду как попало узлы и чемоданы. Было душно.

Во дворе загудел насос, дали воду. Нужно было набирать бак.

В течение следующих двух часов Мирза Халил был занят. После душа брезгливо мыл он кухонную раковину, плиту, холодильник, выкладывал посуду из коробок в подвесные шкафчики, а когда, наконец, управился, вспомнил, что во всей этой кутерьме с переездом не успел даже пообедать. Достал он яйца из холодильника для омлета, собрался было уже разбить их в глубокую тарелку, но потом вдруг отложил все в сторону и быстро набрал телефонный номер из портмоне. Номер был занят.

Ловко шинковал Мирза Халил зеленый лук на разделочной доске, взбивал яйца почти до пены, при этом стараясь не обращать внимания на набитое деньгами чужое портмоне. Поставив на стол сковородку со скворчащей яичницей, налил Мирза Халил себе стопку водки.

Номер был все время занят. Разбирая и раскладывая вещи, Мирза Халил пробовав еще несколько раз дозвониться.

Мурадов явился без четверти девять. Пришел не один, а с белоснежной болонкой на руках. Собачонка была ухожена, шерсть на голове собрана в аккуратный пучок, перетянутый резиночкой с бисером, а на розовом ошейнике висело золотое сердечко.

– Пиво холодное, Мирза! – сказал доктор, с порога протягивая пластиковый кулек с бутылками.

– А это что у тебя?

– Это не «что»! – возмутился Мурадов. – Это моя красавица – Дззи!

– Безобразие.

– Ну, и что тут у нас? Посмотрим.

Не разуваясь, доктор стал обходить квартиру.

– В общем, – резюмировал он под конец, – достойное жилье. Очень даже. Хотя, конечно, без кондера тут можно сдохнуть. Кондер обязательно. Ты хотя бы вентилятор купи пока.

– Извини, не успел к твоему приходу, – съязвил Мирза Халил. Собачонка на руках у доктора кокетливо зевнула, показав язычок под цвет ошейника.

– Не мог приличную собаку взять? Ты себя со стороны видел вообще?

– Это она только с виду болонка. У нее душа тигрицы. Не веришь? Ее лучше не злить. А вообще-то это Нара ее завела, но больше всех люблю я.

Болонка благодарно лизнула волосатое запястье доктора с золотыми часами.

– Нара – это твоя нынешняя жена? – не без сарказма уточнил Мирза Халил.

– Именно так! – рассмеялся доктор. – Я бы даже сказал – текущая!

– Ты извини, конечно, Мурадов, но ты их меняешь быстрее, чем я успеваю запоминать их имена. Не то, чтобы и очень стараюсь...

– Да ладно тебе. Всего лишь четвертая по счету.

Опустив собаку на пол, доктор отцепил поводок и сунул его в карман.

– Так, стаканы или бокалы, что там у тебя есть? Не будем же из горла пить, все-таки интеллигентные люди...

– Посмотри в шкафу над раковиной.

Болонка, демонстративно игнорируя Мирзу Халила, стала обнюхивать ножки журнального столика.

– Между прочим, тут потолок не мешает освежить, – сказал доктор из кухни, хлопая дверцами шкафчиков.

– Я тут все время жить не собираюсь, – проворчал Мирза Халил.

– Да ладно тебе! Я же говорю – нормальная квартирка! На уровне. Найми пару рабов на неделю, пускай тебе тут побелят-покрасят. Копейки будет стоить... Хочешь, я сам кого-нибудь притащу? Ага, у тебя тут и пивные бокалы есть...

– Квартира не моя, – упрямо повторил Мирза Халил.

Доктор вернулся в комнату с бокалами и открывалкой.

– Доставай из кулька пиво. Там для тебя еще и подарок. К новоселью.

– Что еще за подарок?

Мирза Халил вытащил из пластикового пакета две бутылки светлого пива и книгу в твердом переплете.

– Посмотри. Как тебе?

Спустив очки со лба на нос и близоруко поднеся книгу к самому лицу, Мирза Халил прочитал вслух название:

– «Японские головоломки: антология японского детектива», – и стал листать книгу. – Интересно. Никогда не читал японских детективов. Как-то не попадались.

– Зря! У них есть очень интересные вещи. И фильмы ужасов некоторые очень классные. Ты видел этот, там, где чокнутая девка с длинными волосами... не помню названия. Нет, ты вслушайся, как звучит: «японские головоломки»! А? Неплохо? Звучит или нет, Мирза?

– За книгу – спасибо.

– Читай на здоровье. Рекомендую, как кардиолог. – Доктор разлил пиво по бокалам. – Ты видишь, что тут на обложке... знаешь, что это?

– Ну, заяц какой-то. Голова зайца, а что?

– А если присмотреться?

– Заяц.

– А утку не видишь? Вот если так смотреть – уши зайца, правильно? Это одновременно клюв утки... сообразил?

Мирза Халил откинул голову назад, прищурился, затем опять приблизил книгу к лицу.

– Вроде бы... – сказал он не очень уверенно.

– Ну, вот же, Мирза!

Доктор стал нетерпеливо тыкать пальцем в обложку перед самым носом Мирзы Халила:

– Это называется перевертыш, утка-кролик... Классика! В психологии это называют иллюзией Пиллсбури. Ты видишь то, что твое воображение готово увидеть, понимаешь? Ну, видишь теперь утку?..

– Да что ты прицепился ко мне, на ночь глядя, с этими зайцами и утками! – рассердился Мирза Халил. – За книгу – спасибо, а утка это или кролик – какая, к черту,

разница!

Болонка, уставившись на Мирзу Халила пуговичными глазками, возмущенно твякнула. Доктор наклонился и потрепал ее по загривку.

– Хорошо, хорошо, милая! Все свои... Защищает. Мирза, я это... Я вообще-то к тебе с просьбой.

– Слушаю.

– Ты не думай, ничего такого особенного. Мелочь. Просто небольшая услуга. Как говорится, по-родственному.

– Слушаю.

– Короче, тут рядом, у «пожарки», живет одна моя хорошая знакомая.

Мирза Халил с интересом поглядел на доктора поверх очков:

– И что?

– Я ее навещаю иногда. По вечерам. Понимаешь? Выхожу погулять с Дэзи и захожу к ней. У нас с ней отличный диалог получается, – хохотнул доктор. – Тут от нас всего-то минут пять-десять ходьбы.

– Как удобно!..

– Очень. Так вот, мог бы ты присматривать за моей красавицей раз или два в неделю, когда я ее навещаю? Я бы оставлял Дэзи у тебя ненадолго. На часик.

– А чего ж ты ее дома не оставляешь?

– Так весь прикол в том, что я из дома выхожу как будто бы Дэзи выгуливать!

Ты же сыщик, не догадался?

– Я все надеялся, что ты, Мурадов, с возрастом поумнеешь.

– Не начинай, Мирза! Я так избавляюсь от стресса. А что еще делать?

– Спортом занимайся.

– То, что меня сделали завотделением, ты знаешь! Зато не знаешь про мой бизнес – оздоровительный центр. На паях открыли. С очень серьезными товарищами. У них бабки – немереные. Это, в принципе, полноценная клиника, хотя и небольшая. Здесь, на Монтана. Закупили немецкое оборудование – самое-самое, лаборатории... Я у них вроде главврача...

– А знакомая тебе помогает оперировать или она спец по немецкому оборудованию?

– Она спец по выкачиванию подарков, но зато – обалденная жопа.

– Ясно.

– Я, можно сказать, не пью, не курю, марки не собираю, хорошая жратва и женщины – вот и все мои развлечения. Остальное – работа. Должен же человек иметь что-нибудь свое, персональное! Вот ты детективы читаешь, а я....

– А чего это ты свою собачонку не хочешь брать к знакомой? Она бы на коврик в прихожей посидела.

– Я бы с удовольствием, но она знаешь, какая! Я же тебе говорю, это реинкарнация, в ней реально душа какого-то крупного зверя. Рычит, воеет, грызет все подряд – ревнует бешено! Ко всему еще, эта моя знакомая собак панически боится, понимаешь? Боится, и все тут! Дура деревенская...

– Даже болонку? – уточнил Мирза Халил. – Болонка вообще, на мой взгляд, не собака, а черт знает что. Хомяк. Мурадов, у тебя пятеро детей – или сколько там уже? От четырех жен! Скоро внуки пойдут, у сына твоего, Эльмара, жена, кажется, уже беременна. Доктор наук, врач пристойный, а все бегаешь по ночам по каким-то блядам, да еще и с крысой в бантиках! Ну, не идиотизм?

– Идиотизм, Мирза, кто спорит?! Выручи, а?

Болонка, словно почувствовав, что речь идет о ней, запрыгнула к доктору на колени.

– Сейчас уже пойдем, моя хорошая!.. Какой у тебя здесь домашний номер? Мобильный я знаю.

– Не помню, записано где-то.

– А мы сейчас проверим.

Доктор взял с журнального столика телефонную трубку и набрал номер своего мобильного.

– Так, – сказал он, сверяясь с экраном широкого, как ладонь, «Самсунга». – Твой номер, запоминай: 561-07-48.

– Какой?! – ошарашенно спросил Мирза Халил.

– 561-07...

– Последние цифры – 48?

– Ну да!

– Получается, я сам себе звонил?..

– В каком смысле?

– Глупость какая-то. Мистификация...

– А чего удивляешься, сегодня же пятница, тринадцатое! Как в кино!

Задумчиво глядя на болонку, Мирза Халил одним глотком допил свое пиво и громко рыгнул. Болонка неуверенно твякнула ему в ответ.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Суббота, 14 июня

На следующий день наткнулся Мирза Халил на чужой альбом с семейными фотографиями.

Утро выдалось ветреным. Внизу за окном, затянутым капроновой сеткой, громко трепыхали верхушки рослых тополей, и вся квартира, из-за нежилого чердака над ней, была полна шорохами и скрипами. Откинув пикейное одеяло, сидел Мирза Халил в одних трусах, прикидывая, с чего бы лучше всего начать. На журнальном столике укоризненно стояли пустые пивные бутылки и отороченные засохшей пеной стаканы, между ними – новая книга с «уткозайцем» на глянцевой обложке, успевшая за ночь покрыться тонким слоем пыли, нанесенной в окно ветром.

Еще накануне Мирза Халил окончательно решил, что спать будет на диване в гостиной, перед телевизором, где вечерами было заметно прохладнее, чем в крохотной спальне. Таким образом, собирать громоздкую двуспальную кровать было не к спеху: визитеров, желавших заночевать у него, пока не наблюдалось.

Заверещал мобильный. Нацепив очки, Мирза Халил разглядел на ожившем экране фотографию сестры Сары и, подумав, не стал поднимать трубку. Натыкаясь на посуду, телефон ползал по журнальному столику, иногда прерываясь на короткие паузы, после которых возмущенные звонки сменялись длинными сериями текстовых сообщений. Не обращая на него внимания, Мирза Халил брезгливо достал из стакана с водой вставную челюсть и надел ее.

Пока заваривался чай, достал он из найденного портмоне странную записку и еще раз внимательно просмотрел ее. Что бы это ни значило, но до 19-ого июня оставалось еще шесть дней.

– Что-то должно произойти в четверг, – сказал он, приглаживая сбившиеся набок волосы, собственному отражению в стеклянной дверце буфета. – И получается – в этой квартире.

Зашипела заварка, переливаясь через край фарфорового чайника на газовую плиту. Обжигая пальцы, отложил он чайник в сторону

Подробный осмотр квартиры ничего интересного не выявил. Судя по всему, ремонтировали ее относительно недавно, может быть, лет пять или семь назад. Оставалось проинспектировать чердак, который, по утверждению вежливого господина Мамедова, управляющего фирмой «Синдбад», был давно приватизирован и включен в техпаспорт квартиры. Передавая Мирзе Халилу ключи, Мамедов сообщил, что на чердаке собрана всякого рода старая мебель, большей частью рухлядь, годная лишь для помойки, но что Мирзе Халилу необходимо иметь ключи от него на случай проверки пожарной безопасности или если кому-то из соседей понадобится выбраться на крышу для установки телевизионной антенны.

Поднявшись на этаж вверх, оказался Мирза Халил на узкой лестничной площадке с двумя дверьми: первая, расположенная над соседской квартирой, была сколочена из неотесанных досок и заперта на висячий замок, вторая, над временной квартирой Мирзы Халила, была сейфовой, с глазком.

Выбрав из связки нужный ключ, открыл он дверь.

Увидел он перед собой просторное полутемное помещение, условно разделенное на две половины опорными колоннами из неоштукатуренного известняка. Главным источником света, не считая многочисленных щелей и прорех в жестяной кровле, грохочущей от порывов ветра, было крошечное окно, врезанное в довольно крутой скат крыши. Рядом с окном находился выход на саму крышу, к которому вела приставная железная лестница. Нашел Мирза Халил на стене выключатель, щелкнул им: под потолком загорелись две пыльные лампочки без абажуров. Чердак был почти пуст, лишь по правую руку, вдоль стены, там, где из-под ладно пригнанных, но некрашенных досок все еще выглядывал скелет черного пола, громоздились какие-то коробки, тюки, мебель, и все это вперемежку со строительными материалами.

Вразрез с утверждением господина Мамедова, мебель совсем не выглядела рухлядью. Стояли там добротные серванты, диваны, прикроватные тумбочки, кресла, шкафы – и все без заметных повреждений. В коробках была всякая утварь и хрусталь, между свернутыми в рулон коврами стояли стопками перевязанные книги.

Попался Мирзе Халилу на глаза большой семейный фотоальбом. Вытащил он из нагрудного кармана очечник и, взяв альбом, осторожно сел в одно из кресел.

Как и положено, первые страницы пестрели старыми, плохо ретушированными студийными снимками: мужчина и женщина, опять они и еще пожилая женщина в келагае – мужчина стоит, женщины сидят и остекленевшими от напряжения глазами тарачатся в объектив камеры. Потом – мужчина и женщина с подростками, сидящими между ними. Следом пошли коллективные фото – школа, училище, предприятие, какие-то праздники, потом возникли упитанные голые младенцы, а через несколько страниц уже подросшие дети позировали вместе и по отдельности на каких-то школьных утренниках, даче. Детей было двое. Девочка с толстыми косами и тщедушный мальчик. На одной из фотографий она чинно сидела за пианино, а на другой оба они в школьной форме стояли во дворе у подъезда дома. И тут вдруг, чувствуя неприятный холодок, Мирза Халил понял, что точно знает и эту девочку с косами, и этого мальчишку в залитом солнцем дворе, и сам двор отлично знаком ему.

Отлистал он несколько страниц назад, внимательнее вгляделся в лица, потом лихорадочно стал перелистывать вперед, перескакивая через чужие свадьбы, фотосессии с мангалами, накрытыми столами, пляжами, пропуская пузатых младенцев разной степени одетости, и вот, наконец, – девочка с косами стоит под фатой в Саадат сарайы – Дворце счастья на бывшей Коммунистической. Рядом жених, а позади, в черно-белом ряду лиц, есть и по моде отороченное бакенбардами лицо самого Мирзы Халила! Где-то в этой же толпе – и еще незамужняя Сара.

На всех последних фотографиях в основном фигурировал повзрослевший уже мальчик, постепенно превратившийся в лысеющего мужчину: в мастерской скульптора, на выставках, на шашлыках и так далее.

Долистав альбом до конца, понял он, что дышит часто, как после забега. Над головой под порывами ветра поскрипывала и хрустела старая кровля. Посидев с минутой, достал он из кармана мобильник и включил его: 12 пропущенных звонков и куча сообщений. Все, кроме двух последних, от Сары, последние – от племянника: «Мама психует:(((«и «пчму не отвечаешь:(((».

Сара выговаривалась минут десять. Клялась навсегда забыть номер его телефона, никогда больше не разговаривать с ним, проклинала и сетовала одновременно, вспоминая все прошлые и нынешние, мнимые и настоящие обиды. Репертуар был старый, и Мирза Халил почти не огрызался. Особенно в последнее годы невольно вспоминал он, что покойные родители всегда очень жалели ее – неуклюжую, мелочную, глупую – словно предчувствуя, что со временем вырастет она в некрасивую и очень одинокую женщину.

Как всегда с Сарой, нужно было просто дать ей выговориться, а затем, выбрав нужный момент, перевести разговор в более-менее цивилизованное русло.

– Сара, я архивариус, понимаешь? Архивариусы – скучные люди, у них не бывает инфарктов. Они живут долго, как черепахи! Помнишь, у нас была черепаха на даче? Ты на нее налепила свечку и зажгла...

– Ты издеваешься? Причем тут черепаха!.. Это ты налепил на нее свечку, я только покрасила ей панцирь лаком, – всхлипнула она.

– А Вагифа с Эльнарой помнишь? – осторожно спросил Мирза Халил.

– Кого? Со второго этажа, что ли?.. Конечно, помню. Я же еще в маразм не впала, как некоторые. А чего это ты вдруг про них вспомнил?

– Так просто, вспомнил вдруг. Ты ведь с Эльнарой дружила.

– Да ну, дружила! Тоже мне! В одном доме жили, ходили друг к другу, вот и все. Она у меня математику скатывала. И физику. И химию. На свадьбе у нее были. Ты же тоже там был! Забыл, что ли?

– Помню.

– Много она о себе воображала. Думала, что такая прямо королева красоты – с ума сойти. А у самой изо рта воняло, как будто кошка сдохла!

Мирза Халил рассмеялся:

– Умеешь ты человека с дерьмом смешать.

– Что, не веришь? Как есть, так и говорю. Тебе, конечно, неприятно слышать – ты же только и делал, что на ее сиськи пялился! Я что, дура, по-твоему, была? Не замечала? Да она мне сама рассказывала! Издевалась, задницей перед тобой специально вертела... Чего это ты про нее вспомнил? Я о ней ничего не слышала уже лет пятнадцать. Да нет, больше. В последний раз я ее видела, когда Эльмару было лет пять. Так что найди себе кого-нибудь помоложе!

– Бог с ней, мне интересно, куда Вагиф девался.
– А он зачем тебе сдался? Привет! Тыщу лет в одном доме жили, только «здрасьте-до свиданья». А теперь вдруг чего?
Мирза Халил замялся.
– Он же ведь скульптор, так?
– Дебил он, а не скульптор!
– Кончай. Человек преподает в Азимзаде. Выставляется где-то, в каталогах, и все такое... Я же сам видел, в конце концов!
– И что дальше? Лепил всю жизнь нефтяников и колхозниц с толстыми ляжками. Зачем тебе это? Надгробие решил заказать?
– Что-то в этом роде. У моего знакомого сын собирается поступать в эту, как ее, Художественную академию. Ему нужен кто-нибудь типа ментора. Я по глупости пообещал.
– Что-то ты темнишь, Мирза. Какой еще знакомый? Я всех твоих знакомых знаю.
– Этого ты не знаешь. Тоже бывший следователь.
– Я всех-всех твоих знакомых знаю. Кончай врать! Как его зовут?
– Сара, – с тоской сказал Мирза Халил, уже понимая, что обмануть ее не получится. – Ты не можешь знать всех моих знакомых!
– Могу! Могу! И всех знаю!.. Говори, зачем тебе скульптор? Я же все равно не отстану!
– Все! Короче, мне он нужен и все тут! Можешь помочь – помоги!
– Да где я тебе найду этого Вагифа? Где я буду искать его тебе? Объясни, зачем он тебе сдался! – в голосе Сары снова послышались истерические нотки.
Мирза Халил понял, что пора заканчивать разговор. Своего он добился: Сара из чистого любопытства достанет скульптора и его сестру хоть из-под земли!
– Все. Не могу больше говорить. Ко мне тут пришли. Отключаюсь.
– Да кто там к тебе пришел? Кто там тебя знает? Совсем меня за идиотку держишь?..
– Люди ждут, неудобно, понимаешь? Вечером поговорим.
Мирза Халил быстро выключил мобильный, не без удовольствия представляя себе перекошенное от бешенства лицо сестры.
Захватил он с собой альбом.
Спустился вниз, стал искать на связке нужный ключ. Сзади с металлическим скрежетом на одну треть приоткрылась соседская дверь. Из полусумрака прихожей показалось лицо женщины.
– Вы новый сосед? – спросила она, придерживая рукой дверь. Голос у нее был низкий, с приятной хрипотцой.
– Да. Вчера переехал.
– Я Эльза.
Она приоткрыла дверь шире, позволив ему разглядеть себя в полный рост. Было на ней короткое платье до колен в крупных желтых цветах, красные туфли на платформе, на шее зеленые бусы. Ее черные пружинистые волосы были собраны на затылке в клубок. Судя по всему, было ей далеко за сорок.
– Очень приятно. Мирза.
– Вы один переехали? Я хотела сказать – вы один живете?
Он вежливо кивнул и, опустив голову, вновь стал перебирать ключи на связке,

давая понять, что разговор окончен.

– Добро пожаловать.

Мирза Халил еще раз кивнул.

– Извините, вы у скульптора купили квартиру?

– Вагифа, что ли? – спросил Мирза Халил, приподняв голову.

– Да. Вагифа. Интересный был человек.

– А почему «был»? Он что, умер?

Женщина, до этого равнодушно следившая за тем, как он возится с ключами, вдруг посмотрела на него цепко, пристально и, как ему показалось, неприязненно.

– Вот вы сказали «был», почему «был»?

– Значит, не у Вагифа покупали?

– Ну, допустим, нет, – спокойно сказал Мирза Халил. – А что?

– А откуда тогда знаете его имя?

– Так получилось, что мы с ним раньше были соседями. По старому дому, на Молоканке. Выросли в одном дворе.

– Он ваш друг?

– Я бы не сказал. Сосед. Ну, в общем, мы знакомы. Вот вы говорите – «был».

Он что, реально умер?

Женщина задумчиво перевела взгляд с Мирзы Халила на лестницу, ведущую на чердак, и он, обернувшись вполоборота, стал невольно смотреть в том же направлении.

– Не могу сказать точно.

– То есть?.. Не хотите сказать конкретно мне или просто не знаете?

– Не знаю, – ответила Эльза после короткой паузы.

Между ее лакированными туфлями стала протискиваться песочного цвета персидская кошка. Женщина, сдвинув колени, неудобно присела в коротком платье и взяла кошку на руки.

– Не понимаю... А с чего вы вообще решили, что он мог умереть? Он что, болел? – начал терять терпение Мирза Халил, раздраженный ее манерой говорить через паузы короткими фразами. – Вы можете нормально объяснить?

Женщина, продолжая почесывать кошку за ухом, не ответила.

– С чего-то вы же решили, что он умер?

– На чердаке его вещи.

– Да, там мебель, ковры, посуда. Я вот тоже не знаю, как это все понимать!

– Это Вагифа?

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Альбом. – Она показала пальцем. – С чердака?

Мирза Халил застеснялся:

– Пытаюсь разобраться.

Женщина вдруг улыбнулась:

– Вам нравится компот? Я сварила вишневый компот. Хочу угостить.

– Нет, это не нужно. Зачем? Спасибо. Я...

– Не стесняйтесь. Выпьете компота. Заодно и поговорим.

Мирза Халил попятился к своей двери.

– В следующий раз, может быть.

– Вы не думайте. Просто хочу поговорить. Зачем здесь стоять? Я живу одна. Ко мне ходят клиенты. У меня дар.

– Дар? Дар чего?

– Я гадаю.

– Вы гадалка?

– И медсестра, – ответила она спокойно. – Со стажем. У вас к кошкам аллергии нет?

– Да вроде бы нет.

– У меня два котика дома. Некоторые боятся. Идете?

Несмотря на яркий июньский полдень, квартира соседки утопала в мягком полумраке. Из крошечного коридора прошли они в гостиную с плотно зашторенными окнами, сплошь заставленную безобразной мебелью, которая к тому же еще была многократно размножена зеркалами в бронзовых рамах. Урчал стеной кондиционер. По углам комнаты топорщились искусственные пальмы. Эльза включила хрустальную люстру и предложила ему сесть на стул у обеденного стола, в центре которого на подносе горкой лежали пластмассовые фрукты.

– Компот, может, еще не остыл, – сказала она. – Недавно варила. Я люблю, когда он очень сладкий. Как сироп. Ничего?

– Да вы не беспокойтесь...

– Хорошо.

В ее отсутствие стал он осматриваться по сторонам, однако собственное его отражение в зеркалах не давало сосредоточиться, вызывая странное ощущение, будто находится он внутри какого-то безумного калейдоскопа. Было слышно, как бренчит она на кухне посудой и разговаривает с котами.

Эльза вернулась с двумя высокими стаканами компота и вазочкой вишни.

– Не остыл. Но пить можно.

Мирза Халил пригубил из стакана. Компот и вправду был почти как сироп. Эльза присела напротив него на край стула.

– Вы любите читать? Я раньше не любила.

– И что вы читаете, если не секрет?

– Разное. Все. Беру книги подряд. Пытаюсь понять, как я гадаю. Вы кто по профессии?

– Можно сказать, никто. Раньше работал в архиве.

– Архив... это прошлое. Я больше предсказываю будущее. Предсказывать прошлое сложно.

– Как это «предсказывать прошлое»? Прошлое такое, какое оно есть. Разве не так? Я понимаю, допустим, будущее, его еще как-то можно предсказать, предугадать. Что касается прошлого... Ведь это какой-то парадокс получается!

– Прошлое, как и будущее, имеет варианты. Одно и то же прошлое для разных людей может быть разным. Оно все время меняется.

– Странные вы вещи говорите. До архива я немного работал следователем. И что получается, если прошлое, как вы говорите, все время меняется, как же тогда расследовать преступления? Получается, невозможно?

– Почти.

– Подождите, у любого события должна быть определенная причина, так? Событие «а» вытекает из события «б», и все! Все просто.

– У события «а» может быть миллион разных причин.

– Как это? – удивился Мирза Халил, незаметно поглядев на ее ноги. Несмотря на широкие бедра, лодыжки у нее были по-девичьи тонкие, с просвечивающими ве-

нами. Она промокнула губы салфеткой. На салфетке остались следы ярко-красной помады.

– Очень просто, – повторила она.

– Неужели? – насмешливо спросил Мирза Халил.

– Пропал человек. Исчез.

– Вы говорите сейчас про Вагифа?

– Нет. Просто вариант. Попал в аварию. Или уехал навсегда. Или его похитили.

Или он потерял память – амнезия. Или его выкрали инопланетяне. Для экспериментов...

– Ну, это уже несерьезно... При чем тут инопланетяне?

– Вариант. Можно придумать другие причины.

– И что дальше? Как со всем этим быть? Допустим, я согласен – вариантов может быть очень много, но остаются же какие-то факты, улики, которые будут указывать только на какой-то один вариант события? В крайнем случае, на пару каких-то вариантов. Разве не так?

Она отмахнулась:

– Факты... это мы называем что-то фактами. Придумываем себе подсказки.

– Лучше, чем ничего! Что вы предлагаете, отменить все и заняться гаданием? Использовать гадалок вместо следователей? И если все так, как вы говорите, как же получается, что мы все-таки находим и убийц, и пропавших людей? Не всегда, но очень часто. Значит, обычные методы работают!

– Потому что и гадалки, и следователи не расследуют, а предсказывают прошлое. Разница в том, что следователи об этом не знают.

– Ничего себе! У следователей нет, как вы говорите, «дара»? Они не гадают на кофейной гуще...

– Есть интуиция. И золотое правило.

– Что еще за правило?

– Самое простое объяснение и будет самым правильным. Я недавно про это прочитала. Называется «Бритва Оккама».

– Какая еще бритва?.. Бритва чего?

– Был такой философ Оккам. Он и придумал этот принцип.

– Оккам? Никогда не слышал.

– Принцип такой, я запомнила слово в слово: *если все объяснения равны, то самое простое объяснение будет самым верным*. Еще компота?

Мирза Халил покачал головой.

– Достаточно. Спасибо.

– Много сахара?

– Вкусно.

– Я компот люблю очень сладкий.

В комнату, мягко ступая, вошел большой пушистый кот с серыми подпалинами по бокам. Из-за зеркал возникло впечатление, что в комнату на самом деле вошло целое стадо одинаковых котов. Остановившись перед диваном, он спружинился и ловко запрыгнул на него.

– Вы не похожи на обычную гадалку.

Она промолчала.

– А что с будущим? Тоже этот самый принцип... Оккама? Или вы его как-то реально видите?

– Да. Беру человека за руку. Проходит время. Минута. Я начинаю видеть. Как сон. Перепутанный. Вижу не одно будущее. Сразу несколько. Нужно выбрать самый опасный вариант.

– Для кого «опасный»?

– Для клиента. Ведь предсказывая будущее, ты его мысленно создаешь.

– То есть?

– Вот прогноз погоды. Например, говорят: «Будет жарко». Или: «Пятого числа пойдет дождь». Это наука. Работают метеостанции. Анализируют.

– Допустим.

– Погода от нас не зависит. Если дождь пятого числа должен пойти – он пойдет. Или нет. Нет – если ошиблись с прогнозом. Или если что-то изменилось. Подул сильный ветер, например. Согласны? Тут ни метеоролог, ни диктор, ни мы на это не влияем. А если я, допустим, говорю кому-то: пятого числа ты попадешь под машину. Тогда этот человек будет очень осторожен с машинами именно пятого. Я-то вижу, что он попадет в аварию в этот день. Но это только один из вариантов будущего. Когда я предупреждаю его, я влияю на его будущее. Мои предсказания – это предупреждения об опасности.

Эльза поднялась со своего места, прошла к серванту и взяла с полки пачку сигарет и пепельницу. Не глядя на Мирзу Халила, она закурила.

– Я вам не предлагаю, вы ведь бросили курить?

– Угадали, – усмехнулся Мирза Халил.

– Да нет, просто использовала принцип Оккама, – пожала она плечами.

– Ну, а что вы нагадали Вагифу?

– Самое обидное, что ничего. Не успела. – Эльза раздавила едва начатую сигарету в пепельнице. – Все собиралась. Не успела предупредить. Было неудобно. Не могла найти правильного момента. Он жил тут всего несколько месяцев. Что я должна была делать, позвонить в дверь и сказать: опасайтесь, вас собираются убить?

– Ничего себе! А кто собирался его убить?

– Не знаю, не разобралась. Я видела мельком. Он, вот как вы, возился с ключами. Перед дверью. Я возвращалась из магазина. Он поздоровался, и я вдруг увидела. Постеснялась сказать! А потом так и не получилось. А потом он исчез.

– Странно все это. – Мирза Халил встал со своего места. – И вы не знаете, где он сейчас?

– Не знаю. И ничего не вижу. Это на самом деле странно.

– А насчет того, живой он или нет?

– Тоже не знаю.

– А когда он исчез?

– Месяца полтора назад. Трое каких-то амбалов перетащили мебель на чердак. С ними был их главный. Стоял в стороне. Командовал, типа прораба. Я у него спросила насчет Вагифа. Он сказал, что ничего не знает, что квартиру купил другой человек.

– Да уж! Головоломка.

– Вы можете оставить мне альбом?

– Что? – удивился Мирза Халил.

– Альбом. Вагифа альбом.

– А, это... Да. Зачем он вам?

– Не знаю. Может, увижу что-нибудь.

– Ладно. Вот, возьмите. Спасибо за компот. И за интересный разговор. Я пойду уже, наверное.

– На здоровье.

Он вышел в коридор, но вдруг остановился и обернулся к следовавшей за ним соседке.

– Эльза-ханым, вы сказали, что вам было неудобно ему сказать про то, что вы... увидели. И что он стоял на площадке, как я, перед дверью, возился с ключами.

– Да.

– А со мной вы все-таки заговорили. Даже в дом пригласили. Мне тоже что-то угрожает? Я правильно понял?

Она посмотрела ему прямо в глаза, Мирза Халил невольно поежился. Но решил пошутить:

– Попаду под машину?

– Я видела вас мертвым. Будьте осторожны.

– Убитым?

– Не знаю. Просто мертвым.

– Ничего удивительного, все мы когда-нибудь умрем...

– Для вас не «когда-нибудь», а на этой неделе.

– А может, и день назовете? – снова пошутил он.

– В четверг, девятнадцатого июня, – серьезно ответила она.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Воскресенье, 15 июня

Сразу после разговора с гадалкой отправился Мирза Халил на рынок, а вернувшись, обессиленный жарой и усталостью, провалялся на диване до самого вечера под только что купленным им вентилятором. Потягивал он воду со льдом, снова и снова возвращаясь к разговору с соседкой, найденному портмоне, пропавшему без вести Вагифу, переезду в квартиру, на котором, как ему теперь казалось, слишком уж настаивали хозяева «Синдбада». Между событиями как будто бы нащупывалась определенная связь, но смысл ее пока ускользал от него.

В тот вечер невыносимо долго не заходило солнце, ровно полыхая медью из-за темных надгробий высоток. В такт потугам вентилятора, месившего душный воздух, пульсировали виски.

Наконец Мирза Халил задремал.

Увидел он бесконечный птичий двор. Одинаково белые длинноногие курицы тыкали клювами в загаженную пометом землю, выклеывая из нее кукурузные зерна. Бройлеры, сообразил он, птицеферма. И тотчас оказался перед приоткрытыми воротами полутемного птичника, внутри которого мелькали люди в резиновых сапогах и белых халатах. Воздух оглушительно пах аммиаком. Ни люди, ни даже птицы, возившиеся вокруг него, не обращали на Мирзу Халила никакого внимания. Но тревога уже охватила его. Что-то должно было вот-вот случиться. И тут он вспомнил, – читал или слышал от кого-то, – что если одна из птиц поранится, остальные, привлеченные запахом крови, нападут на нее и начнут заклевывать, попутно калеча и раня друг друга. Только подумал он об этом, как бройлеры вокруг него вдруг встрепенулись, заволновались и, подняв ошетилившиеся клювами головы, ринулись в дальний угол двора, в котором металась подраненная курица. До него донеслись хриплые и ярост-

ные крики ополоумевших птиц, вверх полетели обгаренные алой кровью перья, еще через мгновение все вокруг превратилось в одно кровавое месиво. Попытался он крикнуть, чтобы привлечь внимание людей в глубине птичника, но голос его, как это бывает во сне, был не слышен, словно рот его был заткнут удушающим кляпом.

Мирза Халил проснулся в фиолетовых сумерках от собственного крика. Тяжело дыша, облизал он запекшиеся губы, присел на диване и провел рукою по лицу, прогоняя остатки отвратительного видения.

Наступивший наконец вечер почти не принес облегчения. Поужинав, долго сидел Мирза Халил на балконе. Отгоняя комаров, продолжал он настойчиво думать о странном переплетении событий, в котором он оказался замешан то ли в качестве случайного наблюдателя, то ли будущей жертвы.

Постепенно гасли окна домов. Поток машин становился все реже. Где-то недалеко, отыграв, умолкла свадьба. Вскоре уличную тишину с вплетенным в нее жарким урчанием кондиционеров изредка нарушали лишь шаги и голоса запоздавших прохожих или хлопанье балконных дверей. Пора было ложиться спать.

– «Эм» значит Мирза. То есть – я, – прошамкал он своему отражению в зеркале над раковиной. Со снятыми зубными протезами лицо его выглядело по-детски беспомощным.

Отправился он обратно на свой диван, уже застеленный к ночи, смотреть телевизор.

Было далеко полночь, когда попытался он заснуть. Прикрыв спину влажной от пота простыней, повернулся Мирза Халил к стене, закрыл глаза, но тут в ванной комнате вдруг стала очень громко капать вода. Через пару секунд капанье превратилось в звук струи, льющейся в пустую ванную. «Что-то с баком?» – раздраженно подумал Мирза Халил и тяжело поднялся. Не включая света, пошел он, босой, на звук воды.

Дверь в ванную была закрыта. Взялся он за ручку, но, еще не успев потянуть ее на себя, понял, что за дверью кто-то есть. Хотел было Мирза Халил остановиться, отпрянуть, но опять, как это бывает во сне, тело его перестало слушаться: дверь широко распахнулась. На пороге стояла Эльза в коротеньком халатике. Глядя на него насмешливо, исподлобья, потянула она шелковый пояс кончиками пальцев, и халат, струясь, стал сползать с нее, обнажая плечи и грудь.

– Это и есть предчувствие, – сказала она одними губами. – Ты же знал, кто будет за дверью...

Телефон зазвонил, когда солнце уже взошло, но в углах квартиры все еще густо висели предрассветные сумерки.

– Мирза?.. Мирза?.. Спишь, что ли, еще?

– Сплю, – проворчал он, взволнованный сном и почти юношеской болезненной эрекцией.

– Ночью надо спать. Слушай сюда!

– Слушаю.

– Я такое тебе расскажу!

– Ну?

– «Ну»! – передразнила она его. – Я в шоке!

– Давай уже!

– Ты вчера спрашивал про Вагифа и Эльнару, помнишь? Я сразу стала искать ее телефон. Ты слушаешь меня или спишь?

– Да слушаю я!

– Короче, перерыла все записные книжки. Старые, новые – нету и все! Полезла на антресоли – может, там что-нибудь найду, и обнаружила две коробки, полные катушек с фильмами. Ты помнишь, когда Мурадов, debil, ходил целый год и всех снимал на камеру? Помнишь? Жалко, сейчас даже посмотреть невозможно. Это же пленка. А интересно, можно что-нибудь с этим сделать?..

– Сара, короче!

– Хорошо, хорошо! В общем, стала звонить по знакомым. Позвонила Асе, потом позвонила Сабине – у нее, кстати, внучка родилась месяц назад, вторая. Жалко, вся в ее сына: бровастая, смуглая и даже сейчас видно, что нос будет...

– Плевать на нее, дальше что было?

– С тобой разговаривать стало просто невозможно! Не даешь мне рта раскрыть! Я что тебе, ребенок? Обрываешь меня на каждом слове! – возмутилась она.

– Просто сонный, извини.

– Сонный он! Ночью спать надо, а не валяться перед телевизором до утра.

– Хорошо, Сара, что дальше было?

– Сонный... Ничего. Стала звонить туда, сюда – никто ничего не помнит. Сижу, думаю, что делать.

– И что ты сделала?

– Полезла в фейсбук. Ты не пользуешься, а зря! Иногда очень полезно. И самое главное – под рукой. Короче, вначале искала самого Вагифа. Они же Мамедовы. Так? Там такой список вышел, что можно неделю копать. Зато... Ты помнишь Сабину? Не ту Сабину, которая моя подруга, про которую я сказала, что у нее внучка родилась, а Сабина, которая с нами в школе училась? На класс старше. Зубы как у зайца. Жирная. Отец был известным архитектором, а?

– Не помню.

– Поэтому из тебя следователь и не получился, никого и ничего никогда не помнишь! Это я должна была быть следователем!

– Сара!

– В общем! Я вспомнила, что Сабина тоже была на свадьбе Эльнары, но со стороны жениха, понимаешь?

– Не очень.

– Что тут непонятного? Сабина, которая училась с нами, родственница мужа Эльнары, которую мы ищем. Понял? Он то ли дядя ей, то ли еще кто-то. Теперь понял?

– Неважно. Дальше!

– А эта Сабина у меня в друзьях на фейсбуке. Мы иногда так по фейсбуку общаемся. Я, честно говоря, даже думала позвать ее на свадьбу Эльмара, а потом передумала. Еще решит, что я из-за денег. Мы же не такие близкие...

– Сара!

– Хорошо! Хорошо! В общем, я ей написала, она ответила. Я опять написала, она опять ответила. Короче говоря – созвонились. Она на даче с внуками и невесткой. Отдыхают.

– Ну?

– Ну, ничего, поговорили. У нее варикоз. Должны оперировать скоро. Я ей посоветовала нашего заведующим, он ничего, но они хотят ехать в Стамбул. Деньги девать некуда, могут себе позволить. У нее муж – еще работает – какая-то шишка в

МЧС. И обоих сыновей туда же пристроили. Сам понимаешь!

– Скажи, наконец, ты взяла у нее телефон Эльнары или нет?

– Могу дать.

– Я запомню.

– Пожалуйста. Запоминай.

– Ну?

– Только звонить к ней по поводу Вагифа не советую.

– Почему?

– Они не разговаривают. Много лет уже. Вообще не разговаривают. Она на тему брата даже говорить не хочет.

– Чего не поделили? Квартиру? Дачу? Бриллианты от папы-нефтяника?

Сара захихикала:

– Я тебя умоляю, какие у них там бриллианты!.. Хуже!

– Говори уже!

– Сейчас упадешь! Догадайся!

– Да говори же!

– Оказывается, Вагиф твой – Вагифчик, Вагуля, дорогой наш сосед – больной!

– Чем больной?

– Голубой он! – выпалила она и опять захихикала. – Представляешь? Он, оказывается, педик! На старости лет! Он же младше нас лет на пять, кажется!.. А я, между прочим, всегда это чувствовала. Знала, что с ним что-то не так. Как долго скрывался, представляешь? Даже женился, ты помнишь? Сколько они там вместе прожили? Месяц?

– Год.

– Какой год, что ты говоришь! Максимум полгода, я же помню!..

– Год, – мрачно повторил Мирза Халил.

– Все равно, какая разница? Тоже ненормально. А жену его я помню. Приятная такая была, интеллигентная...

– Ты говорила – крыса.

– Что ты цепляешься! Я имею в виду – в принципе. Нормальная женщина.

– Тьфу! Идиотизм какой-то...

– Да ладно тебе, Мирза! Ты от жизни конкретно отстал. Тут уже полгорода давно голубые. Просто эпидемия...

– И что, они не общаются? Совсем?

– Абсолютно! Ты что! Эльнара всем говорит, что у нее, типа, брата нет! Умер. И детям, и родственникам. Совсем крыша съехала, все-таки – родной брат. Голубой, не голубой, главное, чтобы человек хороший был. Многие известные люди... И не скажешь даже. Я же от тебя не отказалась – ты вон вонючего пуделя своего на руках по лестницам таскал, пока он не сдох. А он все время, извини, конечно, пердел, к тебе в квартиру зайти было невозможно. Так ты номер записывать будешь?..

В светлой тенниске, подаренной в прошлый приезд сыном, и такого же цвета коттоновых брюках вышел Мирза Халил из дома в самое пекло. Поправив козырек льняной кепки, проскочил он залитый обжигающим солнцем пятачок перед подъездом, торопливо нырнул в тень старых акаций и пошел, петляя между припаркованными машинами. Огибая двор, издали кивнул он трем неопрятным женщинам на скамейке за столом, чистившим стручковую фасоль в гигантский таз. С явной надеждой на разговор женщины почти синхронно кивнули в ответ, но Мирза Халил, иг-

норируя оглушительный зной, лишь прибавил шагу.

Помещение ЖЭКа располагалось в цокольном этаже соседнего с домом здания бывшего семейного общежития бывшего же завода Шмидта. И, несмотря на новую дверь, стеклопакеты в окнах и компьютер с жидкокристаллическим монитором, сохранилось оно более или менее таким же, каким было, наверняка, лет тридцать тому назад. Не изменился и характерный для всех полуподвальных учреждений запах: униженный и безнадежный запах прелой бумаги, пыли, гниющих половых досок и туалетной хлорки.

Ожидающих в приемной было немного. По словам компьютеризированной девицы, начальник еще не вернулся с перерыва, что подтвердил и скучающий с телефоном мужчина с фиолетовой бородавкой под носом. По-птичь вытянув шею, глянул он в зарешеченное квадратное оконце на уровне земли, в которое был виден лишь кусок тротуара:

– Не-а. Еще не приехал. Все ждем.

Вдоль стены стоял ряд откидных сидений, какие бывают в старых кинотеатрах. Мирза Халил сел. Девица включила музыку на компьютере.

– Это вы в квартиру Вити переехали? Шестой подъезд? – спросил Мирзу Халила сухонький дядечка в очках, а затем, обернувшись, пояснил остальным:

– Вчера переехал. В Витину квартиру.

– Последний этаж, – то ли спросила, то ли резюмировала пожилая женщина, сидевшая с папкой на коленях в углу, рядом с книжным шкафом. – Витя хороший был человек.

– Шестьдесят седьмая, – не отрываясь от экрана компьютера, сказала девица.

– А за сколько купили? – встрял мужчина с бородавкой.

Девица оторвалась от монитора и, оценивающе глядя на Мирзу Халила, спросила:

– Договор о купле-продаже принесли? И справку из БЭТЭИ?

Мирза Халил собирался было ответить, но его опередил сухонький в очках:

– Это вы после Вити уже третий человек получаете. Жалко, что последний этаж, а такая квартира хорошая. Это напротив Эльзы.

– Гадалка, – ухмыльнулся мужчина с бородавкой.

– Какая она гадалка, людям голову морочит, – сказала из угла женщина.

– Нужна будет копия купчей... – девица быстро закликала мышью.

– Аксакал, ремонт делать будете? – мужчина с бородавкой доверительно наклонился к Мирзе Халилу. – Я и кафель кладу, и сантехнику делаю. Евроремонт под ключ. А насчет денег – договоримся! Если что – я все время здесь. Я здесь слесарем. Зовут Неймет.

– Витя хороший человек был. Телевизоры чинил. Только пил много. Поэтому квартиру и продал. Дурак. За копейки...

– Витина фамилия была Чижиков, – почти с укором сказал сухонький. – Какой, к черту, продал, – отняли у него. Хорошо еще, не убили. Посадили на поезд и отправили в Ростов, к сестре. У него сестра в Ростове замужем.

– Кинули, – оторвавшись от телефона, добавил Неймет.

– А как же! Напоили, подсунули бумаги, он подписал. Что, не знаете, как это делается?

– Кто кинул? – вмешался наконец в разговор Мирза Халил.

– А кто его знает. Те, кто квартиру забрали, те и кинули. Но они в ней даже не

жили. Появились здесь, покрутились и все. А квартира пустая стояла. Долго.

– Да ладно вам! – возмутилась девица. – Кто у кого и что может забрать настолько! Где вы такой беспредел видели? Все по закону...

– Это, дочка, до тебя еще было, – ответили ей из угла. – Думаешь, только Витя квартиру тогда потерял? Еще и другие были. И чердаки, и подвалы все захватили!

– Приватизировали! – сказал Неймет.

– Не имели права. По закону надо, чтобы был выход на крышу, – отрезал сухонький.

– И что, так пустая квартира и стояла? – опять вмешался Мирза Халил, пытается вернуть разговор в интересующее его русло.

– Почему? Кто-то там оставался иногда. Вот, год назад семья жила недолго.

– Я помню, – сказала женщина из угла. – Из района приехали, из Худата, кажется. Без детей. Тихие очень были. Купили, а потом вдруг исчезли.

– Исчезли?

– Уехали. Никому ничего не сказали. Тихо так...

– Какой Худат? Беженцы они были. Я сам с мужиком говорил, – сказал сухонький. – А продали художнику, потому что он предложил хорошие деньги. А чего им – молодая семья...

– Не художник, скульптор, – уточнил Мирза Халил.

– Художник не у них купил, они снимали, квартиранты были, а купил у первого владельца, – не удержавшись, выпалила девица.

– У Вити, что ли? – удивился сухонький.

– Нет, который после Вити.

– Значит, у кидалы купил, – сказали из угла.

– Да кто сказал, что этого алкоголика вообще кинули?..

– И чего скульптор? – спросил Мирза Халил.

– Ничего, жил нормально. Потом тоже вдруг продал и уехал. Вообще-то, странно.

– Невезучая какая-то квартира, – покачал головой коротышка Неймет и снова стал играть на телефоне.

– А он кому продал? – спросил Мирза Халил.

– Что значит «кому»? Вам и продал! Вы что, не у него купили?

– Я не покупал. Я квартирант.

– Интересное дело, а кто ж тогда квартиру купил? Она сейчас чья?

Девица воровато выглянула из-за монитора и сказала вполголоса:

– Ее обратно выкупил прежний хозяин.

– Это что же получается? – удивился сухонький. – Художник продал тому же, у кого купил, что ли?

– Афера, – заметил Неймет.

– Все по закону! Все, как полагается! – вдруг, словно одумавшись, взвизгнула девица. – И справки, и выписка... а что они там продают-покупают – это не наше дело. Мы ЖЭК. Этим пусть БэТЭИ занимается. А у нас все документы в порядке.

– Зачем ты, дочка, нервничаешь? Просто же разговариваем...

– Получается, меньше, чем пять месяцев жил...

– Вам какое дело? Его жилье, захотел – продал, захотел – сдал. Хватит уже! Сейчас вот начальник приедет – с ним и говорите.

Раскрасневшаяся лицом девица прибавила звук музыки в компьютере.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
Понедельник, 16 июня

В понедельник съездил Мирза Халил в художественное училище. В отделе кадров ему сообщили, что Вагиф из училища уволился еще полтора года назад, а в личном деле все еще был указан прежний адрес на Молоканке. Посоветовали ему навести справки в Союзе художников или съездить в мастерские на проспекте Иншаатчылар, где у Вагифа, как у заслуженного деятеля искусств, была своя студия.

Выходя из прохладного фойе училища, Мирза Халил на мгновение замешкался: людная улица перед ним вся полыхала жаром. Вздохнув, вступил он в ползущий мимо витрин поток людей и автомобилей, окрашенный в тягучие цвета меда, и тотчас почувствовал головокружение и слабость.

Взял он такси.

Когда-то, относительно недавно, был Мирза Халил автомобилистом. В 1982 году после многолетнего ожидания в очереди на работе досталась ему канареечная «тройка», честно прослужившая 16 лет. За это время умельцами из второго таксомоторного парка была она переделана в «шестерку», перекрашена из канареечного в спокойный бежевый, пережила две расточки коленвала, смену зеркального диска в сцеплении, две украденные магнитолы и три незначительные аварии. В 1997 году «тройку» увел со двора, а точнее – с автомобильного базара – безымянный покупатель из Сиазани. На смену ей пришла подержанная «Волга». Четыре года назад «Волга» завершила свой земной путь в каком-то грязном гараже, разодранная на запчасти. После того, как продал он дачу, чтобы помочь устроиться сыну по дипломатической линии, а позже еще и сыграть ему достойную свадьбу, решил Мирза Халил окончательно перестроиться из автомобилиста в пассажира. И жалел об этом только тогда, когда вместо общественного транспорта приходилось ему платить за такси.

Мастерские Союза художников располагались в пятиэтажном каменном доме. Вход был со двора. Здание выглядело вполне обыденно и, не считая таблички у двери первого подъезда, ничего больше не указывало на полтора десятка или даже более художников, творящих современное искусство на последнем этаже.

Поднялся он через полутемные пролеты, пахнущие мусором и мочой.

Белая железная дверь оказалась с домофоном. Фамилии были выписаны в два ряда, следуя очередности мастерских. Нацепив очки, нашел он в списке В. Мамедова и набрал его номер. Никто не ответил. Попробовав безрезультатно еще несколько раз, набрал он номер следующей мастерской. Микрофон включился на третий звонок: на фоне громкой музыки услышал Мирза Халил низкий прокуренный голос:

– Кто?

– Я по поводу заказа, – не раздумывая, соврал Мирза Халил.

– Какого заказа? Подождите! – Музыку на заднем фоне приглушили. – Вы от Айдына, что ли? Мы разве не на завтра договаривались? На вторник?

– Я хотел...

Громко щелкнул дверной замок.

– Я в четырнадцатой, заходите, заходите!

Длинный коридор, судя по всему, шел по внешней стороне здания. Во всяком случае, слева были одинаковые двери, а справа – большие двустворчатые окна, выходившие на проспект. Прорезанный широкими полосами света, был он весь завешен пыльной дымкой. Мирза Халил сделал всего несколько шагов, когда одна из дверей

распахнулась, и на порог, ковыляя, выскочил бородатый мужчина очень маленького роста. Его тронутые сединой и давно не стриженные волосы патлами торчали во все стороны. Была на нем неопределенного цвета аскетическая роба навыпуск поверх заляпанных краской джинсов. На ногах оранжевые вьетнамки. Выглядел он почти карликом.

– От Айдына?.. Я думал, мы на завтра договорились. Проходите, у меня тут бардак немного... – сказал он, пропуская Мирзу Халила в мастерскую.

С порога увидел Мирза Халил довольно просторную, но сильно загроможденную студию. Между громоздким буфетом и пузатым холодильником, выкрашенным в цвета радуги, стоял старый продавленный диван, рядом кресло, совершенно заваленное стопками газет и сплюснутыми пивными банками. Все прочее пространство было основательно захвачено всевозможным хламом, пластмассовыми тазами с кусками гипса или комьями глины, стеллажами и подставками, на которых громоздились керамические и бронзовые поделки. Ближе к широкому окну, где было больше света, на скульптурном станке, под мешковиной, стоял бюст. Там же, на тянувшемся от подоконника грубо сколоченном верстаке в художественном беспорядке валялись стеки и резцы самых разных форм и размеров.

– Не обращайтесь внимания. Мастерская, сами понимаете... Всегда хаос и бардак. А теперь еще живу здесь. Что делать! Дорогая жена из отцовского дома меня... – он изобразил пальцами щелбан, – ...как собаку! Я почти бомж! – коротышка вдруг заляпал гавкающим, отрывистым смехом. – Бомж я!

Мирза Халил сочувственно покачал головой.

– Ага! Судьба такая. Отцовский дом, потолки – четыре метра! Недавно ремонт сделал! Сам!.. У нее братья – менты. Сучья порода!.. А вы фотографии принесли? Айдын сказал, что нужно хотя бы две или три, и желательно хотя бы одну в ракурсе. Три четверти.

– Как вас по имени?

Коротышка заметно изменился в лице:

– Я не знаю, что вам Айдын сказал, но я, между прочим, в Германии выставился. И в Румынии. Недавно в Сингапур две работы повезли... Я скульптор, настоящий! Я тут не башмаки шью!

– Я, честно говоря, не к вам шел. Я ишу Вагифа. Соседа вашего.

– Подожди! Так ты не от Айдына, что ли? А чего мне тут... тискаешь? «Заказ у меня...»? – агрессивно спросил коротышка. – Ты кто такой, на х..й? Зачем тебе этот гондон Вагуля? – Он отступил на шаг назад, ближе к верстаку с инструментами. – Чего тебе надо?

– Успокойся.

– На вышибалу ты вроде не похож. По возрасту не подходишь.

– А при чем тут вышибала?

– А при том! Ты не смотри, что я невысокий... Второй раз бью по трупу! – коротышка вдруг опять прыснул все тем же хрюкающим, отрывистым смехом.

– Мы с Вагифом были соседями по старому дому, – стал объяснять Мирза Халил. – Хотел кое-что заказать ему. В училище дали адрес. Ты давно его видел?

– А что за заказ? Памятник?

– Ну да, – снова соврал Мирза Халил.

– Тогда зачем тебе Вагуля, гондон этот? Ты извини, конечно, ему только деньги дай – потом будешь бегать за ним. Он всем вокруг должен. Он мне двести должен!..

Ты не обижайся, аксакал. Давай лучше сядем, обсудим. Если тебе нужна работа – пожалуйста. Ты пиво будешь? У меня в холодильнике для особых случаев! Или минеральной?

– А где Вагиф вообще?

– Да подох, наверное, где-нибудь... Тебе для кого памятник? Извини, конечно, что спрашиваю. Садись вон на диван, там чисто.

Коротышка вытянул из мятой пачки кривую сигарету и закурил.

– Давай, аксакал, по пиву, а? За знакомство. Ты извини, что я так среагировал. Нервы на взводе. Сам понимаешь! Значит, так, я – Чингиз, скульптор. А ты? Ты извини, что я уже на «ты», ничего? – коротышка протянул Мирзе Халилу заскорузлую, в мозолях, руку.

– Все в порядке. Мирза.

– Отлично! Отлично!... Ты как хочешь, в полный рост или только бюст?

Чингиз полез в раскрашенный холодильник.

– Бюст, наверное. Или нет?

– Классика! Конечно! Сразу видно – интеллигентный человек! Однозначно – бюст. И желательно – бронза... Стаканы нужны?

– Из бутылки.

Коротышка открыл одну бутылку и протянул ее Мирзе Халилу.

– Ты извини, у меня только «Хырдалан», но зато как лед. Ты не сказал, для кого памятник будем делать?

– Памятник?.. Это... – Мирза Халил отпил пива. – А ты когда Вагифа в последний раз видел?

– Опять двадцать пять! Да плюнь ты на него! Мы же договорились – я тебе все сделаю. Или ты не доверяешь? Ты думаешь, он – «заслуженный» и все такое?.. Это я, – ткнул он себя коротким пальцем с раздавленным черным ногтем в грудь, – скульптор, а он – говно собачье! У Эльдарова на побегушках всю жизнь был!.. За это ему «заслуженного» дали. Не веришь? У кого хочешь спроси! Раньше Вагуля поэтов лепил: борода, чалма, халат – и, вот тебе, блядь, Низами или Насими, на выбор. Их все равно никто в глаза не видел – не ошибешься. А сейчас на Кероглу перекинулся. Все то же самое, только вместо чалмы – шлем, а вместо свитка – дубина.

– Палица, – автоматически поправил его Мирза Халил.

Коротышка, заливаясь хохотом, стал хлопать себя по коленям:

– Главное – не остаться с палицей в руках... гы, гы, гы!..

Смяв недокуренную сигарету в пепельнице, Чингиз вытряхнул из пачки новую, сунул ее себе в рот, но не закурил.

– Ладно, аксакал, давай к делу. У тебя фотографии с собой?

– Для бюста?

– Ну!

– А зачем фотографии? Я свой бюст хочу заказать.

– Прикалываешься?

– Зачем? Хочу свой бюст. Я человек одинокий. Немолодой. Хочу заранее все сделать.

– Это что-то новенькое. А почему нет? Мне это даже нравится. У тебя, понимаешь, лицо, и вообще, вот, голова – очень фактурные. Как у Муссолини... в хорошем смысле. Ты не обижайся! Муссолини – это тебе не Гитлер. По Гитлеру сразу видно, что петух. А Муссолини – патриций! Лобные кости замечательные... – стал он

показывать на своем лице, – ...скулы такие – лепные, рельефные. Реально, ты похож на Дуче! Отличное лицо! Тебе не говорили никогда? Особенно – в ракурсе. Только он брил голову под ноль. И еще у тебя глаза интеллигентные. А у Муссолини были упрямые. Лидер! И вообще, у него и в лице тоже было такое – немного упрямства. Сейчас я тебя сниму на телефон. Сделаем три-четыре фото. Аксакал, ты задаток принес? Мне, чтобы начать, нужно будет материал купить. Каркас надо сделать, и так далее...

Мирза Халил, допив пиво, положил пустую бутылку на стол.

– И сколько вся эта музыка будет стоить?

– Я лишнего не возьму. Ты человек интеллигентный. Сразу чувствуется – старая школа. Короче, две с половиной.

– Тысячи?!

– Это недорого. Чтоб я сдох! Я же тебе не ерунду делаю! Настоящая работа! Искусство! На века! Там моих-то всего ничего. Ты знаешь, сколько на «комбинате» хотят за материал и литье? А?.. Мне всего-то останется оттуда – пятьсот, чтоб я сдох!

– Нет, извини. О чем ты говоришь! Я пенсионер. Такую сумму я не потяну. Я думал – пятьсот-шестьсот манатов, еще куда ни шло...

– Да ты что! – возмутился Чингиз. – «Пятьсот»!.. Ладно, послушай – дашь мне тысячу восемьсот. Я из одного уважения к тебе сделаю! У тебя лицо, понимаешь, фактурное. Интересно будет поработать. Это отличная цена! Чтобы я сдох! У меня есть там немного своего материала.

– Ты извини, мне надо будет подумать.

– А чего тут думать? Дешевле – все равно никто не возьмется! Сто процентов!..

– Не дави. Я же сказал, мне надо подумать.

– Ладно, думай. Только имей в виду, меньше я никак не могу. Только литье и материал почти полторы штуки. Я, считай, за «бесплатно» работать буду... Сколько думать будешь?

– До четверга, – твердо сказал Мирза Халил. Коротышка обиженно рыгнул.

– Как знаешь. Думай. А почему именно до четверга?

– Есть свои причины. Послушай, я с утра ничего не ел. Есть тут что-нибудь рядом, шашлычная или что-нибудь, только чтобы не совсем гадюшник. Посидели бы, поговорили? Я угощаю.

С интересом поглядев на Мирзу Халила, скульптор решительно хлопнул в ладоши, так, словно собирался показать какой-то фокус:

– А что, я, например, «за»? Есть встречное предложение: чего ходить туда-сюда? Вот тут сосед мой, вот такой парень, талантливый очень, хотя и молодой – сходит быстренько. Есть шалман один во дворе. Сидеть там не в кайф, а готовят хорошо. Закажет все, как надо, принесет, а мы тут спокойно и посидим. Как ты на это смотришь?

– Пойдет.

– Отлично! – Чингиз метнулся к узкому проходу между диваном и холодильником и стал бить ладонью в засаленную в этом месте стену. – Орхан!.. Орхан!

– Чего? – глухо послышалось из-за стены.

– Живой?.. Зайди-ка.

Орхан оказался полной противоположностью коротышке Чингизу. Был он долговязым, сильно сутулым, рыхлым, с выпирающим из-под красной майки пузиком. Редкие волосы его были тщательно зализаны назад, а лицо обрамлялось подстриженной эспаньолкой. Он молча протянул вялую руку Мирзе Халилу.

– Орханчик, друг мой, это Мирза, познакомься. Мы тут решили поужинать. Давай, родной, а? Кто, если не ты? – хохотнул скульптор.

– «Наргиле»?

– Да, дорогой. Возьми люля, три-четыре порции... антрекоты не стоит. В прошлый раз было не то, и дорого. Возьми кутабы, соленья, сыр – короче, посмотри. На свое усмотрение. И пузырек. Литровый, я думаю. Спроси, что у них есть сейчас, чтобы не ацетон, короче. «Хырдалан» у меня есть.

– Литр хватит? – угрюмо спросил Орхан.

– А чего, мы же напиваться не собираемся. Посидим как интеллигентные люди, пообедаем, или что там уже сейчас? Поужинаем. – Коротышка вопросительно глянул на Мирзу Халила.

– Хватит, я думаю. Жарко.

Мирза Халил достал из кошелька пятьдесят манатов и протянул их долговязому художнику.

– Отлично! Минералку тоже не бери, у меня есть.

Пока Орхан ходил, выпили они еще по бутылке пива. Коротышка принес ноутбук и стал показывать фотографии своих работ с выставки в Румынии. Выставка была коллективной.

– Вот, мы все тут после салона. Вагулю узнаешь? В самом центре стоит, сука...

– А чего ты его так не любишь? – невзначай спросил Мирза Халил.

– А чего его любить, спрашивается? Он всегда себе на уме был. Втихаря своих поэтов тискал по несколько штук в год, «заслуженного» ни за что получил. Заказики там, то, се, на «комбинате» всегда без очереди его работы... Выставки, каталоги, поездки. Тихий такой. Преподавал. А потом раз – пожалуйста – от жопы ключи потерял! – радостно захрюкал скульптор.

– В смысле?

– Да педик он оказался! Ты не знал?

– Недавно узнал.

– А ведь с виду и не скажешь! Хотя мне, честно, наплевать, что он там! Его жопа, что хочет, то и делает. Просто обидно, понимаешь?

– Не совсем.

– Ну, как ты не понимаешь? Вот, например, Микеланджело тоже был педик, но зато скульптор гениальный. А этот – говно!

Логика в словах Чингиза было немного, но Мирза Халил согласно кивнул. Станным образом лохматый скульптор стал забавлять его, и даже его простоватая грубость стала казаться ему напускной и беззлобной.

– Когда я пришел, ты сказал, что я не похож на вышибалу. А что, его вышибалы искали?

– Да кто только его тут не искал! Я же говорю, Вагуля всем подряд должен! Он даже мне должен!

– А чего так? Играл, что ли?

– Да какая там игра! Если бы играл – не так обидно было бы! Я же тебе рассказываю, всю жизнь был такой тихий, вежливый, спокойный. А потом – раз! И пехом заделался! На старости лет! Позорник!.. – коротышка смачно плюнул прямо на пол. – Тут, понимаешь, целая история! Появился у него на курсе пацанчик. Типа – модель. Говнюк еще тот. Лет двадцать. С гонором. А у этого дурака старого, извини, конечно, крыша поехала. Ну, вот они и закрутились, как говорится, в темпе быстрого

вальса, – скабрёзно заржал Чингиз. – Месяц, два, полгода. Пацанчик Вагулю на деньги раскручивал. Рестораны, шмотки, все такое. Вагуля совсем офонарел, продал квартиру в самом центре – говорят, отличная была квартира. Ну, ты должен знать, раз сосед!

– Дом под снос пошел.

– Короче, продал и купил халупу в Говсанах...

– На Монтина.

– Не знаю. Наши говорили – в Говсанах. Хрущевка.

– Ну, и что дальше?

– А дальше все, как в сказке. Паренек его раскрутил по полной. Уговорил купить на все деньги бутик в Италии. Прикинь! В Сан-Ремо, блядь! Говорю, что слышал от других. Вагуля под это дело заложил даже свою хрущевку, взял бабки под проценты и вгрозил в эту Италию. Представляешь, а?

– Ну и?

– Само собой, пидор этот молоденький его кинул. Свалил со всеми бабками. А проценты стали капать. Тут вышибалы и появились. Вагулю поставили на счетчик. Знаешь, как это бывает? Серьезные ребята, все такое. С одной стороны, жалко его, конечно, мудака. Он, в принципе, был хотя бы не наглый. И безвредный... А с другой стороны, жалко у пчелки где? – коротышка, хлопая себя по коленям, опять закатился. – Вот именно!.. Жалко у пчелки в том самом интересном для Вагуле месте. Обосрался, как говорится, он по полной. В общем, пропал совсем. Что с ним случилось дальше – только слухи. Сам не видел, не знаю. Но кое-кто нашептал, что когда его совсем приперли, решил он продать почку. Ты понял, нет? Вышел на людей, которые этим занимаются.

– Здесь?

– Именно, что здесь. Есть особые клиники по городу, где можно все это организовать. Частные, само собой. Там все можно купить, если надо. Только бабки давай. Почки, легкие, сердце. Но основная клиентура у них за кордоном. Мафия. Говорят, что заправляет всем этим бизнесом то ли турок, то ли албанец какой-то.

– А откуда берут органы?

– В этом и вся хитрость. Дорога в оба конца, как говорится. Можно купить чего надо, если деньги есть, а можно и продать чего-нибудь, если приспичит с деньгами. Это с одной стороны. А так... – Чингиз понизил голос и наклонился вперед. – Потрошат, кого не жалко. Бомжей всяких режут. Одиноких, тех, кто из районов недавно приехал, без семей, чтобы вони меньше было... Не веришь? Думаешь, сказки?

Чингиз спрыгнул со стула, подошел к Мирзе Халилу вплотную и понизил голос:

– Тут даже из наших, из художников, несколько человек конкретно испарились.

Просто исчезли. Раз – и нету! И все они или разведенные, или без семьи, как Вагуля. Я лично два случая знаю. Я тебе говорю, люди пропадают!

– Может, уехали куда-нибудь или в бегах.

– В том-то все и дело, что нет. Смотри, что я тебе покажу...

Чингиз торопливо прошлепал через всю мастерскую к стеллажам и вернулся с ярким буклетом.

– Посмотри!

– Что это?

– Читай!

– Клиника «Табиб» приглашает... немецкое оборудование, лучшие специали-

сты... Ну и что? Первый визит и общий анализ крови – бесплатно... И что?

– А то, что я уже третью такую получаю. Здесь восемнадцать мастерских, только в мой ящик бросают. И у Вагули такая же фигня была. А я, между прочим, считаюсь теперь одиноким! Но я просто так этим сукам не дамся. Кое-какие меры принял.

Дверь мастерской с шумом распахнулась. Вернулся Орхан. Сели они не то обедать, не то ужинать.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Вторник, 17 июня

От художников Мирза Халил ушел за полночь. Помнил он вполне отчетливо, что выпил, вроде бы, немного. Однако то ли от жары, то ли от сигаретного дыма, то ли оттого, что необдуманно смешал он пиво и водку, его почти сразу развезло. Всю дорогу домой он дремал, уронив голову на грудь. Таксишник крутил Эюба Ягубова. Волнами, почти попадая в ритм музыки, приливали тошнота.

Мирзу Халила позорно стошнило уже у самого подъезда вслед уехавшему такси. Пришлось пересидеть ему минут десять на лавочке, в ожидании, когда отпустит противная слабость. И уж только потом, считая множившиеся ступени, преодолевать этаж за этажом под недружелюбными взглядами соседских глазков и расстрельную дробь в висках. До двери квартиры дотащился он уже совершенно взмокшим.

Утром следующего дня, во вторник, проснулся Мирза Халил рано и удачно – качали воду. Преодолевая похмельную тошноту, наполнил бак, принял долгий душ, побрился. Пока заваривался чай, проглотил сразу две таблетки аспирина, понимая, однако, что после вчерашнего пульсирующая головная боль пройдет нескоро.

На листке **из** блокнота в одну линию, друг за другом, нарисовал он несколько небольших прямоугольников, в каждый из которых вписал быстрым, но убористым почерком человека, привыкшего писать от руки, факты и приблизительные даты, связанные с пропавшим соседом. Закончив, вычертил он второй ряд, ниже, куда в хронологическом порядке уже добавил все, связанное с самим собой, начиная с судебной тяжбы с фирмой «Синдабад» из-за квартиры в старом доме. Стрелками между прямоугольниками из обоих рядов указал Мирза Халил на взаимосвязь или схожесть событий. В результате получилась довольно путаная диаграмма. Но, как и предполагал он ранее, за хаотическим переплетением прямоугольников просматривалась некая рациональная последовательность, на разгадку которой у него оставалось всего несколько коротких дней. При этом ключи и подсказки были щедро разбросаны повсюду вокруг него, только успевай собирать. Но именно это обстоятельство и настаивало теперь Мирзу Халила более всего. Что, если кто-то намеренно подбирает ему все новые факты, направляя по ложному следу?

Звонок мобильного заставил его встрепенуться. Приподняв очки на муссолиниевский лоб, близоруко поднес он телефон к самому лицу, разглядывая высветившийся на «самсунговском» экране неизвестный номер.

Услышал он знакомый, профессионально поставленный голос:

– Ну, как ты, мой дорогой?

Говорила она, как всегда, медленно, из груди, давая собеседнику достаточно времени, чтобы прочувствовать всю исключительную важность момента. И, как всегда в общении с нею, Мирза Халил заволновался.

– Узнал?

Познакомились они лет тридцать назад, когда супруга его была еще в полном здравии, а сам он служил следователем прокуратуры. Императрице тогда исполнилось уже 32. Ее бурно начавшаяся была карьера эстрадной певицы после связи с женатым министром совершенно застопорилась: ее перестали звать на телевидение и радио, не звали и в концерты. Ко всему прочему, оказалось она замешанной в неприятном деле с перепродажей бриллиантов с ювелирной фабрики. Дело было не очень крупным, но все равно могло закончиться плачевно. Ей грозил реальный срок.

Она быстро вскружила ему голову, тем более, что особого труда это не составило. Белокожая, статная, с холеными руками, всегда при полном параде, даже во время дачи показаний – была она полной противоположностью некрасивой жене Мирзы Халила. Во время их бесед театрально вскидывала она на него свои глубокие глаза, хлопала ресницами, все больше зачаровывая его своей броской женственностью с многообещающим намеком на этакую позволительную только ей эстрадную вульгарность.

Еще до того, как у них завязался роман, Мирза Халил сделал все, что мог, чтобы она так и осталось лишь свидетелем, проходящим по делу. Впрочем, и без его участия дело постепенно спустило на тормозах. Главные обвиняемые с ювелирной фабрики откупились, отделавшись условными сроками, для проформы посадили двух каких-то бедолаг, а кого-то за потерю социалистической бдительности просто понизили в должности.

Встречались они раз или два в неделю. И в течение многих лет Мирза Халил покорно терпел ее капризы, ее истерики, ее глупые измены во время выездов на концерты в небольшие провинциальные города, где для местной власти она все еще была столичной знаменитостью, пусть и в опале. Догадывалась ли супруга Мирзы Халила об их связи – сказать трудно. В то время она была целиком занята воспитанием сына и почти не обращала внимания на происходящее вокруг. Сын рос болезненным. Часто болел. Она таскала его по врачам и не позволяла открывать окна в доме. Спал он тоже с ними. В пижаме и носках даже в летнюю жару. Мирза Халил отселился в кабинет, на диван.

Роман их длился с перерывами и разной степенью интенсивности вплоть до 1987-го года. К тому времени карьера Ляман постепенно снова пошла в гору. Перед перестройкой она уже вовсю мелькала на телевидении, в «Мелодии» вышла ее сольная пластинка. Выездов в провинцию становилось все меньше, зато теперь ее звали на большие концертные площадки и богатые свадьбы. Ляман обросла поклонниками, любовниками, деньгами. Начался ее бесконечный конфликт с другой известной певицей, о котором судачили все, кому не лень.

Все эти годы многолетняя страсть Мирзы Халила к этой женщине, с годами располневшей, но не утратившей шарма, не ослабевала.

В 1993-ом году произошло два важных события: Ляман наконец вышла замуж за некоего таинственного бизнесмена, иностранца, а у жены Мирзы Халила диагностировали рак груди. Курсы химиотерапии в Баку и Москве, какие-то чудо-лекарства из Израиля лишь продлили агонию на несколько лет. Остался Мирза Халил вдовцом.

В первые годы нового столетия, чтобы отличаться от прочих «мадонн», «королев» и «мегастаров» местного бомонда, Ляман торжественно короновала себя званием «императрицы», к которому очень быстро добавилось еще и звание народной артистки, и даже депутата парламента. Таинственный муж-бизнесмен к тому времени

больше не упоминался. Зато ее феноменальное восхождение на вершину музыкального Олимпа приписывали очень влиятельному, хотя и весьма пожилому покровителю.

– Ты сегодня, надеюсь, не занят? Хочу тебя видеть, мой дорогой.

Мирза Халил почти растерялся:

– Да?

– Ты же, надеюсь, помнишь, что скоро мой день рожденья?

– Двадцать пятого.

– Потому я и хочу тебя видеть. Ты разве не рад? Не рад?

– Прямо сейчас или в свой день рожденья?

– Нет, дорогой, в день рожденья меня здесь не будет. Я буду в Париже.

– В Париже? Ничего себе!

– Да нет, что ты! Государственные дела! – вздохнула она. – Я не отдыхать – встреча в ЮНЕСКО, все такое. А что делать? – вздохнула она еще раз. – В общем, ты будь готов, я посылаю за тобой машину.

– Подожди, а как ты мой номер нашла?

Она рассмеялась:

– Ты, кажется, забыл, кто я такая, Мирза. Я – Императрица! Я даже знаю, что ты переехал с Молоканки. Я, мой дорогой, все про тебя знаю. Давай, передаю трубку шоферу, назови ему свой адрес...

Все еще ошеломленный неожиданным звонком, Мирза Халил стал выбирать рубашку.

Машина за ним подъехала в половине первого. Мирза Халил, сидевший в ожидании ее обнаженным по пояс, чтобы не потеть, быстро накинул свежевыглаженную тенниску и вышел из квартиры.

Снаружи на пороге увидел рекламный постер.

«Клиника «Табиб» приглашает...немецкое оборудование... первый визит и общий анализ крови – бесплатно»...

Брезгливо держа постер двумя пальцами за уголок, словно это какое-то ядовитое насекомое, готовое, извернувшись, ужалить, бросил он его в коридор на пол и быстро закрыл за собой дверь.

По дороге купил он цветы. Разумеется, ее любимые, – лилии.

Апартаменты Императрицы были вполне под стать ее нынешнему звездному статусу и всевозможными завитушками и вензелями, щедро разбросанными по всему периметру, сильно напоминали кремовой торт. Было много цветов, ваз, всякой тесьмы и лепнины. В просвете между парчовыми шторами в золотистом мареве плыли июньские крыши, угадывались очертания бухты и сливающаяся с небом серебристая полоска моря. Сама Императрица была в чем-то бисквитно-розовом, с открытыми плечами, как в том, всем хорошо известном клипе. Не хватало только шляпы. Вместо нее в тщательно уложенных волосах сверкала небольшая тиара, неожиданно молодившая ее своей диснеевской наивной убогостью. Восседала Императрица в центре гостиной на массивном диване и, несмотря на прохладу в кондиционированной зале, устало обмахивалась веером. Если все убранство квартиры напоминало торт, то Ляман, несомненно, была венчающей его кремовой завитушкой.

– Ну? Дай-ка я на тебя посмотрю... Тьфу-тьфу, не сглазить, не меняешься! Такой же красавец!

Томно хлопая накладными ресницами, из-за которых ее и без того большие,

сильно накрашенные глаза выглядели как крылья мультипликационных бабочек, она суеверно постучала кулачком по изогнутой ручке дивана.

– И спасибо за лилии, мой дорогой. Очень красивые. Иди сюда, я тебя поцелую!

– Ты любишь лилии.

– Люблю все красивое! Ну, иди, я тебя поцелую!

Мирза Халил покорно наклонился, и она, вытянув губы в просвет между лестками, легко поцеловала его.

– Давай, садись тут рядом со мной. Рассказывай все! – положив букет на журнальный столик, она стала игриво оттирать уголок его рта, испачканный помадой.

– Что тут рассказывать...

– Как это что? Столько лет не виделись! Сто лет не виделись! Я, между прочим, тебя во сне видела.

– Думаешь, буду долго жить?

– Не шути. Сон был... тяжелый. Скажу тебе, мой дорогой, плохой был сон. А я таким вещам верю. Рада, что ты в порядке! И хорошо выглядишь, мой дорогой. Только бледненький.

– А мне что? Пенсионер, ни дел, ни забот. Как у тебя дела? Ты тоже вся прямо расцвела.

– Ой, я тебя умоляю!.. Поправилась!

Он попытался протестовать.

– Ладно тебе! Сама знаю, что поправилась. А что делать? Не поверишь, сколько дел! Минуты на себя нет! Съёмки, телевидение, интервью, парламент – я в комитете по культуре. Потом, зовут все время на свадьбы, дни рождения... Просто ужас!.. Еще эта тварь никак не успокоится! Я на нее в суд подала. Позавчера встречалась с адвокатом. Ты увидишь, что я с ней сделаю! Ты кто такая? – глаза Ляман, и без того похожие на какой-то бирюзовый миндаль, вдруг совершенно остекленели почти до полной прозрачности. – Я что, просто так тебе «Императрица»? Я – Народная артистка! Я – прима этой эстрады! Я – депутат! У меня орден «Шохрет»... Дешевка вокзальная! Шлюха!..

– Про кого ты говоришь?

– Мирза, ты что, телевизор вообще не смотришь? Ты как из космоса... На всех каналах только об этом и говорят! Нет, эта сучка решила со мной потягаться!..

Тощая девица лет двадцати внесла огромный поднос и, умело балансируя, стала раскладывать на столике перед ними чайные приборы и хрустальные вазочки с вареньем.

– ...Самира, детка, убери цветы куда-нибудь.

Императрица подцепила кончиками пальцев крошечный эклер и быстро съела его. Взяла второй.

– Слушай, такие вкусные! С ума сойти можно! Попробуй, обалдеть! Спецзаказ. И ведь знаю же, что нельзя... Самира! Сколько тебе можно говорить? Не ставь ты их передо мной! Убери их вообще отсюда! Нормальному человеку достаточно сказать один раз...

Девица, торопливо подхватив блюдо, перенесла его на обеденный стол.

– Тупица! – фыркнула Ляман и возмущенно повела выпирающим из туго натянутой розовой ткани оплывшим плечом. – Эта девчонка решила меня до диабета довести!

Мирза Халил виновато улыбнулся.

– Ладно! – решительно сказала она. – Все, забыли! Рассказывай, как ты живешь? Как сын? Говорят, в МИДе? Женился? Так ты теперь уже дед? Вот время пролетело! Значит, так: я вернусь из Парижа, приглашу и тебя, и его с семьей на банкет! За городом, по высшему классу! Как ты думаешь? В конце концов, мы, считай, с тобой тоже как муж и жена, столько лет, а? Приятно даже сказать: я твоя жена. Правда, немножко бывшая. А, Мирза?

– Бывших жен не бывает. Ты когда из Парижа возвращаешься?

– Говоришь, не бывает? Может быть... – с импульсивной нежностью погладила она его по щеке. – Мы на десять дней, кажется, едем.

– Так, а зачем едете?

– Ой, все из-за этого Парижа пришлось переносить. У меня съемки сорвались! Позвонил министр, говорит: «Ляман-ханым, без вас никак не получается, нужно для страны».

– Что нужно для страны? Поехать в Париж?

– Ну, мы же туда не гулять едем. По делу. Большая встреча в ЮНЕСКО.

– Насчет чего?

– Только ты не смейся. Наши подготовили документы, чтобы долму включили в список культурного наследия...

– Чего? Долму?

– Ну да! Ты что, не понимаешь? Армяне претендуют на нашу долму! – она ткнула себя веером в грудь так, словно долма хранилось за вырезом ее платья. – В прошлом году они пытались украсть лаваш, включить его в списки ЮНЕСКО! Представляешь? Нет? Если сейчас не очнемся – через пару лет они все себе присвоят!

– Ну, если так... – без особого оптимизма согласился Мирза Халил.

– Ты в таких вещах ничего не понимаешь! Это дело политическое! Международное! Там вон документы на полке, в красной папке! Прислали вчера с курьером. Посмотри, если хочешь. Очень, между прочим, интересно. Все так подробно изложено. На трех языках. И на французском тоже. Про историю долмы, про традиции, все такое. Выпустили классный каталог. Я даже не ожидала. Печатали за границей. Ты что, думаешь, долма – просто так? Это, между прочим, культура, Мирза!

– И сколько народу едет за долму бороться?

Почувствовав в его словах подвох, она захлопала ресницами:

– Какая разница, Мирза? Ты считаешь, что ее надо просто так взять и отдать?

Пятнадцать человек вместе с министром...

Напольные часы в углу комнаты пробили два раза с неожиданным колокольным переливом.

– Слушай, а уже что – два? А я думаю, чего я так проголодалась! Обедать же пора... Самира-а-а, где ты там возишься? Накрывай на стол уже, детка!

– Несу, несу, Ляман-ханым!

– Вот тупица, взяла чай нам принесла, обедать же пора.

Взяв со стола горсть орехов, она повернулась к Мирзе Халилу:

– Слушай, в последнее время со мной что-то творится. То ли из-за стресса, или не знаю из-за чего еще – совсем не могу терпеть голод. Всю трясет. Как беременная, клянусь! Думала, может, диабет, не дай Бог! – она потянула себя за мочку уха. – Это же такая гадость, диабет. Мой отец от диабета умер. Почти ослеп под конец. Бедный папа. У тебя как с сахаром?

– Давно проверялся. Было что-то около пяти с половиной, на грани.

– Ты с этим не шути. Проверься. Или купи себе аппарат для измерения. Кстати, давай я тебя отправлю в один классный центр, там все сделают, как надо. Полное обследование. Я сама там недавно обследовалась. Когда подумала, что диабет. Слава богу – ничего. А главное – все конфиденциально! Ты же понимаешь, наши, если только узнают... – она махнула рукой, – ...по всем каналам только об этом и будут трепаться: «Сенсация! Что происходит с Императрицей? Шоковые откровения лечащего врача!..» Идиоты!

– Это точно, – легко согласился Мирза Халил.

– Постарели мы все-таки с тобой, Мирза. Когда об этом думаю, жить не хочется....

– Я постарел.

– Оба постарели. Видишь, про диабет говорим... А раньше про другие вещи говорили. Могли бы и состариться вместе. Я бы тебе еще успела родить. А, Мирза?

И опять в приливе нежности она провела холеной рукой по его выбритой щеке.

– Только ты бы все равно от меня, наверное, сбежал.

– Или ты от меня.

– Эх, что уже теперь говорить об этом! Ты и сейчас у меня красавчик... А мне вот, говорят, надо похудеть! Ты как думаешь, надо? Только не ври, ладно? Я и так на диете сижу. Сейчас сам увидишь, что я ем.

– А что, сахар высокий?

– Да ну! Кровь на анализы прямо здесь брали, дома. Диабета нет. И все равно выписали кучу лекарств.

В комнату опять вплыла девица с подносом, на этот раз заставленным соусниками и тарелками с закуской.

– Это все торты и сладости. Все их мне только и тащут! А я не могу удержаться. У меня есть свои слабости, в конце концов. О чем я рассказывала вообще?

– Про медицинский центр.

– А, ну да! Центр. Короче, я съездила туда.

– Ты же говорила, они на дому кровь брали?

– Меня же не только на сахар проверяли! Все проверяли. Как говорится, от и до. Полная инвентаризация. Поехали вечером, после десяти! Как шпионы! Чтобы никого лишнего в центре не было. Обследовали, посмотрели, проверили. Шикарное оборудование. Шикарное. Новейшее, какое только может быть. Даже, по-моему, за границей еще такого нет. Ты знал, что мне удаляли камни?

– Нет.

– Да мало, кто знает, хотела, чтобы без лишнего шума. Два года назад. В английской больнице в Стамбуле. В желчном у меня были камни. Больница называется Флоренс Найтингейл. Очень известная больница.

– Все хорошо?

– Отлично. После операции десять дней отдыхала от всех в Мармарисе. Сняли для меня целую виллу с видом на море. Обязательно надо будет опять съездить. Подалее от всех. Слушай, я что подумала, может, ты тоже со мной? А что? Мне это нравится! Давай? Или опять не рискнешь?

Мирза Халил неопределенно пожал плечами и взял ее за руку.

– Надо подумать.

– Думай, думай, Мирза, пока я во Франции. Давай в конце августа? Я поручу, чтобы все забронировали для нас. У тебя загранпаспорт есть вообще?

– Просроченный.

– Вот и давай, срочно займись этим. Обнови. Прямо завтра начни. Договорись, мой дорогой? Будет у нас с тобой медовый месяц. Ведь у нас с тобой не было медового месяца... Самира, детка, лекарства мои не забудь подать! Целый список лекарств выписали. Правда, половина – это всякие витамины, профилактические штучки. Знаешь... – она наклонилась ближе к Мирзе Халилу и понизила голос почти до шепота, – ... в этом центре они могут организовать любые операции. Понимаешь? Негласно, конечно. Дай Бог, чтобы не понадобилось никогда. Но кто его знает, Мирза? Мы же не молодеем. Стоит все это дорого, но главное – есть.

– Какие операции? Для омоложения, что ли?

– Ляман-ханым, все закрыто, – доложила Самира.

– Пошли за стол, Мирза. Умираю с голоду.

Императрица поднялась с дивана и, взяв его под руку, повела к массивному обеденному столу в дальнем конце залы.

– Для омоложения тоже. И кровь переливают, и золотые маски, и все, все, все. Но это и в других местах тоже делают. Здесь совсем другое. Мне так осторожно намекнули, что у них можно сделать пересадку органов, если надо, конечно, очень надо, без всякой очереди. Теперь понял?

– А что, у них такого уровня хирурги есть?

– У них все есть. Врачи, в основном, наши, но все учились за границей. Главный трансплантолог – турок. Учился в Америке. Сам живет в Швейцарии. Можно заказать, чтобы он сам делал, это подороже, конечно. Но и наши все спецы. Мертвого оживят. Теперь понял?

– А откуда они органы берут, ты не спросила?

– Какая тебе разница? Это уже их там дела. Где-то достают. У доноров, наверное. Главное, что ждать не надо. Ты знаешь, сколько людей ждут пересадки! Умирают, так и не дождавшись. У визажистки моей сестра от нефрита умерла. Молодая, лет сорок. А могла бы жить.

– А центр как называется, не «Табиб», случайно? На Монтина?

– Оказывается, ты тоже про них знаешь? А я тебе тут рассказываю!.. Полюбуйся, что я ем: салат, брокколи, тертый суп, отварная рыба... Ужас! Мне баранина во сне снится. Представляешь? На меня внимания не обращай, ешь нормально, – сказала она, энергично нанизывая на вилку салатные листья, густо спрыснутые лимоном и оливковым маслом. – Так ты, мой дорогой, про них уже все знаешь! Как же я не сообразила? У них же главный врач – твой родственник.

Мирза Халил удивился:

– Родственник?

– Ну конечно! Я смотрю – лицо знакомое. Улыбается мне. «Ляман-ханым, вы меня не помните? Вы у меня на свадьбе пели».

– Мурадов, что ли? – догадался Мирза Халил.

– Я его запомнила таким симпатичным мальчиком! Ты уж извини, Мирза, совсем он был не пара твоей сестре. Как она, кстати?

– Сына женила.

– А Мурадов растолстел. Хотя это его не портит. Солидный теперь очень. Сразу видно, что доктор! И одет был отлично. На руках «Брегет». Тысяч десять-двенадцать, между прочим, стоит.

– Что такое «брегет»?

– Часы, Мирза! Посмотри на мои! – протянула она ему свое белое, как сдоба, запястье с крошечными часиками. – Не фуффло какое-нибудь. «Шоппард».

– Поздравляю, – сказал Мирза Халил, делая вид, что рассматривает часы. – Красивые.

Императрица вздохнула:

– Даже не спрашивай, сколько они стоят!

На свадьбе Сары и Мурадова Ляман, тогда еще без подтяжек лица и сахара в крови, пела, почти не сводя взгляда с Мирзы Халила. Это был самый первый год их романа. Такой продолжал он ее помнить.

Вернулся Мирза Халил домой к половине одиннадцатого.

Разуваясь в коридоре, косился на рекламный плакатик центра «Табиб», лежащий на полу под ногами.

Открыл он окна по всей квартире и, еще стягивая через голову влажную рубашку, стал одной рукой набирать номер адвоката Ашумова.

– Мирза! Чтоб я сдох, только телефон зазвонил, сразу понял, что это ты! Интуиция!

– Ты трезвый?

– О чем ты говоришь! Только пиво! От водки в такую жару можно сдохнуть! Сижу один, понимаешь, как бог, смотрю на море и пью пиво. Что может быть аристократичнее? Жена и дети – тю-тю! – к маме отправил, в Израиль. Пусть отдохнут от меня. А я от них. – Он пьяно расхохотался. – Друг мой, бери такси и приезжай! Поговорим о жизни, а? Ну, или шарами постучим – ты же любишь бильярд? Чего дома торчать? Потом лето кончится, будем жалеть...

– В другой раз, Ашумов. Устал сегодня.

– Устал? Ну, ладно. Как знаешь. А то посидели бы хорошо. Время-то детское. Летом рано ложиться – грех! Особенно когда жены дома нет! – он опять сально хихикнул.

– Ашумов, трезвей и слушай. Нужно кое-что сделать. Две вещи.

– Давай, Мирза. Я трезвый, как стекло.

– Нужно кое-что узнать. Только очень быстро. Навести справки – ты это хорошо умеешь.

– Ну, кое-что, конечно, я могу, но все зависит...

– Времени всего... где-то завтра до часу дня, сможешь?

– А что такая срочность? Случилось что-нибудь?

– Просто очень надо. Любые сведения. Что сумеешь.

– Еще раз говорю, я не волшебник, я только учусь – все зависит от того, что тебе надо.

– Есть такой новый медицинский центр «Табиб». На Монтина. Адрес нужен?

– Нет. Не нужен. «Табиб», ты сказал?

– Да.

– Знаю я эту контору. Жену возил. У них два раза в неделю занятия йогой. Дорого очень.

– Все, что сможешь нарыть.

– Ты хоть намекни, зачем тебе это, да еще и срочно?

– Нужно, и все. Можешь сделать?

– Постараюсь. Но... из-за срочности придется к кому-то обращаться, ты же знаешь. А народ сейчас оборзел. Ничего, твари, просто так делать не хотят.

– Сколько надо?
– Мне лично, Мирза, за такую мелочь ничего не надо. Мы же друзья! Друзья?
– Друзья, Ашумов, друзья. Так сколько, короче?
– Где-то сто пятьдесят, наверное, я думаю.
– Обалдел? Просто за слухи и информацию? Дам полтинник.
– В ЖЭКе и то больше просят, – обиделся адвокат. – Ты же сам сказал, что срочно.

– Семьдесят. Все. Больше не могу. Я, между прочим, на пенсию живу – сто восемьдесят манатов. Понял?

– Пенсионеры, Мирза, смотрят телевизор, а не играют в шпионов. Сто. Ты сказал, что у тебя два дела ко мне. Какое второе?

– Второе – сложнее.

– А значит – дороже, друг мой!

Мирза Халил конспиративно понизил голос:

– В общем, нужен... ствол, понимаешь?

В трубке воцарилось молчание.

– Алло? Ты слышишь, Ашумов?

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Среда, 18 июня

В эту ночь спал Мирза Халил плохо, урывками, то проваливаясь в тяжелую полудрему, то, мучимый жаждой, выныривая в душный сумрак июньской ночи. Электронное время на мобильнике менялось медленно. Сверившись с ним, по-стариковски неуверенно возвращал он телефон на журнальный столик и, пока экран еще светился неоновой голубизной, взбивал влажные подушки. Экран, наконец, угасал. Путаясь ногами в сбившейся простыне, переворачивался он на бок, лицом к плюшевой спинке дивана, оставляя за спиной пугающее пространство чужой квартиры.

В половине девятого утра привиделось ему огромное жидкокристаллическое табло, на котором застыло: 19.06.2014. Похоже на дату смерти, подумал Мирза Халил, и проснулся.

Аккуратно, каждую среду, звонил он сыну по Скайпу. День был выбран случайно, но за те три года, что сын с семьей находился за границей, звонок по средам превратился в своего рода традицию. Говорили они обычно коротко, больше на бытовые темы, и оба испытывали заметный дискомфорт от необходимости общения друг с другом. Сына Мирза Халил не любил и всю жизнь страдал от этого.

Включил он компьютер.

Сегодняшний разговор должен быть другим. Очень может быть – последним. Обдумывая и взвешивая слова, никак не мог он решить, с чего ему следует начать. Как объяснить ему, как извиниться за то, что, занятый когда-то своими неудачами, своим бурным романом с Ляман, он почти пропустил все его детство, взросление и так и не успел по-настоящему привязаться к нему? За то, что, глядя в его треугольное лицо с безвольным подбородком, он видел перед собой лишь мелочного, недалекого подкаблучника с рефлексиями среднестатистического чинуши?

Компьютер все никак не загружался. Вместо рабочего стола на экране бесконечно долго висело сообщение об установке каких-то обновлений.

Так и не дождавшись загрузки, Мирза Халил, заложив руки за спину, стал хо-

дить по комнате. А затем и вовсе – в сердцах – закрыл крышку ноутбука.

Решил он вечером написать сыну подробное письмо.

Встретились они в полуподвальном грузинском ресторане. Сели в отдельном кабинете. Ашумов был непривычно серьезен.

– Что будем пить? Вино? А может, по коньячку?

– Мне еще в контору после обеда. Пить не буду.

– С каких это пор? По чуть-чуть!

– Тогда лучше вино.

– Другой разговор!

Заказали. На стол почти сразу подали закуски: сулугуни, зелень, домашний йогурт, жареные баклажаны с зеленью и небольшой кувшин вина. Мирза Халил был голоден.

– Давай. Рассказывай.

– А чего не ешь?

– Буду есть, когда начнешь рассказывать. – Ашумов наклонился над столом, насколько позволял его пивной живот. – Я, Мирза, адвокат. Плохой или хороший, неважно. Ты считаешь – плохой, а многие считают, что очень даже хороший.

– Я никогда не говорил, что ты плохой адвокат, – удивился Мирза Халил, отправляя в рот кусок лаваша с сыром. – То, что ты вымогатель и человек беспринципный – говорил. А как адвокат ты как раз очень неплохой...

– Спасибо.

– На здоровье! Кому сегодня нужны принципы? Да и вообще – где они нужны? Это ж не кино. Не так, что ли? Я вот всю жизнь выпендривался, и где я теперь? Вот, скажи, у тебя есть брегет, Ашумов?

– Брегет? Часы, что ли?

– Ну да.

– Нет. Я люблю классику: ролекс. – Он с важностью постучал пальцем по часам на волосатом запястье. – На пятидесятилетие купил. А что?

– Видишь! А у меня даже толком квартиры нет. Один кусок бумаги говенной с обещанием. Да и то... еще ничего неизвестно.

– Ты мне, Мирза, голову не морочь. Я хочу сказать: вляпаться в чужое дерьмо без всякого резона может только последний кретин. С принципами я или нет, но то, что не кретин – точно. Прежде чем о чем-то говорить, я должен знать, что ты опять затеял.

– Что значит «опять»? Можно подумать, что я просто бандит какой-то!

– Хорошо. Ладно. Не хочешь говорить – не надо. Спасибо за приятную беседу и за обед, я пошел.

– А как же «друзья»? – спросил Мирза Халил с иронией.

Ашумов, подхватив ключи от машины и мобильный, стал неуклюже выбираться из-за стола.

– Ладно, ладно, садись давай! Ну, садись!..

Не выпуская из рук ключей и телефона, Ашумов насупился, выпятил фиолетовые губы и, выжидающе глядя на Мирзу Халила, опустил на стул.

– Да что ты, в самом деле? Расслабься. Ничего особенного не происходит. Я тебе про Мурадова когда-нибудь рассказывал? Это бывший муж моей сестры – кем он мне получается?

– Зять вроде.

– Разве зять?.. Ну, хрен с ним, пусть зять. Ты же, кажется, видел Эльмара? Племянника моего? Так вот, Мурадов – его отец. А заодно – он в этом центре, про который я просил тебя узнать, «Табибе» – главный. Главврач. Теперь понял? Раскрутился мужик.

– И что дальше? – недоверчиво спросил Ашумов. – Зачем такая срочность?

– У нас тут наметился разговор с Мурадовым... Короче, это все Сара, сестра моя, хочет попросить у него денег, чтобы купить Эльмару квартиру. Понял? Встреча сегодня. Вот я и решил навести справки. Ты же меня знаешь, я люблю, чтобы все было по полочкам...

Мирза Халил чувствовал, что врет неубедительно, но, успев за годы общения неплохо изучить Ашумова, был уверен, что адвокату, собственно говоря, и не нужна была правда, а лишь более или менее приемлемая версия событий.

Мирза Халил подлил себе вина.

– Ничего криминального.

– Ага, ничего криминального, только тебе нужен пистолет. – Слово «пистолет» произнес Ашумов с заметным придыханием и брызгая слюной, словно его ударили под ложечку. – За дурака меня держишь?

Накладывая себе на тарелку баклажаны, Мирза Халил пожал плечами.

– Зачем? Зачем тебе он вдруг? – Развел пухлыми руками адвокат.

– Как тебе сказать... живу я один, понимаешь? И все знают, что я один. Новый для меня район. Вот, сидел я как-то вечером и подумал – а вдруг? Ну, мало ли что? Вдруг кто-нибудь заберется... Сейчас у многих оружие есть, на всякий случай. Даже у тебя есть.

– Я адвокат! Мне положено. Я имею право. А ты целых полгода сидел в пустом доме – а там в квартирах собирались бомжи всякие – и ничего, не боялся. А сейчас – давай мне пистолет, я боюсь. Что ты мне гонишь?

– Там, Ашумов, было другое, я там был на своей территории. Понял? Я там вырос, знаю каждый кусочек. Точнее, знал... А тут? Это чертово Монтина, эта квартира – все чужое. Никак не привыкну.

Ашумов возмущенно хлопнул в ладоши:

– Тебя послушать, ты не на Монтина переехал, а просто в трущобы Бомбея! Честное слово!

– Все, Ашумов, не можешь достать – не надо, черт с тобой! Сам достану. Попрошу Эльмара. Или вон, Мурадова попрошу.

Вошел официант с горячим. Пока он расставлял тарелки, адвокат, откинувшись на высокую спинку стула, буравил Мирзу Халила подозрительным взглядом. Мирза Халил продолжал невозмутимо есть.

Официант вышел. Наконец, прервав затянувшуюся паузу, Ашумов придвинулся к столу:

– Знаю, что гонишь мне, Мирза! Я запах на километр чувствую! – он ткнул себе в нос пальцем. – Как собака! На километр! Знаю, что мне врешь, а друзья так не поступают. В общем, на твоей совести!..

– Все, забыли, Ашумов! Надоело. Начинай есть уже. Все остывает.

– Посмотри под столом.

Отложив вилку, Мирза Халил отодвинулся от стола и, подняв край скатерти, заглянул вниз. В полумраке у ног Ашумова увидел он базарный кулек.

– В кульке?

– Угу.

– Это то, что я думаю?

– Почти. Электрошокер.

– Электрошокер?

– «Каракурт». Российский. Менты используют. – Ашумов стал накладывать себе на тарелку мясо. – Очень мощный. Если для самообороны – в самый раз. А если ты кого-нибудь валить собрался – поищи что-нибудь другое. Новенький, в коробке.

– Хитрый ты, Ашумов, – рассмеялся Мирза Халил.

– Предусмотрительный. Игрушка – триста, информация – бесплатно.

– Не наглей, двести.

– Двести пятьдесят, Мирза. Всего двести пятьдесят! Все по-честному. Я же рвач, ты сам сказал.

– Я сказал – вымогатель. А что за информация?

– Вообще-то, очень интересная. Seriously. Надо бы и за нее с тебя денег сорвать. Но, так и быть, дарю бесплатно, но ресторан тогда за тобой.

– Пополоам.

– А еще говоришь, что я рвач!.. В этот центр полтора года назад вгрохали ооочень большие деньги. Оборудование, помещение – все на уровне. В рекламу вложились. Но все это больше в расчете на звездную публику, на бомонд всякий, и вообще – на людей с деньгами. Главным врачом там действительно некий Мурадов. Кардиолог. Говорят, свое дело знает. Еще есть турок. Точнее, албанец из Косово. Этот бывает наездами, живет между Стамбулом и Мюнхеном. Фамилия – Берешич. Хирург. Звезда. Один из мировых спецов-трансплантологов. Приезжает сюда на консультации или на операции, когда требуется пересадка.

– Для таких операций требуются полноценные больницы и персонал тренированный.

– У них многое свое есть. Почти все, что нужно. Но в отдельных случаях операции проводят в больших больницах, там у них какие-то свои договоренности. У них крыша очень серьезная, понимаешь? Работают они еще и на Украине. У Берешича и там какая-то серьезная зацепка, типа этого же «Табиба» – клиника, которую он консультирует. И еще, по слухам, есть в Румынии, Молдове и Грузии. Целая сеть!

– Так.

– Самое интересное, что к этому товарищу Берешичу и сюда, и на Украину, и в Румынию едут иностранцы, которым нужна трансплантация! Ты понимаешь, что это значит?

– Торговля донорскими органами?

– Вот-вот! Частные центры типа «Табиба» – просто сотрудничают с Берешичем. Тут главное – не они. Главное – он! А он умный, сукин сын, постоянно находится в движении.

– А откуда органы?

– А вот этого, Мирза, не знаю, но, думаю, догадаться несложно. Все, что я тебе сейчас рассказал, – слухи, никаких серьезных фактов у меня нет. И Берешич этот в самом деле звезда. Якшается с сильными мира сего. Но ты сам просил – все, что нарою. Да и времени было мало. Не знаю, Мирза, что ты там затеял, но если это как-то касается «Табиба», предупреждаю как друга: если то, что про них говорят, хоть процентов на двадцать правда – это очень опасные ребята.

– А как мой родственник со всем этим связан? Мурадов?

– Не знаю. Но раз они вместе бизнес ведут, значит, связан. Так получается.

– Значит, ты говоришь, что этот самый Берешич на самом деле не владеет «Табибом», так?

Хитро улыбаясь, Ашумов покачал головой.

– Во-первых, это не я так говорю, это все пока слухи. Берешич пересаживает органы, а не управляет какими-то медицинскими центрами на Монтина или где-нибудь еще. Он фигура слишком крупная для этого.

– Ну и кто тогда владеет этим «Табибом»?

– Никогда не угадаешь!

– Неужели Мурадов?

– Да кто такой этот твой Мурадов? Его просто наняли и все. Центром, дорогой Мирза, владеет фирма с ограниченной ответственностью «Синдбад»! Вот!

Опрокинув в себя стакан вина, Ашумов, довольный произведенным на Мирзу Халила эффектом, со вкусом почмокал мясистыми губами.

– И это уже не слухи, а совершенная правда! Ну? Как тебе информация? Бесплатно!

– Ничего себе!

– Значит, эти ребята не только ставят по всему городу престижные высотки, но еще и помогают богатым и болезненным иностранцам, а заодно и нашему, прости господи, бомонду, в твоём сраном Монтина получить свеженькие органы с помощью звезды патологоанатомии Берешича. Класс!

– Причем тут «патологоанатомия», он трансплантолог.

– Ну, к слову сказал! И вообще, послушай меня: бросай ты свои тухлые расследования, оставь всю эту херню тем, кому надо. А мы с тобой лучше вечерочком по девчатам пройдемся? Как? Я приглашаю! Девчата отлично помогают от скуки, депрессии и всяких страхов. Знаю, что говорю! Лучшего любого «каракурта».

Мирза Халил, не обращая внимания на треп Ашумова, в задумчивости тянул вино.

– ...не мое, конечно, собачье дело, все хочу спросить: как у тебя с этим делом вообще? Инструмент, как говорится, в рабочем состоянии? А то ты смотри, не стесняйся, сейчас есть всякие таблетки, могу достать, если надо.

– Противный ты человек, Ашумов. Полезный, но противный.

– Ага! Я же и рвач, и мерзавец, а теперь еще – сволочь! Спасибо тебе огромное! Но знаешь что – я не обижаюсь... За твоё здоровье!

– Обижался бы – денег не заработал.

Вернувшись домой, написал Мирза Халил на вырванном из блокнота листке письмо сыну: «Жаль, что так и не удалось толком поговорить». И подписался: «Будь счастлив! Мирза Халил». Листок, сложив пополам, положил он в буфет на видное место.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Четверг, 19 июня

На дне пластмассового цилиндра осталась последняя таблетка аспирина.

Преодолевая сопротивление занемевшего тела, принял Мирза Халил упор лежа, отжался несколько раз, а потом, обессиленный, вытянулся на пыльном паркете, ощущая голым животом его прохладную геометрию.

К завтраку поставил он вариться три яйца. Крупным планом в кухонном телевизоре, почти во весь экран, показывали обездвиженное подтяжками лицо Императрицы. По-утиному вытягивая вперед оконтуренные карандашом губы, она беззвучно говорила, приветственно хлопая Мирзе Халилу накладными ресницами. Пока он тыкался по пульта, камера показала на фоне безликой массовки модного ведущего с беспроводным микрофоном над верхней губой, который издали выглядел кокетливой мушкой. Затем камера вернулась на Императрицу средним планом, показав ее впол-оборота в соответствующем статусу парчовом платье, щедро расшитом стразами и бирюзовым.

Наконец Мирза Халил нащупал нужную кнопку. Появился звук.

– ... как и сказал уважаемый господин министр, долма – это не просто изумительное блюдо нашей национальной кухни, которая... как говорится... э-э-э... восхищает любого иностранца! Я, Заурчик, дорогой – ты сам прекрасно знаешь, как и наши зрители – очень много... э-э-э... ездю. Часто бываю за границей... по приглашению друзей... э-э-э... с официальными визитами, я пробовала блюда самых разных стран и народов! Но, мои дорогие, долма – это особенное. Это, можно сказать, наш дар человечеству!..

– А я-то думал – афтафа, – зло проворчал Мирза Халил. На плите в закипающей воде яйца стали по-бильярдному стучаться друг о друга.

– ...давайте поаплодируем прекрасной Ляман-ханым, истинной Императрице нашей эстрады! Пожелаем ей и всей нашей делегации успехов во Франции, в ЮНЕСКО! Эти апплодисменты и эти прекрасные цветы для вас, Ляман-ханым!..

– Спасибо, Заурчик, дорогой мой! Какие прекрасные розы! Мои самые любимые цветы!..

– А как же лилии? – пробормотал Мирза Халил, выкладывая яйца в раковину под струю холодной воды.

– Просим песню, Ляман-ханым! Из вашего последнего...

Мирза Халил дослушал песню, а затем переключил на другой канал.

– ...аномальная жара в столице и на Абшероне продержится еще не меньше недели. Напоминаем, уважаемые телезрители, пейте больше воды и старайтесь меньше бывать на солнце. Особенно осторожными следует быть людям, страдающим сердечно-сосудистыми заболеваниями. Температура воды на бакинских пляжах 25-26 градусов...

Он растворил в стакане последнюю таблетку шипучего аспирина.

Судя по индикатору зарядки, «каракурт» был готов к применению. Рукоятка его хорошо ложилась на ладонь, была плотной, весомой, как у настоящего пистолета. Пробуя, Мирза Халил нажал на спусковой крючок: между стальными клешнями «каракурта» пробежал шипящий разряд. Достал он из буфета салфетку, скрутил ее жгутом и положил на край стола. Ужаленная разрядом бумага затлела, темнея по краям, а потом вспыхнула маленьким факелом.

Вариант взлома Мирза Халил отверг сразу. В семь вечера, как было указано в этой проклятой записке, светло илюдно, во дворе дети, машины, соседи, качают воду. И даже если предположить, что у того, кто придет, есть дубликат ключей от двери, все равно пробраться в квартиру в это время суток совершенно незамеченным будет сложно, а риск нарваться на хозяина слишком велик. Тогда может завязаться драка, и так далее. Будет шум. В семь вечера соседи не спят. Следовательно, придет тот, кого Мирза Халил должен будет впустить в квартиру сам.

Конечно же, за ним следят. Иначе как они узнают, дома он или нет? После посиделок с Ашумовым Мирза Халил весь вечер и приличный кусок ночи искал по комнатам скрытые камеры. Простукивал он подвесные потолки, двигал мебель, осматривал плинтусы, в спальне и гостиной даже выкрутил из стены электрические розетки, однако все равно ничего не нашел.

Уже глубоко полночь его, ошалевшего от усталости, вдруг осенило, что заморачиваться с жучками и шпионскими камерами не было никакой необходимости. Чтобы знать наверняка, дома он или нет, достаточно просто следить за подъездом.

Теперь оставалось только ждать.

Прикрывая глаза ладонью от солнца, стоял Мирза Халил на балконе, под которым, как насекомое в медовом янтаре, лежала неподвижно бывшая улица Левандовского, вся перерезанная хирургическими тенями. Восковые листья тополей и те оплывали без всякого движения в полуденном мареве. Прислонившись к горячим перилам, Мирза Халил сонно думал о том, что этот день может быть последним днем его жизни. Однако странным образом сама эта мысль оставляла его почти равнодушным. Пугала не мысль о смерти, а страх перед возможной болью, продолженной мучениями, ужасом обездвиженности. Время перестало течь, и по-прежнему болела голова.

В половине второго позвонил Мурадов.

– Не побеспокоил?

– Не очень.

– Чем занимаешься?

– Хочешь позвать на свидание?

– Почти угадал!

Тыльной стороной ладони вытер он испарину с лица.

– Ты вечером занят?

– Вечером? – выдохнул Мирза Халил.

– Ну, сегодня вечером? Занят, я спрашиваю?

– Занят.

– Не слышу! Так занят или нет? Выручи, Мирза! Я насчет моей красавицы. Я бы оставил ее у тебя, а? Ненадолго, на пару часиков? Выручишь?

Чувствуя себя так, словно ему врезали под дых, он выдавил из себя чужим слабым голосом:

– Мурадов...

– Хорошо? Очень нужно. Всего пару часиков. Собачка будет вести себя тихо, как мышь, ты даже не заметишь, что она там. Договорились? Мирза?

– Во сколько? – все так же тихо спросил он.

– Буду ровно в семь!

– В семь, – механически повторил за ним Мирза Халил.

– Все! Отлично! Спасибо огромное! В семь у тебя. Пивка принесу. Ты любишь «Грольш»?

Перед глазами Мирзы Халила расплывались жирные фиолетовые пятна. В голове шумело от приливающей крови так, что он почти уже не слышал доктора и только повторял невпопад: «Хорошо. Хорошо. Хорошо»...

Стало нестерпимо душно. Откуда-то из ванной остро потянуло запахом сырости. «Что делать дальше?» – думал Мирза Халил.

То, что это оказался именно Мурадов, было совершенно логичным. Это уклады-

валось в общую схему, и Мирзе Халилу даже стало казаться, что догадывался он об этом чуть ли не с самого начала, уже с того момента, когда с найденным кошельком, случайно или нет, наткнулся на доктора у подъезда дома. Однако все равно пребывал он теперь в состоянии шока.

Разбитый слабостью, дотащился Мирза Халил до кухни, стал жадно пить воду из холодильника. Пил и все не мог напиться, словно полыхающее за окнами солнце иссушило его внутренности.

– Сука! – шептал он между глотками, проливая воду на голый живот. – Сука!

«Ведь он придет не один!» – всплыла откуда-то мысль. Мирзе Халилу стало по-настоящему страшно. «Второй будет ждать снаружи! Чердак!..»

Нужно было что-то срочно делать. Но сначала любой ценой нужно избавиться от этой невыносимой головной боли!

Над головой, на чердаке, от жары трещала мебель пропавшего без следа Вагифа.

Торопливо натянув джинсы, присел он на диван, чтобы надеть носки. А надев, на секунду закрыл пульсирующие глаза и тотчас явственно увидел покойную супругу на их старой даче в Бильгя, на открытой веранде, за столом. Потрошила она жирную курицу. Запуская внутрь нее руку до запястья, вытягивала она перекрученные внутренности в блестящих наростах полупрозрачного жира.

Открыл он глаза с отвращением. На часах было почти четыре. Значит, проспал он так, полусидя на диване, около двух часов!

Головная боль лишь несколько притупилась, по-прежнему не давая сконцентрироваться и мыслить связно. Если поторопиться, еще можно успеть сходить до аптечного ларька около станции метро.

Выходя из квартиры, заткнул он за пояс «каракурт». Выпущенная поверх тенниска почти скрыла готового жалить паука.

За спиной Мирзы Халила громыхнул дверной засов.

– Сегодня девятнадцатое, четверг.

На Эльзе было что-то темно-фиолетовое, шифоновое, то ли платье, то ли пеньюар до самого пола, на голых ногах тапочки, отороченные каким-то белым пушистым мехом.

– Ага, – выдавил Мирза Халил сквозь боль и тошноту. – Помню.

– У вас все в порядке?

– Пока живой. – Махнув ей рукой, он стал спускаться вниз по лестнице.

– Подождите, подождите, – Эльза прикрыла за собой дверь и спустилась за ним следом на несколько ступенек.

– Что у вас с глазами?

– Что?

– Совершенно красные. Дайте я посмотрю...

Эльза по-кошачьи мягко коснулась его лица и слегка повернула его к свету. Мирза Халил замер, не сопротивлялся. Ее прикосновение было приятно ему. Оно успокаивало, притупляло страх и боль.

– У вас давление. Мерили?

– Голова разрывается, – сказал он почти жалобно.

– Значит, точно давление. Нельзя выходить. У вас какие-то дела?

– Я шел в аптеку... Эльза-ханым...

– У меня есть все, что нужно. Пойдемте. Померю вам давление.

Мирза Халил замешкался, а Эльза уже поднималась по лестнице вверх.

– Пусть будет просто Эльза. Так короче, – сказала она через плечо, не глядя на него.

В полутемной, как и в прошлый раз, совершенно замороженной кондиционером гостиной, как будто бы стало еще больше искусственных пальм и цветов.

– Садитесь на диван. Там будет удобнее. Принесу тонометр.

Эльза на ходу подхватила на руки кота, возлежавшего на спинке дивана, и спустила его на пол.

– Иди, мой хороший. Не мешай.

Тонометр был не электронным, а механическим, старого советского образца. Привычно затягивая манжету на бицепсе Мирзы Халила, Эльза пояснила:

– Новые не то. Этот – профессиональный.

Накачивая резиновую грушу, она старалась не встречаться с ним взглядом: волнительная близость ее тела, едва прикрытого складками шифоновой ткани, была и без того достаточно неловкой.

– Да, – сказала она озабоченно. – Высокое. Я так и думала.

– Сколько?

– Сто шестьдесят на сто.

– Много.

– Почти гипертонический криз. Опасно. Тошнит? В ушах шум?

Мирза Халил кивнул.

– Что будем делать? «Скорую»? Ложитесь прямо здесь пока. Я сделаю вам голову повыше.

– Не беспокойтесь...

– Нужен нифедипин. Чтобы постепенно снизить давление. Слушайте, что вам говорят. Ложитесь. Я двадцать пять лет проработала медсестрой. Вы меня ничем удивить не сможете. Давайте. Вот вам еще подушка. Голову повыше. Если давление не снизится, придется звать «Скорую».

Мирза Халил откинулся на подушки. И опять, несмотря на боль, возникло это странное ощущение покоя, какой-то защищенности от одного присутствия этой странной женщины с ее жирными котами и аляповатыми нарядами.

Вернулась она со стаканом воды и таблетками.

– Нифедипин, 10 миллиграмм. Только не глотайте, его нужно разжевать и запить водой. Через полчаса смерим еще раз давление. Ложитесь. Я вас накрою чем-нибудь. Спите.

На часах было четверть шестого.

– Я не хочу спать. Давайте лучше поговорим.

– О чем? – просто спросила она.

– Значит, вы еще и медсестра?

– Я говорила вам. Двадцать пять лет. Вы что-нибудь узнали про Вагифа?

– Может быть. Я расскажу. Только сначала ответьте мне на один вопрос: если нужны для пересадки органы, где их взять? Как это вообще работает?

– Вы имеете в виду донорские органы? – спросила она, присев на край дивана рядом с ним.

– Где взять донора, если нужна, скажем, почка?

– Ставят в лист ожидания. Есть специальная база данных. Хотя шансов мало, конечно.

- Нет доноров?
- Почти нет. У нас на изъятие органов даже после смерти никто не соглашается. Сами знаете. Существует карточка донора. Но попробуй, уговори кого-нибудь подписаться.
- Карточка донора?
- Подписываешь бумаги, что согласен на изъятие органов после смерти. Выдают специальную карточку. Ее надо носить с собой. На всякий случай. Повезет, если кто-то из родственников согласится на пересадку. Но надо, чтобы еще подходил.
- А врачи-трансплантологи, они вообще есть здесь?
- Их тоже мало. Зачем трансплантологи, если нет доноров? Везде так же. В России. По всему бывшему Союзу. Люди едут в Израиль, Иран, еще куда-нибудь.
- Ну, хорошо, а если я человек богатый, тогда как? Можно быстро найти то, что нужно?
- Наверное, Мирза. Не знаю. С деньгами все проще. Как вы себя чувствуете?
- Лучше. Голова как будто начинает отпускать.
- Хорошо. Главное, чтобы не было резкого снижения. Давайте я проверю пульс... Зачем вам доноры? Кому-то из близких нужно?
- Нет, слава богу. Это все по поводу Вагифа, который пропал. Сейчас объясню. Значит, история такая: дом, в котором жили я и Вагиф – это в центре, на Молоканке – купила одна компания. Большая и богатая. Холдинг. Занимаются всем понемногу: строительство, импорт, черт еще знает что. Строят, как говорится, престижные дома. Конечно, дорогие.
- Пульс как будто стабилизировался. Я слушаю.
- В общем, Вагифу предложили деньги и плюс мою нынешнюю квартиру.
- Это я знаю.
- А вот теперь продолжение: Вагиф влез в долги.
- Это я тоже приблизительно знаю. Не в деталях. Кто-то его кинул. Другой художник?
- Модель.
- Нет. Он говорил про какого-то парня.
- Парень-модель.
- Парень-модель?
- Неважно. Важно, что деньги пропали. Вагиф остался должен кучу бабла, еще и с процентами. Конечно, счетчик включили, потом наехали. Вот тут-то на Вагифа – как теперь я понимаю, по наводке – вышли люди из частной клиники.
- Клиники?
- Точнее, медцентра. Весь фокус в том, что в этом центре – я уж не знаю, официально или нет – занимаются пересадкой органов. Понимаете? Для VIP-клиентов. А им, естественно, нужны доноры.
- И вы думаете...
- Они выбирают тех, у кого проблемы с деньгами, одиноких, и так далее. Предлагают стать донорами. Негласно. Ну вот скажите, почка сколько, к примеру, может стоить? Тысяч двадцать? Тридцать? Больше?
- Я видела как-то документальный фильм на эту тему, российский. Говорили от ста пятидесяти тысяч до трехсот. Но это в Америке. Значит, у нас может тысяч семьдесят или сто...
- Ничего себе!

– Вы думаете, Вагиф продал им почку?
– Не спешите. Думаю, Вагифу подкинули эту идею с донорским органом. Но он поразмыслил и вместо этого отдал квартиру. Тут самое забавное, кому он ее продал!
– И?
– Управляющему той же самой строительной компании, у которой получил ее!
– Странно.
– Как минимум.
– А дальше?
– Теперь самая важная деталь: строительная фирма-холдинг владеет клиникой, делающей пересадки органов. Понимаете?
– Вы не волнуйтесь так. Вам нужен сейчас покой.
– Вот я и думаю, что этого бедолагу Вагифа... – Мирза Халил оторвал голову от подушки и присел, – ...что они его просто выпотрошили целиком, понимаете? Разобрали на органы! Всего!..
– Вы это серьезно? – после небольшой паузы спросила она. – Ведь это же тогда кошмар какой-то. А доказательства?
– В том то и дело, что доказательств мало.
– Пора мерить давление. Дайте руку.
Она стала накачивать воздухом манжету у него на бицепсе.
– И что делать?
– Мне нужно время, чтобы собрать больше фактов. Две недели. Три недели, может, месяц. Самое главное, что я знаю, где искать, и знаю, что искать...
– Давление по-прежнему высокое, – сказала она озабоченно, наблюдая за ртутным столбиком. – Давайте еще одну.
Она выдавила из облатки таблетку и протянула ее Мирзе Халилу.
– Точно так же – не глотать. Разжуйте.
На диван, в ноги к Мирзе Халилу, тяжело запрыгнул персидский кот. Демонстративно игнорируя его, он свернулся в клубок.
– Они убивают ради донорских органов?
– Я думаю, да. Ведь это очень выгодный бизнес. Сотни тысяч долларов, евро, чего угодно. Разве не так? И минимальный риск. Подбирают какого-нибудь одинокого кандидата и потрошат его, как курицу... Вот тот же Вагиф – одинокий, никому особенно не нужный, да еще и должен всем! Подумайте сами! Если кто-то начнет выяснять, куда он делся – уехал! Сбежал от долгов. Утопился. Да мало ли, куда мог деться! Понимаете?
– Он человек известный. Художник.
– Ну и что? Кому сейчас это надо? О чем вы говорите!
Мирза Халил вдруг почувствовал, что язык его начинает странным образом заплетаться. Подняв руку, словно бы налитую свинцом, он ощупал холодный лоб, при этом почти не чувствуя прикосновения собственных пальцев.
– Эльза... я не преувеличиваю... все это происходит... точно... Послушайте, у меня как будто слабость, в сон потянуло...
– Хорошо. Отдыхайте.
– Вы сказали, что вы медсестра...
Детали комнаты стали быстро оплывать и искажаться, словно кто-то изменял настройку резкости в его голове.
– В... больнице?..

– В пятой. Почти десять лет. Потом в Экспериментальной.

– А сейчас...

– Три раза в неделю веду классы йоги и рейки. Я – мастер рейки. Знаете, что это такое?

– Приблизительно... что-то по телевизору...

Из плывущей вокруг него комнаты совсем близко вынырнуло лицо Эльзы. Все прочее смазалось в какую-то пеструю неразбериху, и только ее лицо было в фокусе. Мирзе Халилу захотелось притянуть ее к себе, поцеловать, но отяжелевшие руки его двигались слишком медленно.

– Что это... я...

– Спустилось давление...

– Эль-за? – с трудом произнес он, не узнавая собственного голоса, лишившего всякой интонации, механического, словно говорил робот.

– Да?

– Вы сказали – рейки?

– Тут недалеко есть новый центр. «Табиб».

– Вы сказали...

– «Табиб».

Рот Мирзы Халила мгновенно наполнился вязкой тягучей сладостью. Уже все понимая, он в оцепенении следил за тем, как губы Эльзы, словно в замедленной съемке, вытягиваются в насмешливую улыбку.

– Это очень хороший центр! У них отличное оборудование. И врачи. Когда вас не было дома, я вам под дверь положила рекламный проспект...

Он старался не слушать ее. Отрывая тяжелую голову от подушки, Мирза Халил стал подниматься с дивана.

– Куда вы? Вам нужно лежать!

– В туалет... мне нужно в туалет, – выговорил он с трудом, обкатывая во рту слова, словно речные голыши.

– Я помогу.

Он помотал головой:

– По коридору?

– Налево. В ванной свежее полотенце...

Стараясь держаться прямо, Мирза Халил шел почти наугад, вслепую.

«Только бы выбраться отсюда!.. Все это время она следила за каждым его шагом! Соседка напротив!.. Как же он не догадался с самого начала? Чем она его накачала? Транквилизаторы? Наркотик? Стерва!.. Теперь его выпотрошат, как курицу. Разберут на органы. Он просто исчезнет... и эта проклятая квартира с чердаком будет ждать нового постояльца!..»

Каждый шаг давался все труднее. Наркотик стремительно распространялся по всему телу. Шаг, шаг, еще один – добрался он до полутемной прихожей, главное теперь – не останавливаться! Словно преодолевая течение реки, двинулся он не налево по коридору, а рывком к спасительной входной двери. Его единственный шанс, если еще не слишком поздно! На площадку, а потом вниз по лестнице, звать на помощь, чтобы помогли добраться до больницы... к черту больницу!.. К Саре, к сестре!..

Под ногами что-то яростно взвизгнуло, сверкнули осатанелые кошачьи глаза, не обращая внимания, Мирза Халил дотянулся и ухватился за дверную щеколду. Шипя, кошка бросилась прочь.

– Куда вы, Мирза? Вам нельзя... – неслось ему вслед. Он рванул щеколду вправо, а затем, навалившись на дверь всей тяжестью, стал продавливать вниз дверную ручку: дверь широко распахнулась и, едва не упав, Мирза Халил вывалился на площадку, лицом к лицу столкнувшись с доктором Мурадовым.

– Мирза? А я...

«Опоздал!» – промелькнуло у Мирзы Халила в голове. Уже теряя сознание, успел он одним быстрым движением вытянуть из кармана брюк «Каракурт» и, ткнув его доктору в грудь, нажать на спусковой крючок.

Полыхнул электрический разряд.

Через несколько дней...

Над городом пробежала гроза. Пролилась теплым дождем, слегка освежила суточные улицы и зачахшие в зной газоны. И хотя асфальт почти сразу стал высыхать, кое-где еще стояли глубокие лужи, а в приоткрытое окно пахло озоном.

Японская повесть называлась «Ад зеркал». Помимо Мирзы Халила, в палате был еще один пациент. Однако он, безнадежно сросшись с телефонными наушниками словно пуповиной, почти все время невежливо молчал, периодически клацая пальцами по экрану мобильного. Между ним и Мирзой Халилом стояли две незастеленные кровати.

Мирза Халил уже успел переодеться. Собранная сумка лежала на полу между ногами.

В проеме двери появился Мурадов.

– Ну, что? Чувствуешь себя нормально уже?

Наклонив голову вперед, Мирза Халил посмотрел на доктора поверх очков: Мурадов был гладко выбрит и при галстуке.

– Отлежался, следопыт?

Мирза Халил молча закрыл книгу и положил ее рядом с собой на кровать.

– Стрелять, надеюсь, не собираешься? Учти, я без бронжилета! Убьешь!

– Чего пришел?

– Вот что мне в тебе нравится, Мирза, так это то, что ты никогда не сдаешься. Какое-то болезненное упрямство.

Доктор сел напротив Мирзы Халила на пустующую койку.

– Это у вас семейное: сестра твоя такая же. Только у нее упрямство, ты уж извини, от глупости. А у тебя другое. Ты учти – это комплимент. Все вокруг, включая меня, между прочим, слишком уж неупрямые, легко на все соглашаемся. А ты – как железобетонная эстакада...

– Чего, спрашиваю, пришел?

– Пожалуйста! Об этом я и говорю! Чуть не убил меня этой электрической хренью, и хотя бы просто извинился! Посмотри! – доктор расстегнул рубашку на груди и показал на залепленные пластырем бинты. – Видал? Приличный ожог получился. Хорошо, что в Дээзи не попал! Убил бы точно!

– Пришел, чтобы ожог показать?

– Да нет, – сказал доктор, застегивая пуговицы рубашки. – Я тут по делам. Консультировал, понимаешь. Решил проведать. Учтывая возраст и все остальное, кардиограмма у тебя ничего. Но вот сосуды закупорены. Процентом на пятьдесят. В принципе, нужно ставить стент или делать шунтирование. Вариантов немного. А пока

диета, гуляй больше, с питьем – завязывай. Ну, и то, что выписали – принимай обязательно. Там все, что нужно, я смотрел.

– Спасибо.

– Да не за что! Какие-никакие – все-таки родственники! А родственники «бывшими» не бывают... Еще кое-что. Насчет всех этих твоих страшилок про черных трансплантологов. Скажу тебе так, Мирза. В медицине есть принцип: если у пациента, допустим, жуткий понос, рвота и температура, и это указывает на пищевое отравление, сибирскую язву, бруцеллез и кучу других отвратительных болезней, у него, скорее, все-таки обычное отравление, а не сибирская язва. Понимаешь? То есть, симптомы одинаковые, но выбирать нужно самое простое объяснение... Во всяком случае, в первую очередь.

– Это называется «Бритва Оккама», – усмехнулся Мирза Халил.

– Бритва чего?

– Не *чего*, а *кого*. Оккам, философ. Что-то вроде: из двух зол выбирай наименьшее. Если все версии равны, то самая простая и будет самой верной.

– Ничего себе, я думал, ты только детективы читаешь.

– Так и есть. Только одно другому не мешает, Мурадов. И потом, философия и детективы, подумай сам, ты же умный мужик, две очень похожие вещи.

– В каком это смысле?

– Ну, и то, и другое имеет дело с лабиринтами. Понимаешь?

– Это ты сам придумал? – осторожно спросил доктор.

– Да нет, Мурадов, вычитал где-то. Но, по-моему, очень верно.

– Так вот, насчет черных трансплантологов: они, конечно, где-то есть. И я даже уверен, что где-то у нас тут тоже. Но это не значит, что в моем центре разбирают народ на органы.

– А Берешич?

– А что Берешич? Да, пару лет назад про него писали какую-то заказную черную историю. На Украине. Ужасы рассказывали. Он судился. Он солидный человек. Заслуженный. Профессор кучи всяких университетов. Он и был-то у нас здесь раза четыре всего. Проводил вполне официальные мастер-классы. И не у нас, а в лечкомиссии. Короче, Мирза, бросай херней маяться. Вместо того, чтобы охотиться на черных трансплантологов, подумай о шунтировании. Встретимся, обсудим варианты.

– Видно будет. Ты вообще давай, иди уже. Сейчас Сара с Эльмаром подъедут.

– Ладно. Зайду. Дома будешь?

– Нет. Сара везет меня к ним на дачу. Хочет чуть ли не на целый месяц. Посмотрю, сколько выдержу.

– Максимум – неделю. Это я с ней выдержал четыре года. На будущее: если чего – иди сразу к соседке. Эльза тетка неглупая, хотя и экзальтированная, со странностями. И одеваться ни фига не умеет.

– Иди уже, иди! Еще мне тут истерик Сары не хватало!

Уже выходя из палаты, доктор обернулся:

– Жаль, Эльза не в моем вкусе. Ты вообще присмотришься к ней! Между нами говоря, у нее отличная жопа!

1-го августа умерла Ляман.

К тому времени Мирза Халил уже два дня, как вернулся с дачи. За время его отсутствия Эльмар организовал установку кондиционера, собрал наконец кровать и

повесил во всех комнатах жалюзи.

Сообщение о смерти Императрицы бежало пестрящей восклицательными знаками строкой внизу экрана все утро и почти весь день. По всем каналам без конца показывали одни и те же кадры: менеджер певицы стоит перед подъездом новостройки, в пентхаузе которой она жила, и, глядя поверх ошметинившихся микрофонов, убитым голосом сообщает, что скончалась она рано утром, во сне, скорее всего, от сердечного приступа. Затем шли отрывки из ее последнего интервью. Ляман говорила в аэропорту, после возвращения из Франции, опять с букетом роз, улыбалась и махала Мирзе Халилу на прощание накладными ресницами.

Ближе к вечеру началась обычная телевизионная некрофилия. Журналисты, шоумены, томные эстрадные персонажи, перебивая друг друга, всюду соревновались в славословиях покойной и клялись ей в любви. Постепенно все это стало принимать уже совершенно гротескные формы: один из народных избранников предложил присвоить Императрице воинское звание и хоронить ее с соответствующими почестями, как героя, павшего на поле сражения. О какой именно войне шла речь, депутат не уточнил, но, судя по аплодисментам в студии, многим эта мысль показалась не столь уж экзотической.

В половине восьмого показали полностью последнее интервью Ляман, которое она дала по возвращении из Франции буквально за день до смерти.

Опять с букетом роз, Ляман устало улыбалась в камеру и махала Мирзе Халилу на прощание накладными ресницами.

За окном густели неоновые сумерки, изрезанные подвижными всполохами света.

Натянув на себя брюки, Мирза Халил выскочил из дома.

Быстрым шагом, почти трусцой, пересек он двор, ощущая на себе удивленные взгляды женщин на лавочке под фонарем, проскочил мимо гаражей и мусорки, дальше, по темному переулку, пока не оказался перед входом в метро. Запыхавшийся, потный, с одышкой, встал Мирза Халил в нерешительности, не зная, что ему делать дальше. Плотный поток машин, осененный желто-красной «М» Макдональдса через дорогу, тек в обе стороны. Из подземного перехода несло теплым влажным запахом прибывающих поездов, мочой, играла музыка. Темные силуэты торопливо двигались вверх и вниз по лестницам, не попадая в такт. С монотонным гудением вспыхнули софиты, осветив с четырех углов рекламный щит. Под логотипом, из переплетенных лихими завитушками «М» и «Х», было написано: *Мермер Халчалары: Эксклюзивный мрамор и оникс со всего света! МХ превратит ваш дом во дворец! С 19-го по 25 июня – скидки до 40%. Звоните и приходите! Телефон: 561-07-46.*

Мирза Халил прочитал дважды, затем, прислонившись к парапету, достал из кармана кошелек, из которого вытащил сложенную вчетверо записку. В едком свете уличной рекламы последняя цифра телефонного номера больше не выглядела как восемь, а была явной шестеркой.

Перестав смеяться, он смял записку и бросил ее в рекламный щит.

– Ладно! Но куда же все-таки девался этот долбаный Вагиф!

Спускавшаяся в метро парочка возмущенно обернулась.

Плюнув себе под ноги на теплый асфальт, Мирза Халил отправился за пивом. Нужно было как-то помянуть Ляман.

ВАХИД ГАЗИ

ИЗ ЦИКЛА «ЛЮДИ И КНИГИ»

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

ПРИВЕТ, ГУЛЬСАРЫ!

Встреча у шведского букиниста

Мне нравится бродить по лесным тропинкам Швеции, сидеть на берегах озер и наблюдать покрывающиеся рябью отражения деревьев в воде.

Общение леса с озером напоминает беседу влюбленных, близких людей, доверившихся друг другу. Окаймленное лесом небольшое озеро походит на малютку в объятиях матери, напевающей колыбельную. Если каждый, кто умеет слушать сердцем, обратит на это внимание, то сможет расслышать эти колыбельные-беседы. Достаточно лишь дуновения ветерка! И тебе чудится: этот ветерок – дирижер оркестра, состоящего из миллионов листьев, и этот дирижер приводит их в движение легким взмахом руки. Удивительно, в оркестре, состоящем из миллионов исполнителей, ни один листок не сбивается со своей партитуры – все играют воздушное произведение ровно по нотам.

Шепот и робкое дыхание леса можно расслышать ухом, и можно увидеть глазами, как нежный ветерок проходит лаской по водной глади озера. Гладь озера трепещет, как грудь юной девушки, только-только изведавшей любовь. Эти волны и биения – танцующие в воде ноты шепота-симфонии листьев. Кажется, будто созерцаешь прекрасный танец на сцене...

***

В Швеции у меня есть и другое излюбленное занятие – копаться в тех отделах «Секонд хэндс», где выставлены на продажу старые книги, видео- и аудиокассеты, пластинки, картины. Книги тут обычно на шведском. Редко можно натолкнуться на иноязычную книгу, чаще на англоязычную. Мой шведский и английский не дотягивают до того уровня, чтобы получать удовольствие от прочтения художественных произведений, однако данный факт совершенно мне не мешает часами бродить среди книжных развалов.

Книги – как музыка: если даже слов не понять, дух всё равно уловишь. Если от сердца споешь хорошую песню, тебя поймет и тот, кто незнаком с твоим родным языком. Однажды на Кубе в великолепном расположении духа я так самозабвенно спел песню «Ай, Лачин», что находящиеся в комнате кубинцы покачивали в такт головами с приятными улыбками на лицах – они всё прочувствовали и поняли.

В прошлом году на языковых курсах одна женщина из Новой Зеландии во время перерыва между занятиями спела песню, и все мы были очарованы, ибо всё поняли. Когда она закончила петь, мы в один голос заявили, что песня эта – о любви. «Совершенно верно, – сказала наша подруга, – это маорийская народная песня, называется «Покарекаре Ана».

В букинистических «секонд хэндах» я часто беседую с «иноязычными» книгами. Как называется? Кто автор? Когда издано? О чем повествуется? Интересно, сколько читателей прочли? Интересно, в чьей квартире все эти долгие годы пролежала книга, и чем занимался ее владелец? Почему книгу сдали букинисту? Прошлый владелец скончался или сдал букинисту потому, что переезжал и не стал обременять себя лишним грузом?

Вот книга, изданная 50 лет тому назад, но ее ни разу не раскрывали! Эх, знал бы хорошо язык, прочел бы от корки до корки! Как возрадовалась бы душа автора! Прочеть книгу, которую не раскрывали на протяжении 50 лет – это как прочеть молитву за упокой души скончавшегося автора! Это как заново привести в движение застывшую в производстве жизнь, замершее время! Так странно увидеть некогда прочитанную книгу сейчас, на иностранном языке... как мне это описать? Да ведь и не опишешь!

Например, «Slottet», то есть «Замок» Кафки, «Мадам Бовари» Флобера.

«Замок» издан в 1971-м году и прочитан раз или два, если меня не подводит чутье. К тому же прочитан очень давно, возможно, сразу после приобретения. Сохранность хорошая. А «Мадам Бовари», несмотря на «молодость», чуть ли не рассыпается. Невозможно прикинуть, сколько раз ее читали и перечитывали. Многие читатели оставили заметки на полях. Одни карандашом, другие ручкой. Почерка не разобрать, путано, полустерто. На оборотной стороне обложки отчетливо читаются слова «Till min kärlek Ann-Kristin». Мужчина по имени Бьерн подарил эту книгу своей возлюбленной по имени Анн-Кристин. И дату поставить не забыл: «1993.08.29».

Давала ли Анн-Кристин подругам прочитать книгу, подаренную ей любимым? В противном случае откуда взялось столько читателей у книги, подаренной близким мужчиной? Что этим она хотела сказать? Откуда знать! Не так-то просто понять белокурых шведок!

На книги в соответствующих отсеках «секонд хэндов», напоминающих бакинские букинистические развалы прошлых лет, смотришь как на старых друзей, здороваешься как со знакомыми, которых не видел долгие годы: с одним обнимаешься, другому протягиваешь руку, а с третьим довольствуешься приветственным кивком издали.

Книги – как люди: у каждой своя судьба. Читанная-перечитанная похожа на выдавшую виды женщину, старая – на мудрого старца, ни разу не раскрытая – на «горемычного молодого человека», испещренная множеством карандашных заметок – на кокетливую красотку, которую ежедневно заваливают любовными письмами и записками сходящие по ней с ума парни...

***

В тот день в «секонд хэнде» возле Кунгсмаркенской церкви мой взгляд выхватил среди сотен томов, точно взгляд хищной птицы, одну-единственную книгу. Что же мне тут написать, чтобы передать вам охватившее меня чувство?! Эх, если бы у меня имелась способность запечатлеть на бумаге хотя бы малую толику чувств и переживаний...

Вспомните сцену, когда герой фильма «Отец солдата» Георгий Махарашвили сталкивается в далеком Берлине с такими родными для него виноградными саженцами! Я радовался точь-в-точь как тот старик. Среди тысяч «чужих» томов я встретил родное для меня произведение.

Я говорю о книге Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» – книге, моя дружба с которой имеет давнюю историю.

...После возвращения из армии летом 1988-го года я первым делом взялся за чтение повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!». Я уже писал об этом в одном из своих прежних текстов. Так вот, во время «учебки» в армии среди бесчисленных солдат из Средней Азии выделялись два киргиза, у меня с ними ладилось, и потому большую часть времени мы проводили вместе. Они, как и я, пришли отслужить из института. То, что я был наслышан о «Манасе», Чингизе Айтматове, Иссык-Куле, рассказывал о фильме «Белый пароход», сделало меня уважаемым человеком в их глазах. Вечером того дня, когда я расхваливал «Прощай, Гульсары!» Айтматова как один из шедевров мировой литературы, я забрался в свою койку и честно признался себе, что поступил нехорошо, расхваливая с пеной на губах доселе непрочитанное произведение. Я утешил себя (попытался оправдать постыдный поступок) тем, что сразу по возвращении домой прочту эту повесть.

Я сдержал обещание. Летом, после демобилизации, я прочел «Прощай, Гульсары!». Прочел и сконфузился. Мне, несмотря на разделяющие нас тысячи километров, стало стыдно перед теми киргизами, которых я учил уму-разуму, словно малых детей, упрекал, что они, будучи земляками такого гения, как Айтматов, не читали его бесподобный любовный дастан «Прощай, Гульсары!». Оказывается, героем повести Айтматова была не девушка по имени Гульсары, а конь. Эти киргизы, вернувшись домой, тоже примутся читать повесть Айтматова и увидят, что Гульсары вовсе не девушка, а конь. И поймут, что я наврал им с три короба...

Книга издана в 1976-м году в Москве, к тому же с англоязычными комментариями. На задней обложке значится цена – «1р. 03к.». Объемистая книга в яркой обложке, напечатанная отливающим красным цветом шрифтом на дорогой бумаге, похожа на сувенир. Так и пролежала она, как сувенир, на протяжении сорока лет, до нее никто и не дотронулся, ее ни разу не раскрыли. Первым ее читателем через сорок лет после издания стал я.

Как она сюда попала? Ее привез в Швецию какой-то советский дипломат? Или ее занес сюда советский ветер пропаганды? Но что могла бы пропагандировать эта книга? Жизнь в колхозе? Горести, причиненные герою новой жизнью, одним из строителей которой был он сам? Может, книгу отправили сюда с целью привлечь внимание членов Шведской Королевской Академии, определяющих лауреата Нобелевской премии? Откуда знать?!

Книга ни разу не раскрыта, значит, ее не прочли и члены Академии.

Хотя имя Айтматова неоднократно попадало в список претендентов, «нобелевку» Айтматову не дали. Согласно завещанию Альфреда Нобеля, премия дается «литературе, завоевавшей успех с учетом политико-идеологических мотивов». То есть, мало того, что произведение гениально, оно вдобавок должно отвечать политико-идеологическим вкусам и требованиям членов академии. У Айтматова был лишь один путь отвечать данному требованию – как и Танабай в «Прощай, Гульсары!», он не должен был терпеть несправедливость, бесправность, ложь и швырнуть свой партбилет в лицо советской власти. Ведь Айтматов ничем не хуже других советских писателей-нобелиатов, а по большому счету даже на голову выше!

...На сей раз я прочел повесть при ином расположении духа. Я уже не двадцатилетний юноша, вернувшийся из армии, мне сейчас чуть ли не больше лет, чем герою произведения Танабаю.

Дочитав книгу, я уселся в беседке на берегу любимого озера. На сей раз спектакль на водной глади «разыгрывал» не ветер, на сей раз «сцена» находилась во власти дождя. Небесные стрелы-капли вонзались в озерную грудь и опускали тюлевую занавеску между мной и сценой.

По ту сторону тюля я видел долгую-предолгую дорогу. На обочине дороги сидел Танабай, тяжело дыша, вместе со своим другом. Гульсары на сей раз опустился наземь не для передышки, а для того, чтобы испустить дух. Танабай гладил коня по гриве, беседовал с ним, листал страницы жизни. И небо, и озеро, и лес пришли, чтобы стать опорой Танабаю в трудную минуту. Стекающие с листьев капли мешались со слезами Танабая и падали в озеро.

Затем всё оказалось так, как в финале книги.

«Шел Танабай по степи, перекинув уздечку через плечо. Слезы стекали по лицу, мочили бороду. Но он не утирал их. То были слезы по иноходцу Гульсары. Смотрел сквозь слезы старик на новое утро, на одинокого серого гуся, быстро летящего над предгорьем. Спешил серый гусь, догонял стаю.

– Лети, лети! – прошептал Танабай. – Догоняй своих, пока крылья не устали».

...А я всё смотрел и смотрел на озеро, сберегая от дождя и прижимая к груди найденную в шведском «секонд хэнде» книгу достойного «нобеля» писателя. Выйдя из-под навеса, я стоял на самом берегу, омываемом волнами.

Танабай оседлал Гульсары и умчался вдаль.

КАЛЕЙДОСКОП ВРЕМЕН И СУДЕБ

О мемуарах Чингиза Гусейнова «Минувшее – навстречу»

Не стану забегать вперед, но в 712-страничных мемуарах Чингиза Гусейнова «Минувшее – навстречу» нет ни одной скучной, неинтересной страницы.

Возьмешь в руки книгу и с первой же главыпустишься в воображаемую прогулку по старому Баку, Баку 50-70-летней давности – Ичери Шехеру и его окрестностям, познакомишься с его многонациональным населением, увидишь и ощутишь дорогие сердцу мгновения жизни. Так обстоят дела и с другими главами – они покажут тебе, как ретро-фильм, не столь отдаленную во времени историю родины.

Порой ты попытаешься ощутить сегодняшним своим сердцем романтические любовные истории тех времен, а порой кожа покроется мурашками от страха репрессий. Ты весь обратишься в понимание к судьбам, уничтоженным политической системой, и в поминание тех, кто, выдержав неимоверно тяжелые душевные и физические страдания, сумел сохранить свою честь. Ты будешь смотреть, словно захватывающий исторически-детективный фильм, разворачивающиеся на страницах писательские интриги при тоталитарном режиме, солидарность литературного сообщества в деле уничтожения одних и спасения других, отношения между человеком искусства и властью, между центром и провинцией, космополитизмом и национализмом.

Этот фундаментальный том воспоминаний появился на свет на основе дневника, систематически ведущегося с начала 60-х годов. Здесь повествуется не только о жизненной стезе маститого писателя, но также дается точное отражение сталинских репрессий, хрущёвской «оттепели», брежневского «застоя», горбачевской «перестройки» – испытаний, выпавших на долю некогда существовавшего в истории советского народа. Книга отражает также и жизнь в Азербайджане во время вышеперечисленных эпох, освещает многие неведомые нам темные уголки знакомой истории. Знакомит с сотнями живых персонажей, исторических личностей, заводит речь об интересных событиях.

В мемуарах есть страницы, повествующие о многих людях с самыми разными судьбами. Истории людей, проживших трагичную, горькую, порой тоскливую и в то же время интересную, как роман, жизнь, заставляют надолго задуматься читателя, не отпускают его. Самед Вургун, Лев Антопольский, Абидин Дино, Назым Хикмет, Егише Чаренц и его вдова Изабелла, Азиз Шариф, Мехди Усмиев, Иосиф Гринберг, десятки других...

Воспоминания Чингиза Гусейнова позволяют увидеть во всей наготе общественно-политическую и литературную жизнь советской эпохи. Писатель не стал прибегать к дополнительному художественному украшательству, он записал всё так, как в свое время видел, заносил в дневник, помнил. Творческая среда той поры изображена не только в черно-белых тонах, но и с использованием всех цветов палитры.

Трагедией творческих людей в тоталитарных системах было не только то, что им не позволяли творить от души, что не было свободы. Трагедия начинается тогда, когда ты вынужден вместо того, что лежит на душе, творить затребованное другими!

...Иван Бунин объяснял причину своего нежелания возвращаться в СССР тем, что там захотят принудить его говорить то, что он не желает, верить в то, во что он не верит.

Я уже писал подробно в своем эссе «Право молчания» о коммунистическом режиме, ставящем человека искусства в такое безвыходное положение.

Наряду со всеми этими применениями силы, запретами и лишениями в стране советов была предоставлена широкая арена и большие возможности тем творческим людям, которые умели «ловить пульс» политической системы. Коммунистический механизм управления мог посредством русского языка явить всему миру приходящегося ему по нраву «провинциального писателя», пишущего на «национальном языке».

Целая литературная система обратилась в «фабрику перевода», перелагающую про-

изведения национальных поэтов и писателей на международный язык. Наши нынешние писатели, замкнутые в своей локальности, могут завидовать собратьям из той эпохи лишь по этой одной причине.

За исключением пары-тройки писателей, в Азербайджане все, можно сказать, пишут на родном языке. Наш язык не является международным! Я испытываю тяжесть этого факта все годы, как перебрался в Швецию – со своим языком, который оставляешь позади, переступив порог квартиры, тебе не постучаться не только в двери шведских издательств, возносящих писателей до Нобелевской премии, но даже в редакционную дверь местной газеты какого-нибудь крохотного городка.

Один раз я уже об этом писал, ничего, повторюсь – написанное на нашем родном языке невозможно вынести на «рынок» мировой литературы. Либо у нас должны быть писатели, пишущие на общемировых языках, либо сильная школа перевода, переводящая написанное на ведущие языки мира. Билингвизм позволяет писателю не только переступить границы, но и открывает перед ним широкие горизонты свободы.

В книге Чингиза Гусейнова есть много примеров того, как национальные писатели, перед коими закрылись все двери на родине, добились блестящего успеха в столице СССР. Так случилось и с самим Чингизом Гусейновым: его не прошедшие цензуру в Баку произведения были опубликованы на русском в Москве, а затем во многих и многих странах в переводах на иные языки.

«Нет пророка в своем отечестве» – фраза из Евангелия от Матфея, то есть, находящиеся рядом люди не увидят твоего таланта и гениальности, не поверят в истинность слов.

Успешность творчества в жанре мемуаров связана также с искренностью автора. А это получается не у каждого автора – выпячивание собственной роли встречается в мемуарах довольно часто. Листая страницы жизни Чингиза Гусейнова, удивляешься его способности обуздывать ностальгические эмоции, выражать чувства без лишней патетики (ведь книгу жизни, как правило, листаешь, предаваясь меланхолическим чувствам!), и точно также испытываешь симпатию к его искренним признаниям.

В годы независимости мы столкнулись со многими литераторами, которые выдавали за диссидентский выпад какую-нибудь свою строку или мысль, высказанную в советский период. А Чингиз Гусейнов, чья большая часть жизни прошла среди недовольной режимом творческой интеллигенции, пишет следующее: *«Понимая, что к чему, я, консультант Комиссии по национальным литературам в СП, сознательно отгораживался от всего, что было связано с так называемым диссидентством, видя, однако, при этом, что правы протестующие, несогласные, из-за чего власти их давят, преследуют, что... – но открыто встать на защиту инокомыслящих?! Нет, это было выше моих сил».*

Но всё это не прошло мимо него, накапливающаяся годами «протестная энергия» впоследствии стала ведущей линией в творчестве Чингиза Гусейнова.

Листая книгу, я ощущал не вполне объяснимое сродство душ с автором. Оказывается, совершенно другой человек, к тому же намного раньше тебя, прожил, испытал чувства, которые ты не мог никому объяснить на протяжении долгих месяцев и лет, чувства, которые порой оставались неясными даже самому тебе. Людей сблизжают одни и те же чувства, прожитые ими! А время и пространство тут никакого значения не имеют.

Наконец в связанной с Назымом Хикметом главе мемуаров источник этого сродства душ стал мне ясен – ведь я и сам знал, что тоска никогда не покидает чуткого (читай: творческого) человека, живущего за пределами своей родины, даже когда тот смеется или радуется. В книге приведена следующая цитата из Назыма Хикмета:

*Страна моя, страна моя, страна моя,
ты сейчас в седине моих волос,
в инфаркте моего сердца...*

Чингиз Гусейнов же пишет следующее: «Для писателя беда, когда не видишь читателя, не слышишь родной речи, оторван от друзей, близких, лишён духовного общения, задышаешься».

Не переживший на собственном опыте всего этого не поймет всей глубины трагедии!

Но еще более ужасная боль начинается, когда ты видишь, что читатели, близкие и друзья не ощущают глубины страданий, причиненных разлукой с ними – не понимают, что ты сейчас нуждаешься в них в сотни раз больше, чем прежде, на родине... Бывает, получаешь порой удовольствие от такого вот состояния, но это дело другое, другая тема!

Творческому человеку близки не те, кого он считает родными, но те, кто читают его тексты и книги, понимают, ощущают его переживания... и говорят, пишут ему об этом. На чужбине человек порой испытывает одиночество вроде запасного пути с заржавевшими рельсами рядом с полноценной железной дорогой, запасного пути, по которому больше не ездят поезда. Рядом с домом, где я жил, проезжали поезда, там пролегали и рельсы, по которым поезда больше не ездили. Где-то бурлит кипучая жизнь, ты жил там прежде, но тебя там больше нет!

В концовке тома приводится именной указатель – 1449 человек. Но там есть еще один – 1450-ый – чье имя не упомянуто. Этим тайным человеком является читатель, разделивший с автором во всех главах книги его мысли и чувства! Это я...

***

Мне бы очень хотелось, чтобы «Минувшее – навстречу» издали на азербайджанском языке и его прочел каждый, в особенности взявшиеся за перо молодые авторы, общественные активисты, политики, историки, исследователи.

Еще и потому, что это – дастан о любви к родине писателя, которому выпала чужбина, где он прожил 70 лет своей жизни, о любви, не покидавшей его ни на минуту...

ПАЗЛ-МОЗАИКА СЛОМАННЫХ СУДЕБ

О Светлане Алексиевич и ее книге «Время секунд хэнд»

Начну с того, что я – не из числа тех, кто обвиняет членов Шведской Королевской Академии в преследовании неких «темных» целей. Они хорошо знают, кому выдавать Нобелевскую премию. Я в свою очередь знаю, что премия, в соответствии с волей ее учредителя, дается литераторам, завоевавшим успех с учетом политико-идеологических мотивов.

Я ждал награждения Светланы Алексиевич «нобелевкой» еще два года назад, когда ее имя входило в список кандидатов.

Будучи знакомым с ее биографией, темой ее книг, я ощущал некую близость к ее личности – имена других кандидатов ничего мне не говорили. То, что некогда мы являлись гражданами одной страны, схожесть судеб, несмотря на то, что впоследствии мы стали жить в разных странах – всё это, на мой взгляд, составляло основу этой близости.

Премия дана ей за пятитомную художественно-документальную хронику «Голос утопии», которую она писала на протяжении десятилетий. За то, что она воплотила масштабное историческое повествование из небольших рассказов «маленьких людей», повествующих о собственной судьбе.

Ее выступление на церемонии награждения, слова, сказанные на круглом столе, организованном Шведским каналом SVT-2 при участии других нобелиатов, тронули меня до глубины души, как и каждого, кто ее слушал. Казалось, она говорит именно обо мне: о том, что мне пришлось услышать и увидеть, о моих воспоминаниях и мыслях, о моей судьбе.

На круглом столе Светлана Алексиевич провела замечательные параллели между писателем и журналистом, художественным произведением и публицистикой. Награждение ее

«нобелевкой» было встречено неоднозначно – нашлись люди, назвавшие ее тексты «публицистикой» (Во время присуждения последней нашей Национальной Книжной Премии против автора этих строк тоже выдвигали подобные претензии за книгу «Чамайра. Кубинская тетрадь»). На все эти обвинения она ответила коротко и ясно:

«Да, у меня форма добычи материала «как бы журналистская». Я выхватываю, очищаю. Когда у Родена спросили, как у него получаются такие скульптуры, он сказал: я беру кусок мрамора и отсекаю все лишнее. Вот я делаю то же самое. Так можно сказать, что и Роден каменотес».

На следующее после передачи утро я отправился в городскую библиотеку Карлскроны – города, в котором проживаю – и попросил русскоязычное издание книги Светланы Алексиевич. «Нет в наличии, но если хотите, можем заказать, это займет 3-4 недели», – сказали сотрудники библиотеки. И я попросил их об этой услуге. Азербайджанскому читателю может показаться странным, но в Швеции дела обстоят именно так – библиотека по желанию читателя может заказывать и покупать иностранные книги и включать их в свой фонд.

Месяц спустя на мой мобильный пришло сообщение: «Можете забрать книгу». Что я и сделал. «Время секунд хэнд» – только-только, дней 10, как издано в Москве.

Я дочитал книгу в снежный уикэнд. В ней повествовалось устами самих героев о незнакомой мне теневой стороне нашей бывшей родины СССР, характерах граждан и их «сожалении об обретенной свободе» после распада империи.

...Интересной для нас книгу делает и то, что в пространственно-временных параллелях событий проглядывает прошлое и сегодняшний день Азербайджана.

«Человек себя не знает, познал бы – испугался»

С первых же страниц книги читатель ощущает атмосферу «Шутки» Милана Кундеры. Схожесть проявляется в судьбе жителей одного и того же политико-идеологического пространства. А различие заключается в том, что герои Кундеры – обобщенные образы, Алексиевич же в своем произведении дала слово живым свидетелям. Не буду отклоняться от темы, скажу лишь, что «Шутка», как и другие произведения Кундеры, – совершенный роман об уродливой роли, которую играют тоталитарные режимы в судьбах и духовности людей. Главный виновник горькой судьбы несчастных героев – социалистический режим! А во «Времени секунд хэнд» – сотни таких героев, как в «Шутке». И эти сотни героев Алексиевич горят также за миллионы людей, павших жертвами социализма.

...При чтении кажется, что держишь в руках не книгу, а зеркало, не читаешь, а глядишься в зеркало, показывающее тебе твой же лик, связанных с тобой людей – от родного деда до родного ребенка. Зеркало, отражающее советскую и постсоветскую страну, где тебе выпало жить, людей, окружавших тебя в той стране.

Книга состоит из повествований о судьбах и жизнях людей, с самого возникновения и до распада СССР, рассказанных устами самих этих людей. Автор появляется лишь эпизодически – тогда, когда требуются пояснения, дополнительные примечания. Автор не вступает в диалог со своими героями, не вмешивается, а просто создает условия для их монологов. А монологи вовсе не заурядны, это – признания-исповеди. У одного – признания в своих прегрешениях, исповедь палача, у другого – показания свидетеля-жертвы, взволнованного появившейся, наконец, возможностью раскрыть и показать собственное, пустившее глубокие корни горе длиною в целую жизнь.

Мастерство писателя заключается в том, что ему удается подвести героев к моменту исповеди, убедить их, создать духовный контакт, включить в свою ауру, чтобы те смогли морально облегчиться. *«Только советский человек может понять советского человека. Другому бы я рассказывать не стал...»*, – эти слова произносит не рядовой человек, а высокопоставленный кремлевский чиновник.

Талант Светланы Алексиевич также в том, что она собирает, как фрагменты пазла, во-едино эти портреты и сцены и создает полноценный образ советского человека!

«Обычная коммуналка... Живут вместе пять семей – двадцать семь человек. Одна кухня и один сортир. Две соседки дружат: у одной – девочке пять лет, а вторая – одинокая. В коммуналках, обычное дело, следили друг за другом. Подслушивали. Те, у кого комната десять метров, завидовали тем, у кого она двадцать пять метров. Жизнь... она такая... И вот ночью приезжает «черный ворон»... Женщину, у которой маленькая девочка, арестовывают. Перед тем, как ее увели, она успела крикнуть подруге: «Если не вернусь, возьми мою дочку к себе. Не отдавай в детдом». И та забрала ребенка. Переписали ей вторую комнату... Девочка стала звать ее мамой... «мамой Аней»... Прошло семнадцать лет...

Через семнадцать лет вернулась настоящая мама. Она целовала руки и ноги своей подруге. Сказки обычно кончаются на этом месте, а в жизни была другая концовка. Без хеппи-энда. При Горбачеве, когда открыли архивы, у бывшей лагерницы спросили: «Вы хотите посмотреть свое дело?» – «Хочу». Взяла она свою папку... открыла... Сверху лежал донос... знакомый почерк... Соседка... «мама Аня»... написала донос...

Вы что-нибудь понимаете? Я – нет. И та женщина – она тоже не смогла понять. Пришла домой и повесилась. Я – атеистка. У меня к Богу много вопросов... Я помню... Я вспоминаю папины слова: «Лагерь пережить можно, а людей нет».

Книга полна подобных сцен горестных судеб.

«Бог не знает, что такое быть маленьким человеком»

Homo soveticus – не однополое существо, а подразделяется на два типа: «палачи» и «жертвы». Книга Алексиевич отличается от других советологических исследований тем, что в ней, наряду с «жертвами», искренние признания делают и «палачи».

Добавлю и то, что под «палачами» я подразумеваю не только обладающих внушительным стажем пыточных дел мастеров НКВД, КГБ, милицейских органов. В этот ряд я включаю и новый класс, о котором не заводят речь в книгах по советской истории – «класс номенклатуры». Истинная сущность этого нового класса, созданного советской политической системой из числа рабочих и крестьян, максимально подробно разбирается в книге М.С.Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза». В середине 90-х годов, во время одной из зарубежных поездок, мой американский друг Ирена Ласота подарила мне экземпляр этой книги, изданной на русском языке в Лондоне. Я прочел ее на одном дыхании по пути в Баку.

С первых же дней большевистская революция создает внутри партии прослойку людей с особыми привилегиями. Эта прослойка, в течение последующих процессов укрепившая свою позицию и наконец превратившаяся в господствующий класс, обособляет себя от народа. Новый класс, с внутренней цепной взаимосвязью от самых отдаленных деревень и до самого Кремля, выстраивает внутри себя специфическую социальную «лестницу», чиновничью иерархию. Данный номенклатурный класс порой называли «партократией», «политической бюрократией».

В первой главе книги Алексиевич, названной «Утешение апокалипсиса», признания советского человека второго типа – «жертвы» – со всей тонкостью обрисовывают истинное лицо социалистической системы. Перед читателем оживают простые люди, приподнявшиеся на цыпочки и устремившие взгляд в будущее – коммунизм – обещающий счастливую жизнь. Но жизнь подходит к концу, а то самое счастливое будущее никак не наступает.

«Росли нищими и наивными, но об этом не догадывались и никому не завидовали... Верили, что завтра будет лучше, чем сегодня, а послезавтра лучше, чем вчера. У нас было будущее. И прошлое. Все у нас было!»

Единственным утешением переставших надеяться на коммунизм оставался Апокалипсис. В день Страшного Суда воцарится Божественная Справедливость! Бессильной

жертве, нигде не находящей защиты, остается надеяться лишь на Бога и Его гнев против палачей. А как быть, если для Бога палач тоже является жертвой?!

«Ты думаешь, что Бог есть?» – «Если Он есть, то смерть – это еще не конец. Я не хочу, чтобы Он был», – говорит один из миллионов, ощущающих себя в лагерных бараках всего лишь пылинкой. Самая страшная страница истории – та, где справедливость остается круглой сиротой!

...Автор раскрывает в книге человеческий характер порой одной фразой, одним абзацем, а порой – целой главкой. Читателю кажется, что каждый из фрагментов пазла – это человеческий лик и судьба.

16-летняя Роза была еврейкой. Командиры партизанского отряда каждую ночь по очереди ее насиловали. Фашистская пропаганда воздействовала и на коммунистов. С евреем и еврейкой можно было делать всё, что угодно... Когда прознали, что Роза забеременела, ее отвели в лес и расстреляли.

87-летний Василий Петрович стал членом партии еще в 1922-м году. Рассказывает, что когда он, невзирая на слезы пожилых женщин, взрывал церковь, чтобы построить на ее месте общественный туалет, вынуждал священников чистить тот самый туалет, то считал всё это верностью идее коммунизма. *«Вместо икон — портреты Ленина и Маркса».* В 37-м году сначала арестовали жену, потом его самого. Пытали, не переставая, в течение года. Когда арестовывали прежних мучителей, их заменяли новоприбывшие.

Вот воспоминания старого коммуниста, относящиеся к его юному возрасту: *«Мне было пятнадцать лет. Приехали к нам в деревню красноармейцы. На конях. Пьяные. Продотряд. Спали они до вечера, а вечером собрали всех комсомольцев. Выступил командир: «Красная армия голодает. Ленин голодает. А кулаки прячут хлеб. Жгут». Я знал, что мамкин родной брат... дядька Семен... завез в лес мешки с зерном и закопал. Я – комсомолец. Клятву давал. Ночью я пришел в отряд и повел их к тому месту. Нагрузили они целый воз. Командир руку мне пожал: «Расти, брат, скорей». Утром я проснулся от мамкиного крика: «Семенова хата горит!». Дядьку Семена нашли в лесу... порубили его красноармейцы шашками на куски...». Впоследствии, в 37-м году, его самого арестовали, как врага народа.*

«В лагере до трех лет я жила вместе с мамой. Мама вспоминала, что маленькие дети часто умирали. Зимой умерших складывали в большие бочки, и там они лежали до весны. Их обгрызали крысы. Весной хоронили... хоронили то, что оставалось... С трех лет детей у матерей забирали и помещали в детский барак».

Ужасная исповедь палача НКВД: *«...Работа такая... С чем сравнить? Сравнить можно с войной. Но на войне я отдыхал. Расстреливаешь немца – он кричит по-немецки. А эти... эти кричали по-русски... Вроде свои... В литовцев и поляков было легче стрелять. А эти – на русском: «Истуканы! Идиоты! Кончайте скорее!» Ё..! Мы все в крови... вытирали ладони о собственные волосы... Иногда нам выдавали кожаные фартуки... Работа была такая. Служба. Молодой ты... Перестройка! Перестройка! Верись болтунам... Пусть покричат: свобода! свобода! Побегают по площадям... Топор лежит... топор хозяина переживет... Запомнил! Ё..! Я – солдат! Мне сказали – я пошел. Стрелял. Тебе скажут – ты пойдешь. Пой-де-о-шь! Я убивал врагов. Вредителей! Был документ: приговорен «к высшей мере социальной защиты»... Государственный приговор... Работа – не дай бог! Недобитый, он упадет и визжит, как свинья... харкает кровью... Особенно неприятно стрелять в смеющегося человека. Он или сошел с ума, или тебя презирает. Рев и мат стояли с обеих сторон. Есть перед такой работой нельзя... Я не мог... Все время хочется пить. Воды! Воды! Как после перепоя... Ё..! К концу смены нам приносили два ведра: ведро водки и ведро одеколона. Водку приносили после работы, а не перед работой. Читал где-нибудь? То-то... Пишут сейчас всякое... много сочиняют... Одеколоном мылись до пояса. Запах крови едкий, особенный запах... на запах спермы немного похожий... У меня была овчарка, так после работы она ко мне не подходила. Ё..! Что молчишь? Зеленый еще... необстрелянный...».*

«Топор хозяина переживет...»

Всем режимам рано или поздно наступает конец. Одни, будто пытаясь провести смерть, меняют обличье и еще немного остаются в живых, другие – умирают мгновенно. Вторая часть книги под названием «Обаяние пустоты» охватывает период от полных хаоса, голода, страха, неверия, сожаления 90-х годов и до наших дней. Рассказывают советские люди постсоветского периода.

...Написано немало философско-социологических трактатов, анализирующих характер, сущность, мировоззрение Homo soveticus. Понять, прочувствовать этот новый человеческий тип, созданный коммунистами, не так-то просто, в особенности для западных исследователей. Когда я работал в Центре Плюрализма «Инам», посольство США доверило нам перевод и издание книги «Либерализация и ленинское наследие» (Beverly Crawford and Arend Lijphart, Liberalization and Leninist Legacies: Comparative Perspectives on Democratic Transitions). Книгу на азербайджанский перевел покойный Тегхрэн Велиев, а редактором оказался я сам. Это была интересная книга, анализирующая созданного коммунистической системой человека и наследие, носителем которого тот являлся.

Книга Светланы Алексиевич совершенно иная. Она не написана научным исследователем либо группой социологов. Эту книгу написали сами люди, жившие в эпоху коммунизма, их дети, являющиеся носителями «ленинского наследия».

Жить в горести и страданиях – человеческая трагедия, но гораздо страшнее узреть, что идеи, которые ты считал общечеловеческими и потому посвятил им свою жизнь, в итоге напоминают зловонную водную пену, скопившуюся в резервуаре – узреть и сойти с ума.

В точности, как советский маршал Сергей Ахромеев. Когда в августе 1991-го года ГКЧП явило всю ничтожность идеи, сотрясавшей мир, Ахромеев повесился в Кремле. Оказывается, идея, ради которой миллионы добровольно жертвовали жизнью, была всего-навсего иллюзией, а жизни, переполненные страданием, бессмысленными. Оказывается, у истины есть еще и такой ужасный лик! Один из близко знавших Ахромеева людей отрицает версию убийства, говорит: «...почему он ушел? Его страна ушла, и он ушел вместе с ней, он больше себя здесь не видел».

Уход маршала армии численностью в четыре миллиона сопровождался гробовой тишиной, на родине не нашлось ни одного человека, который откликнулся бы некрологом на его смерть. «Правда» молчала! Вот что говорит кремлевский чиновник:

«Понятие чести? Не задавайте наивных вопросов... Нормальные люди выходят из моды... Статья-некролог появилась в американском журнале «Тайм». Написал ее адмирал Уильям Кроув, занимавший во времена Рейгана пост председателя Комитета начальников штабов США (соответствует нашему начальнику Генштаба). Они много раз встречались на переговорах по военным вопросам. И он уважал Ахромеева за его веру, хотя она ему была чужая. Враг поклонился...».

Неделю спустя мародеры раскопали его могилу и сняли с тела тяжелый от золоченых орденов и медалей маршалский мундир. А в это время новый министр насильно выдворял из квартиры жену бывшего министра – чтобы завладеть жилым помещением!

Я говорю о двух типах советских людей. Да и сама советская ментальность была двух типов: ментальность «большевика-палача-номенклатурщика» и ментальность простого советского гражданина, искренне желающего «мира во всем мире». Это не две стороны одной медали, это сыновья-близнецы, рожденные одной матерью – священник и преступник...

«Социализм кончился. А мы остались».

Семидесятилетняя история советской эпохи – это история переселения людей из роскошных домов в бараки, из барачков в коммуналки, а оттуда в «хрущевки». Единственным свободным уголком во всем Союзе были крохотные кухоньки «хрущевок».

«В девятнадцатом веке вся русская культура жила в дворянских усадьбах, а в двадцатом – на кухнях. И перестройка тоже. Вся «шестидесятилетняя» жизнь – это «кухонная»

жизнь. Спасибо Хрущеву! Это при нем вышли из коммуналок, завели личные кухни, где можно было ругать власть, а главное – не бояться, потому что на кухне все свои. Там рождались идеи, прожекты фантастические. Травили анекдоты...».

Масштаб переселения после краха Союза тоже оказался огромным. Если один путь вел из «союзных республик» в московские подвалы – к рабской жизни, то другой – в Европу, Америку – в поисках «счастливых грез».

В 90-х годах на фоне неосуществленных надежд после горячки обретения свободы начинается иная трагедия людей. *«Мое время кончилось раньше моей жизни. Надо умирать вместе со своим временем. Как мои товарищи...»*. Слова советских интеллектуалов, заживших жизнью отверженных, напоминают написанное в те же годы стихотворение Фамила Мехди «Попрошайничай, профессор, не стесняйся, попрошайничай!»:

*Где те красные дипломы, где?
К чему держать их дома?!
Порви их на мелкие кусочки, выбрось, растопчи.
Сожги свои книги и рукописи тоже.
Кому теперь ты нужен, кому они нужны?*

Алексиевич тоже пишет в своей книге:

«Но они не востребованы. Социальные лифты не работают. А что значат десять-пятнадцать лет для интеллектуального человека, когда он бездействует, не востребован, парализован в своей главной специальности... Приехав через десять лет в Минск, я была поражена тем, сколько друзей умерло. Они умерли оттого, что у них украли время. Законсервировали в прошлом. Сначала украли вообще Время, а потом и их личное время».

Разве не знакомая картина? Столько наших интеллектуалов, обладающих чистой совестью мыслителей, «осело» в «социальных подвалах» общества, преждевременно умерло. *«Согласно теории Дарвина выживают не сильные, а наиболее приспособленные к среде обитания»*. Те, кому не удалось приспособиться, не остались в живых, пройдя сквозь тиски Нового Времени.

Истинный лик Истории – это не то, что пишут историки, а то, что рассказывают ее живые свидетели. В книге присутствуют признания и стенания сотен других жертв идей коммунизма. Я решил отобрать некоторые цитаты и включить их в текст.

Большинство рассказчиков в книге русские, но их слова можно легко отнести к гражданам большинства бывших советских стран.

... *«Поверили, что вот сейчас... уже стоят на улице автобусы, которые повезут нас в демократию»*.

... *«Дело не в Ельцине и не в Путине, а в том, что мы – рабы. Рабская душонка! Рабская кровь! Посмотришь на «нового русского»... Он из «бентли» вылезает, у него деньги из карманов сыплются, а он раб»*.

... *«за пять лет в России может поменяться все, а за двести – ничего. Просторы необъятные, и при этом психология рабов...»*.

... *«За нефть и газ демократию не купишь, и ее не завезешь, как бананы или швейцарский шоколад. Президентским указом не объявишь... Нужны свободные люди, а их не было. Их и сейчас нет»*.

... *«Общество боится правды о себе»*.

... *«Нет зверя хуже человека. Это человек человека убивает, а не пуля. Человек человека...»*.

... *«Я слишком долго жила при социализме. Сегодня жить стало лучше, но противнее»*.

... *«Русские романы не учат, как добиться успеха в жизни. Как стать богатым... Обломов лежит на диване, а герои Чехова все время пьют чай и жалуются на жизнь...»*.

... *«Где-то же хранятся все наши слезы...»*.

... «Волосы сходят с ума первыми...».

... «Если бы кто-нибудь нам сказал тогда, что президентом страны станет подполковник КГБ...»

... «Настолько мы были все зомбированные. Я советского человека выдавливала из себя годами, ведрами вычерпывала», – говорит одна из героинь книги, добившаяся успеха в годы независимости. Много ли таких? Верно ли она говорит? Так ли легко стереть память, освободиться от привычек?

... «Совка»: злой, как собака, а молчит, как рыба», – говорит герой Алексиевич. Немного ли изменился этот человек? Взглянем-ка на окружающих, да хоть на свое лицо в зеркале. Может, постсоветский человек – это тот же самый человек советский? Вместе со своими «палачами» и «жертвами»...

Смогли ли мы за двадцать пять лет освободиться от «ленинского наследия»?

***

Премия, к тому же Нобелевская премия, вне сомнений, мерило писательского успеха. Но для меня главный критерий – талант и смелость писать правду без всяких украшательств. Книга Светланы Алексиевич показалась и оказалась для меня родной еще и по этой причине.

От редакции:

нам показалось интересным привести в заключение и несколько отзывов из интернета на книгу Светланы Алексиевич «Время секонд-хэнд».

Никакой ненависти и желчи в книге нет. Где вы вообще ненависть-то увидели? Это разные истории разных людей, чья жизнь круто изменилась после СССР. Конечно, больше всего историй трагических – о том, как рушатся семьи, идеалы, вера, счастье. Готов поспорить, что у каждого в семье была хоть одна похожая. И автору огромное спасибо за то, что собрала все эти истории воедино. Лично я увидел в книге боль и сожаление об ушедшем времени, о том, что в 1991-м всех нас обманули и бросили в совершенно другую реальность. Но никак не ненависть и не презрение.

***

Нобелевскую премию по литературе дают, вроде бы, самому-самому писателю? Грубо говоря – лучшему в мире на данном этапе. В связи с чем интересуюсь: это что же за вкусы у Нобелевского комитета? Хотя да, «на вкус и цвет товарищей нет», известное дело. С другой стороны – комитет по Ленинским премиям (или премия Ленинского комсомола?), по всем признакам, разделяет вкусы Нобелевского комитета. Во всяком случае, нынешний Нобелевский лауреат Светлана Алексиевич в давние советские времена, так не любимые ею, получила премию за очерк о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском, человеке с золотым сердцем и вообще благодетеле беспризорников. А книжка просто скучная. Чернушная, да. Но главное – скучная, бездарная, фальшивая.

***

В книге много полезных фактов – о вреде идолопоклонства (прямо прямое подтверждение слов Библии). Интересно проследить как рушится идол-государство, и что происходит с теми, кто на него надеялся. Но! Настолько все... , так уже специально нагнетается чернуха, в таких выписаны подробности пытки, самоубийства, издевательства. Это какая-то манипуляция чувствами читателя и, вообще, разрушающе действует на мою психику. И не это даже самое главное. Чувство тоски и безнадеги нагнетается. Зачем копаться в грязи? Читал после нее другого человека. Он в блокаду сам помогал другим. И после его описаний светлое впечатление остается, а не «свет не мил».

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

* * *

Сергею Есенину

Ваши стихи перечитав раз двести,
К вам обращусь, нарушив пиетет,
Чтобы сказать без всякой пошлой лести,
Что вы и вправду – стоящий поэт!

Вы обессмертили Рязань и женщин,
Которых привечали невзначай,
Простор полей, берез весенних свечи...
Жаль, голос ваш так рано отзвучал.

Эх, вам еще б пожить – ну что такое тридцать? –
Вы столько бы сумели написать!
Кого из нас порой не тянет удавиться?
Но ведь пройдет она – шальная полоса.

На жизненном пути всегда полно ухабов.
Но надо жить, так надо – хоть умри!
Жить, розу белую венчая с черной жабой,
Назло всем бедам, черт их побери!

А впрочем, что ж, мы сами выбираем.
Вы – выбрали, и правы, может быть:
Одни еще при жизни умирают,
Другие, умерев, все ж продолжают жить.

* * *

N.N.

Он жил – никто не видел,
Не спрашивал, не слышал,
Не приходил, не ведал,
Что кто-то рядом дышит...
Ушел – засуетились,
Столы по нем накрыли,
Цветов ему купили
И что-то говорили,
Хвалили, мол – любили,
Да жизнь такая стала –
Мол, времени все мало...

* * *

М.В.

Оглянулась – и сердце сжалось:
Пустота и холод в груди,
Позади так много осталось,
Ну, а что там еще впереди?

Лишь мечты о былых потерях –
Разве стоит о новых мечтать? –
Лишь тоска без конца и без меры,
Что прокралась в душу, как тать.

На причал, где веселый ветер,
Провожать лишь хожу корабли.
Туча серая дождиком метит
Погрустневшие плечи мои.

Не зовет суета мирская,
Стих во мне потаенный бес.
Только раковина морская
Иногда поет о тебе.

* * *

Миром злато движет,
Души нам губя.
Мы не любим ближних,
Значит, и – себя.

Мы не ждем смиренно,
Что подаст Господь,
И самозабвенно
Ублажаем плоть.

Все крушим и рушим.
Лишь в конце пути
Сгубленную душу
Силимся спасти.

Позднее прозренья –
Господи прости! –
Словно озаренье,
Душу посетит.

Жалко распластаемся
Перед ликом грозным –
Ах, как горько каемся,
Ах, как жаль, что поздно!..

* * *

На могиле, заросшей левкоем, –
Скромный крест и печальный портрет.
Здесь лежит в тишине и покое
Тот, кого на земле больше нет.

Над могилою ива тужит –
Ей бы лучше расти у пруда...
И куда улетают души –
Неужели же, в никуда?

В чем же смысл? Мы стремимся слепо
Просто жить, пока хватает сил.
До чего же устроен нелепо
Нам судьбою дарованный мир...

* * *

Ни в чем не ищу виноватых,
О прошлых печалях скорбя.
Меня ты любил когда-то,
А я не любила тебя.

Но в жизни все переменчиво,
У каждого свой интерес.
Легла между нами трещина,
Пошел разлада процесс.

Голову ревность кружила,
Душу когтя и казня,
И я поняла: я – любила,
А ты – не любил меня.

Я боль свою и обиду
Выплескивала напоказ,
И все до черта обрыдло,
И больше не было нас.

Ты – сам по себе, я – тоже,
В душе наконец-то штиль.
Ты где-то близко и все же
Меж нами тысяча миль.

Но разве узы разрушишь,
Связавшие два бытия?
Меня ты не любишь и – любишь.
А я? Быть может, и я...

* * *

Трудно нам творцу простить –
Мы вздыхаем с укоризной:
Как тонка она – та нить,
Что нас связывает с жизнью!

Сердце бьется невпопад,
Боль то жжет, то отпускает,
И никто из нас не знает,
Где последний наш закат.

И наедине с собой,
Ощувив тупое жженье,
Знаем мы, что в миг любой
Может кончиться движенье.

Может – миг, а может – век,
Может – боль, а может – радость.
Мы своих не знаем вех,
Да, наверно, и не надо.

И о худшем наперед
Вы не думайте! Поверьте:
Человек так и живет –
Между жизнью, между смертью.

* * *

Приручила тебя, приучила
Быть с собой,
А потом от себя отлучила,
Отпустила тебя на покой.
Пусть не будет веселых глумлений,
Бурных ссор
И безбашенных примирений –
С ними полный был перебор.
Весел будь, говорлив, силой меряйся
Сам с собою,
Пусть не будет в душе и в сердце
Перебоев.
Пусть не будет ни царств Аида,
Ни нирван.
Потеряй меня, милый, из виду –
Ты не ждан и не зван.
Что же ты обретенному раю
Так не рад
И, от глупой тоски сгорая,
Рвешься в ад?..

* * *

Когда успех –
Так много всех
Вокруг токует.
Когда ж беда,
Все – кто куда,
Все врассыпную.
И ты – один,
Как вошь средь льдин,
Огромных, белых.
Ты прав иль нет,
Все это бред –
Не в этом дело.
Когда беда,
Грехи тогда
В счет не берутся.
Пусть вы враги,
Все ж помоги
В беде очнуться.
Мы ж с милосердьем
Не в ладу,
И благородство –
Не в ходу,
Добро – не в моде.
Вы где, друзья?
Не вижу я.
Вы были, вроде...

* * *

Не ищите параллелей
В моей жизни и стихах –
Вдруг накатит вдохновенье
И слагаю впопыхах
Новое стихотворенье,
И наощупь, как впотьмах,
Изливаю настроенье.
И куда меня несет,
Кувырка и вращая,
Я порой сама не знаю,
Куда выведет меня
Вдохновения кривая.
Факты вовсе тут не в счет –
Завертело, закружило,
Поимело, отпустило,
Мысли ясны и легки –
Так рождаются стихи.

СЕЙРАН СЕХАВЕТ

Кенгуру

(Разговор с Юсифом Самедоглу на его могиле)

Рассказ

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

- ...
- ...
- Привет, гага!¹
- ...
- Салам алейкум, гага!
- ...
- Юсиф-муаллим, здравствуйте!
- Кто ты?
- Так Сейран я, гага.
- Какой Сейран?
- Сейран Сехавет я, ты что...
- А ты что, не умер?
- Нет, гага...
- По моим расчетам, ты давно должен был умереть...
- Неет... Не умер я... гага ...
- А я смотрю, что-то не видать тебя в этих краях...
- Нет... нет... ну что ты говоришь... нет, не умер я, если б я умер, ты наверняка бы уж знал... Кто у меня есть ближе тебя?!
- Сейран, много у тебя еще там дел?
- А что?
- Так... просто так спросил... испугался?
- Нееет... гага... не так, чтобы слишком...
- Ты, кажется, струхнул немного?
- Совсем чуть-чуть, гага... что мне врать, что...
- Дааа... Сейран...
- Слушаю тебя, гага...
- Часто приходишь сюда?
- Да... часто... В день твоего рождения прихожу, в свой день рождения, когда скучаю по тебе, в день, когда ты бросил нас и ушел...
- Не бросал я вас... Увезли меня... А вы не смогли удержать меня...
- Нет, я часто прихожу сюда...
- Я тебя тут никогда не видел...

¹ Гага́ (азерб.) – обращение к брату, другу; означает больше душевную близость, нежели родственную.

– Да и я тебя тут никогда не видел...

– Знаешь, почему?

– Нет...

– С земли не увидеть того, кто под землей... прав я?

– Прав, гагá...

– А если прав, значит, и из-под земли не увидеть того, кто на земле... не переживай, земля же не стекло... если бы земля была прозрачной, как стекло, давно бы уж раскололась вдребезги. А если смотреть через вдрызг разбитое стекло, то все равно ничего не увидишь – надо чтобы стекло было целое, неразбитое... Сейран...

– Да, гагá ...

– Ты уже носишь очки?

– Да... ношу... две с половиной диоптрии.

– Когда-нибудь очки ломал?

– Нет.

– А ты как-нибудь ради меня разбей свои очки, но так, чтобы стекла не выпали, а просто покрылись мелкими трещинками... потом надень их и посмотри на мир, почитай книги... Тогда поймешь, что у всех двуногих зрачки покрыты лучами-трещинками, как стекла разбитых очков, и поменять их невозможно. И к оптике это не имеет никакого отношения. Смотрят они на мир через эти разбитые зрачки и наслаждаются... И верят, что мир таков, каким они его видят. Это относится ко всем двуногим...

– Прямо ко всем, гагá?

– Абсолютно!

– Даже к кенгуру?

– Нет!

– Почему это?!

– Потому что кенгуру больше подвержен четвероногости, нежели двуногости

– когда-нибудь он обязательно станет четвероногим!

– Гагá, клянусь Богом, ты гений!

– Что?

– Говорю, ты – гений!

– Не мели чепуху! Сам такой! Тоже мне, гений выискался! И больше не приходи сюда!!!

– Прости, гагá, вырвалось невзначай.

– Да простит тебя кенгуру! Гений... вот еще... Если бы я был гением, разве бы я умер... а?!

– ...

– А вообще ты что-нибудь знаешь о кенгуру?

– Знаю...

– И что знаешь?

– Ну, не очень много...

– Сейран, человека, который не видел кенгуру, я за человека не считаю, ты кенгуру видел?

– Да, видел... в кино и еще...

– И где еще?

– Возле Сальян... Ехал на машине в Лянкяран... да... целую стаю видел.

– Поклянись кенгуру...

– Клянусь кенгуру...

– Да развеселит тебя Бог, Сейран... С тех пор, как умер, ни разу столько не смеялся... Аж песок посыпался с глаз... ну, ты даешь...

– А что ты смеешься, что, не веришь мне?

– Верю, верю, сальянские кенгуру... надо же... и наверняка все вытянулись в струнку и летели, как стрелы, так, родной мой?

– Юсиф-муаллим, если ты мне не веришь, то, может, мне уйти?

– Какой ты серьезный! Неет... верю, не уходи... Куда тебе спешить... какие у тебя дела?.. Что, в Баку ветром орехов нанесло? Хотя в Баку всегда дуют ветры... При таком ветре разве орехи удержатся на дереве?! Должны посыпаться... Все уж посыпались еще тысячу лет назад, причем зеленые, незрелые... Слушай, а ты в Баку видел хотя бы одно ореховое дерево?

– Почему не видел?

– И где?

– В Ичери Шехер... там же лес, верхушка «Девичьей башни» едва видна.

– Поклянись кенгуру.

– Клянусь кенгуру... и еще в метро, куда ветер заглянуть не может – на станциях Qara Qarayev, Əhmədli, Xalqlar dostluğu... А на месте, где сейчас стоит станция метро Baksovet, был ореховый лес, потом срубили все и построили станцию...

– Извини, Сейран, после смерти совсем памяти не стало, и тебя узнал с трудом, только по голосу. Ты прав, там был лес, до сих пор жужжание стрекоз стоит в ушах. Да... Ну, теперь я спокоен, а то переживал за тебя...

– Почему?

– Как почему? Раньше ты не врал... А теперь, слава Господу, соловьем заливаешься... Вот и ты ступил на путь несправедный... Так что я спокоен за тебя. Правда, припозднился немного, но ничего, хотя бы сейчас поживешь спокойно. Что такое семьдесят лет?.. Вся жизнь впереди...

– Что-то я не расслышал, гагá...

– Что, и твои уши забиты землей?

– Слушай, ты и там все фотографируешь?

– Да...

– А чем фотографируешь, у тебя что, аппарат есть?

– Неет... Фотоаппарат остался в Баку. Здесь такая техника не работает... я глазами фотографирую.

– Глазами?

– Да... глазами. Снимает лучше «Nikon»а. Кроме барана, можно снимать глазами всех живых существ – даже глазами ласточки – весенние пейзажи, шедевры...

– Значит, глаза всех живых существ обладают такой способностью?

– Да... Просто сами они этого не осознают. А когда покидают мир, забирают все фотографии с собой, показывают здесь их друг другу, мол, смотрите, в каких красивых местах я побывал, каких людей видел. А на обороте пишут «вспоминай и смотри, а не смотри и вспоминай».

– Впервые слышу такое.

– Почему это ты слышишь впервые? Головой подумай, что ты зря ее семьдесят лет на плечах носишь? Ничего сложного тут нет. Я, когда в Баку был, как фотографировал? Ты стоял передо мной, я прикладывал фотоаппарат к одному глазу, второй закрывал и фотографировал. Ты думал, что я снимаю фотоаппаратом, а на самом

деле я фотографировал глазом.

– И то верно... Надо же, а ведь мне и в голову не приходило... Гагá, клянусь Богом...

– Ладно, ладно, не начинай опять!!!

– Нет, я хотел другое сказать... гагá.

– И что?

– Гагá, клянусь, ты просто... кошмарик настоящий...

– Что?!

– Говорю, что ты кошмарик!

– Опять мелешь ерунду! Сам такой! Кошмарик – ты! Больше сюда...

– Извини, гагá, вырвалось случайно...

– Да простит тебя кенгуру! Кошмарик... Вот еще... Если бы я был кошмариком, разве я бы родился... а?!

– ...

– Самые редкие фотографии делают волчьи глаза. Когда я только сюда прибыл, здесь открылась фотовыставка одного Матерого Волка, огромная, ни конца, ни края. Весь мир съехался на ту выставку. Выставка должна была проходить один день, затем ее продлили на три дня, затем – на семь дней, а потом – на сорок. В конце концов пришли к решению: в связи с большой популярностью и массовым интересом продлить выставку на сорок лет. И сделали это. Выставочный зал был настолько заполнен, что если бы сверху, с неба, рассыпали сто мешков с долларами, ни одна банкнота не упала бы на пол...

– В воздухе бы ловили?

– Да нет же, человек! Нет! Нет! Нет!

– ...

– ...

– Прости, гагá, случайно вырвалось.

– Случайно вырвалось!.. Доллар тебя простит! Не можешь во рту горсть земли удержать?!

– Ты хотел сказать – язык?

– Да! Да! Да!.. Хорошо, давно я живых людей не мучил – гляди, уж сколько лет я здесь. Знаешь, мучить покойников не по кайфу – не понимаешь, обиделись они или нет.

– Ладно, гагá, ты про выставку расскажи... Как бы и мне хотелось увидеть ту выставку.

– Не торопись... Придет время – увидишь... Очень интересно. С тех пор, как открылась эта выставка, я впервые вернулся в свою могилу, чтобы отдохнуть немного. Мы с тобой случайно... Если бы ты пришел чуть позже... Я оставался в пятизвездочной могиле, где отдыхали устроители этой выставки, скоро мне надо уходить.

– А кого ты там видел?

– Спроси, кого я там не видел? Большую часть стариков я не узнал. А среди молодых Гитлер, Сталин, Черчилль, Рузвельт... Они еще не ушли, все здесь. С такой жадностью все рассматривают, будто это их выставка. Произошел один интересный случай... Хочешь, расскажу...

– Я тебя не задерживаю, гагá?

– У меня времени много, приспособился к здешнему времени, вернее, принудили меня приспособиться... Так вот... В день открытия выставки Гитлер, желая вы-

ставить себя гуманистом, взялся катить кресло-коляску, в котором сидел Рузвельт, они вместе осматривали выставку. А Сталин и Черчилль в противоположном конце зала, не торопясь, прохаживались вместе, любовались фотографиями. Я медленно шел за ними, наблюдая за каждым их жестом, как-никак, мы оба с Кавказа... Вдруг Сталин остановился и сказал Черчиллю:

– Господин Черчилль, в заднем кармане моих брюк что-то шевелится, по-смотри, что это?

Черчилль прошелся рукой в перчатке по заднему карману Сталина:

– Господин генералиссимус, тут что-то шевелится.

– Посмотрите, что это, господин Черчилль, – сказал Сталин, дымя трубкой.

Черчилль засунул руку в задний карман Сталина, вытащил оттуда маленького, размером с головастика, ребенка и по-английски брезгливо, бросив его к ногам Сталина, спросил:

– Кто это?

– Михаил Сергеевич Горбачев – сукин сын, – спокойно, не теряя самообладания, ответил Сталин.

Тут я не смог сдержаться. Подошел, представился. Сказал, что я сын Самеда Вургуна, он узнал меня, улыбнулся. Я сказал: «Товарищ Сталин, ведь вы не можете знать Горбачева... Он намного позже вас...» Он сделал затяжку и ответил: «Я этого сукиного сына во сне видел, а все мои сны – вещи». Вот так...

– Гагá, а что потом стало с этим головастиком?

– Ничего... Шарль де Голль все смотрел на него, весь слюной истёк. Французы же любят лягушек.

– Гагá, а сам Волк тоже был там?

– Да... разве можно без автора?! Но в глаза ему никто не смотрел... не смели...

– Почему это?

– Каждый, кто смотрел на него, линял... Смотреть могли ихтиозавры, динозавры, а из молодых – только слон.

– И ты не мог смотреть?

– Только раз задел взглядом, глаза так гореть стали, будто на сварку смотрел, чуть очи свои не спалил.

– Гагá, тебе надо было сфотографировать Сталина.

– Хотел сфотографировать, да Леван не дал.

– Леван Адьян?

– Нееет... Лаврентий Павлович Берия.

– И он там был?

– Вся компания была там, и Микоян тоже...

– А что Берия сказал, почему не разрешил сфотографировать?

– Сказал: «Убирайся отсюда». А я сказал, что не уберусь, у меня персональное приглашение на эту выставку. А он в ответ: «Может, после выставки дать тебе персональное приглашение в Сибирь?» После этих слов я чуть не обоссался... убрался во-свосяси...

– Гагá, неужели и в ваших краях Сибирь есть?

– А где нет Сибири?.. Сталин спросил меня, стоит ли еще баиловская тюрьма, я сказал, что сейчас построили еще лучше, одно загляденье, он улыбнулся в усы.

– Гагá, а кто-нибудь выступал на той выставке?

– Конечно... Выступления растянулись на целых полтора года: Гитлер, Муссо-

лини, Рузвельт, Шарль де Голль, Чайканши, Мао... все...

– А Сталин, что, не выступал?

– Неет. Когда ему дали слово, он сказал, что вышлет свои соображения в письменном виде.

– Гагá, а о чем они говорили в своих выступлениях?

– Да все подряд хвалили Волка, говорили, что он великий художник. Гитлер сказал, что после осмотра выставки он пришел к выводу, что великий художник на самом деле не Волк, а Человек в волчьей шкуре... Гитлеру хлопали больше всех. Потом он обнял Волка и шесть раз поцеловал его в морду. Волк, кажется, скорчил недовольную гримасу, он с брезгливостью относится к Гитлеру, во всяком случае, я понял именно так. Гитлер тоже это почувствовал, но виду не подал. В этой ситуации Гитлер был похож на верблюда, наверняка когда-нибудь он отплатит Волку, отомстит ... мне так показалось. Потом на трибуну вышел Борман и вручил Волку подарок от Гитлера и Муссолини.

– И что за подарок, гагá?

– Большая картина, нарисованная Гитлером углем. На картине была изображена огромная человеческая голова, внутри которой Волчица, лежа на боку, кормила своих волчат и с аппетитом лизала человеческий мозг. Произведение было столь искусно, что, если смотреть на картину внимательно, то можно было услышать чмокание Волчицы и увидеть, как она глотает слюну. Лично я и услышал, и увидел... Ты же знаешь, как грудных детей пеленают и перевязывают лентой... Вот так и я чувствовал себя запеленутым, но запеленутым в ужас. Меня заворачивали не в пеленки, а в саван... но саван перед такими пеленками все равно что чесучовый костюм. Вот и рассуди теперь сам...

– Ой, гагá, ой, гагá, ой, гагá, ой, гагá...

– Что? Что случилось? Что ты заладил: ой, гагá?

– Гагá, ты... чуть не сорвалось с языка...

– А я чуть не прогнал тебя.

– Ну так не сорвалось же, удержался я, гагá.

– Ну так и я не стал тебя гнать, гагуля.

– Хорошо, что сдержался...

– Хорошо, что не прогнал тебя...

– Да, хорошо, гагá.

– Да, хорошо, гагуля. Никогда так хорошо не было.

– Да, не было...

– Что случилось, Сейран, а? Ты какой-то не такой. Тягни сто пятьдесят грамм, и все наладится.

– У тебя есть, гагá?

– У меня этого добра было много... но я все выпил с вами в Баку. А когда отправлялся сюда, с собой бутылочку не прихватил. А здесь, сам знаешь, «сухой закон». Ладно, давай сменим тему.

– Сменить тему все равно, что сменить родину, это не по мне, не получится у меня, гагá.

– Хочешь, чтобы я поменял?

– Давай.

– Ладно, а как там Захар Петрович?

– А кто такой Захар Петрович, гагá?

- Как это кто?
- Ах, да... Хочешь, я о нем скажу его же словами?
- Говори...
- Ой, гагá, теперь Закир с нами не водится... Закрутила его судьбинушка, он теперь собой занят.
- И что говорит?
- А что ему говорить? Говорит: «Не тряси меня, судьба. А то гроб с плеч свалится...»
- Да... ясно...
- Не получилось поменять тему, гагá...
- Тема изменится тогда, когда мы сами изменимся, пусть все остается, как есть, давай уж лучше о своем говорить, так лучше...
- Прав ты, гагá; когда говоришь о своем – такое ощущение, что ты сидишь у себя дома, во главе стола, как хозяин, а когда о вещах посторонних, не касающихся тебя – будто находишься в другой стране, на чужбине...
- Да, Сейран, а что Интилиш делает? Интигам Гасымзаде?
- У Интилиша все хорошо. Он сейчас главный редактор «Азербайджана». Перешучиваемся с ним, порой спрашиваю его: «Интигам, где ты сейчас работаешь?» А он в ответ: «Я заменяю главного редактора журнала «Азербайджана», а мой главный редактор – Юсиф Самедоглу», – вот так. Иногда, когда мы беседуем об этносах, составляющих нацию, о Гарабахе, он обычно заканчивает беседу словами: «Я родился в Шуше в доме Мехмандарова! Понял?!» Говорю ему: «Я это уже знаю, и давно, что нового можешь сказать?» «Это и старое, и новое – все, что есть!» Этим и утешается...
- Утешение – это такая специальность, которая постепенно превращается в профессию, а это самая трудная профессия. Бог человеку – друг, а умная голова – враг! Управлять умной головой так же трудно, как управлять государством. Это однозначно, и другого варианта нет. Второе – не очень умная голова, здесь ситуация не так плоха: такая голова один день друг тебе, а на другой день – враг... Но самое удобное и комфортное – вообще не иметь головы. Кто бы что ни сказал – отвечаешь: «Да», а чего «Да»?! Голова-то пуста. А все говорят: «Какой хороший человек, всегда можно с ним договориться, поладить». Так с имиджем «хороший человек» он и проживает всю жизнь, и сам не замечает, как покидает этот мир – зачем приходил в этот мир, зачем его покинул, почему никто не заметил его ухода и так далее, и тому подобное...
- Гагá, даже если ты меня начнешь гнать отсюда, все равно я скажу: ты – философ!
- Сам ты философ... и все, что ты говорил до сих пор...
- Гагá, у меня для тебя есть хорошая новость... В 2002 году за роман «Некролог» Союз писателей Азербайджана удостоил меня премией имени Юсифа Самедоглу.
- И что?
- Как это что?.. Я не понял...
- Не понял?
- Да... гагá, не понял.
- Ну... ничего, что не понял, потом поймешь...
- Когда пойму, гагá?
- Когда-нибудь... а может, так и не поймешь никогда... это неважно, потому что есть вещи поважнее...

- ...
- ...
- ...
- Слушай, Сейран, ты вообще в своем уме, с головой дружишь?
- Да, до того самого момента, как пришел сюда... а что?..
- Если с головой дружишь и ты в своем уме, то почему подсовываешь мне старые новости, как новые, а? Ты что, забыл? Ты, когда премию получил, то приходил сюда с цветами. Спрашивал: «Гагá, мне дали премию, учрежденную в честь тебя, что бы это значило?» А я тебе что ответил? Сказал, будь осторожен... помнишь?
- Ах, да... да, гагá, верно говоришь, так и было...
- А потом сказал, что ты стал миллионером, получил премию в миллион манатов, тогда, кажется, один миллион равнялся двумстам долларам; еще говорил, давай пойдем, прокутим их, правильно?
- Да...
- А я сказал, что по здешним законам нас никуда не выпускают, карантин у нас. А ты все не отставал, все целовал мое лицо на памятнике и умолял, мол, пойдем хотя бы часика на два. Если честно, мне тоже стало не по себе, решил, крыша у тебя съехала, потому что думал, что я живой, говорил со мной, как с живым, что я мог еще подумать?.. Будто все еще старые времена, мы работаем в «Ulduz»е... и ты в конце рабочего дня пришел, мол, гагá, давай пойдем в «Интурист»... а сейчас, когда ты мне пытался всучить старую новость, я опять начал за тебя волноваться... Но, вроде, нет... выглядишь хорошо...
- Да, гагá, у меня все хорошо с этим?
- Нет, не хорошо, а отлично...
- Спасибо, гагá...
- И тебе спасибо, гагуля.
- ...
- Когда ты в первый раз пришел ко мне с этой новостью, я нарочно тебе не ответил. О твоём награждении премией я знал раньше тебя.
- Что ты сказал? Знал?..
- Да... Это я попросил Анара об этом...
- Ты просил Анара за меня?
- Да... не удивляйся... у нас тут свои каналы...
- Что ты говоришь, гагá, значит, когда я насовсем переселюсь туда, у меня тоже будет свой канал?
- Зачем тебе свой канал, у меня он уже есть, будешь пользоваться им...
- Гагá, а разве плохо, если у меня будет свой, личный канал?
- Ты что, думаешь, тут прямо у каждого канал есть? Даже у меня нет личного канала, меня подсоединили к каналу Самеда Вургунa, ну, и тебя подключим туда... И потом, зачем тебе канал, если посмотреть, это тоже своего рода головная боль...
- Да... гагá... слушай, а Вагифа Самедоглу видишь?
- Слышал, что он прибыл сюда... но не встречались...
- Почему же, гагá?
- Ну, ты знаешь, уже год, как он здесь, но почему-то желания встретиться с ним у меня пока не было.
- Почему?
- Я пытался выяснить это «почему», пошел к здешнему администратору, ска-

зал, может, вы знаете, почему у меня нет желания встретиться с родным братом? Он ответил: «Так и должно быть. Еще мало времени прошло. По их законам Вагифа я могу увидеть через семьдесят пять лет, а Самеда Вургуну – через пятьдесят. Каждого можно увидеть через столько лет, сколько он прожил. Значит, меня они могут увидеть через шестьдесят три года, но это правило касается только родственников, но не знакомых. Да и видеть друг друга мы можем только на большом расстоянии, самое близкое – сорок метров, даже на расстоянии в тридцать девять метров образ исчезает, вот так... А знакомых встречаю часто, причем лицом к лицу, и они меня видят.

– Гагá, а кого ты встречал в последний раз?

– Джабира Новруза. Сказал, что написал новые стихи, и называются они: «Цените людей, пока они живы». А я ответил, что будет неплохо, если и после смерти будут ценить. Он хотел прочесть мне стихи. Но я сказал, что тороплюсь. Он удивился: здесь же никто никуда не торопится. А я в ответ: ну, может, никто и не торопится, а я тороплюсь. После этого не видел его, кажется, он опять пишет...

– Гагá, вот увидел я тебя и воспрянул духом; хочу, чтобы все говорили, что Сейран большой писатель. Что бы ты посоветовал?..

– Ты сделай так... Из чего Бог создал человека – из глины, издающей глухой звук, затем Богу не понравилось то, что он создал. Он вдохнул в него жизнь, и только когда человек ожил, Бог остался доволен своим твореньем. В каждом человеке есть Дух Божий; и ты в каждый созданный тобой образ должен вдохнуть жизнь от своего духа... Тогда ты увидишь, как твои образы оживают, начинают жить внутри книги, затем им надоест это однообразие, и они сойдут с ее страниц, сделают шаг в жизнь и приобщатся к реальной жизни. Вот тогда ты и добьешься того, чего хочешь...

– Хорошо говоришь, гагá..

– О чем?

– В смысле, больше не заикаешься...

– Да... Через сорок дней после моего прибытия сюда язык у меня развязался.

– Само собой все прошло?

– Нееет... развязали.

– Гагá, а тебе удобно там? Не тесно?

– А что? Ты хочешь расширить мое ложе?

– Нееет... Мои полномочия туда не распространяются... Каждый раз, когда прихожу к тебе, мне вспоминаются две строчки Вагифа Джабраилзаде и становится не по себе.

– Что за строчки?

– У него есть стихотворение, посвященное Лермонтову, и там есть строчки, примерно звучат так: «Могила тесна, как ствол ружья, Михаил Юрьевич, ты думаешь, что у каждого есть Бог?»

– Хорошо... Это Истина слова... А есть еще Слово истины... Первый вариант красив, а второй – более точен, это реальность. Ты не расстраивайся. Во-первых, с тех пор уж восемнадцать лет прошло. Во-вторых, места у меня тут много, вся земля в моем распоряжении... А так как земли у меня много, то мне и комфортно, нет ничего мягче земли. Если бы я знал об этом, когда был с вами, то под голову клал бы не подушку, а землю... Тогда и шея от подушки не затекала бы...

– Гагá, а когда приходят новые покойники, вы, уже бывалые, встречаете их, есть какой-нибудь протокол?

– Точно помню, когда вы меня на плечах принесли сюда, мне совсем не хоте-

лось оставаться тут. Несмотря на то, что душа моя насытилась жизнью, а тело – болью. Не хотелось расставаться с теми, кого знал, любил, как поется в песне, меня «насилено разлучили». Если бы не пришлось при этом расставаться со знакомыми и друзьями, мне было бы все равно, но ведь так не бывает. Здесь, когдаходишь во входные ворота... что я говорю, можно подумать, что тут есть ворота и на выход... Так вот, уточняя вопрос с воротами, я должен сказать, что ворота только для меня работали на вход, а для тысячи людей, пришедших проводить меня, ворота эти работали на выход. Короче, никто из старых обитателей этих мест встречать меня не выходил. Только перед глазами беззвучно и мягко сверкнула молния. Это был дух Самеда Вургунга – нутром почувствовал, узнал его по теплой улыбке. И еще скажу тебе, на протяжении сорока дней мы видим всех, кто приходит сюда, причем конкретно, вплоть до дня и часа...

– Что ты говоришь, гагá?

– Да, да, вот смотри, когда поднимаешься по лестнице в Союзе писателей, там с левой стороны стоит стенд... все проходят мимо этого стенда к лестнице... на нем еще размещают объявления. Например: «23 марта будет проведено мероприятие, посвященное семидесятилетию Сейрана Сехавета. Приглашаются все желающие». Вот так и тут: объявляют всем обитателям здешних мест, что в такой-то день, в такой-то час придет, вернее, принесут такого-то. Просто, в отличие от ваших объявлений, не приписывают: «приглашаются все желающие». Каждый занят своими делами... Вот так-то... А теперь скажи честно, как мужчина...

– Ой, гагá, говорить как мужчина трудно, тем более сразу вот так, сходу...

– Ну, ради меня... ну что, не хватит мужества на пять-шесть предложений, соберись, и я тебе помогу...

– Слушаю тебя, гагá...

– Как меня вспоминают, какими словами поминают? Каждый, кто во что горазд, на своей зурне играет, небось?

– Сразу скажу, все играют на одной зурне, если бы каждый играл на своей зурне, то весь азербайджанский народ превратился бы в оркестр зурначи... Причем не какой-нибудь оркестр... Вселенский оркестр зурначи. На самом деле это было бы славно, но...

– Сейран, переходи к сути.

– Так я потихоньку и перехожу, собираюсь с мыслями. Я же должен ответить на твой вопрос как мужчина. У Фикрета Садыга есть одно стихотворение, в котором говорится: «есть три вида зурначи, одни так себе, другие сяк себе, третьи ни так, ни сяк». А теперь скажи, какие из них тебя интересуют: такие, сякие или ни такие, ни сякие?

– Все, переходи к сути, не тяни резину.

– Вот, гагá, взять хотя бы меня – меня можно отнести ко всем трем категориям, я и такой, и сякой, и ни такой, ни сякой. Я скажу за всех, как мужчина, я уже собрался. Даа... Гагá, я бы за тебя писать не смог, это вопрос совести, каждый должен жить по совести – а то бы написал! Умереть вместо тебя, гагá, я бы не смог, если бы умер, я навредил бы твоей смерти, а то бы умер. Когда ты родился, писал и умирал, вместо себя и родился, вместо себя писал, и вместо себя умер. Все эти три вещи никто не смог бы сделать как Юсиф или вместо Юсифа – вот ты сам все и сделал. Теперь пришло время сказать главное: гагá, прости, что не смог умереть вместо тебя. Чтобы умереть вместо тебя, есть только один путь: родиться вместо тебя, но я ро-

дился вместо себя. Как я, рожденный за себя, могу умереть вместо тебя, тогда кто бы умер вместо меня? А если бы нашелся кто-то, кто бы умер вместо меня, тогда кто бы умер вместо него? Никто! В таком случае все бы смешалось, и закон, установленный Богом, нарушился бы. И сам Бог не смог бы навести порядок или не захотел бы сделать это – вот этого точно я сказать не могу, не знаю...

– ...

– ...

– ...

– И потом, гагá, ну по совести, наши никогда за покойником плохое не говорят, да и в лицо не говорят, порой чернят, толком не зная о чем судят, – а тебя как зачернить?! Ты белоснежный, как саван...

– Сейран, наши за покойником не говорят, значит? Но меня же это не касается.

– Гагáаааа! Значит, ты... не у-у-мер?!

– Видишь ли... если бы я оставался только рядом с вами, давно бы умер...

– ...

– Я не умер, я подшутил над вами...

– ...

– ...

– Ой, гагá, в вашем роду, кажется, принято шутить со смертью – Вагиф Самедоглу тоже так же, шутя, ушел. Что вам, людей мало, что вы со смертью шутите?

– Гагуля, запомни, люди не всегда воспринимают юмор, так что лучше всего шутить со Смертью. Смерть знает толк в шутке, умеет и любит шутить, ты пока этого не знаешь. Ты пока что шутишь с жизнью...

– Гагá, а сможешь доказать, что Смерть любит шутить?

– Почему не смогу?.. Ты, наверное, не раз слышал, как разносится слух, что некто стоит на пороге смерти, и вот-вот отдаст Богу душу. Собираются родственники, устанавливают шатер, режут теленка, чтобы достойно проводить усопшего. День, два, пять, десять... А человек не умирает, спустя еще некоторое время и вовсе поднимается с постели, а почему?! А все потому, что Смерть просто шутила с ним, а человек принял эту шутку и так отшутился и рассмешил ее, что та ушла восвояси. А те, кто находятся на пороге вечности и не понимают, что все это только шутка, те сами добровольно позволяют Смерти проводить их сюда, к нам.

– Гагá, а что ж ты не отшутился, когда Смерть пришла к тебе?.. Почему ты не рассмешил ее, чтобы она оставила тебя... и ушла ни с чем?..

– Так мы перекинулись парой шуток, и хорошо у нас получалось, ее глаза смеялись, я ей явно понравился. Но вдруг я почувствовал, что пахнет горелым мясом. Мой язык стал гореть от болей, вонзивших, как сороконожка, свои лапы в мою плоть. Когда я попытался проглотить пепел, он застрял у меня в глотке, а когда пришел в себя, обнаружил себя уже здесь. Здешние врачи вставили мне земляной протез вместо языка, так что теперь у меня земляной язык...

– Гагá, а покажи язык, а...

– Не могу... Если высуну его, то он усохнет и рассыплется. Как-то нагрубил одной женщине-кондуктору в трамвае. А она прокляла меня, сказала: «Чтоб язык твой отсох!»

– А помнишь, гагá, на самой заре нашей независимости группа известных людей республики, представители интеллигенции, собрались и пришли к тебе с просьбой и предложением: Юсиф-муаллим, ты столько сделал для нашей независи-

мости, велики твои заслуги перед страной, дай согласие на выдвижение твоей кандидатуры на пост президента республики, и мы вместе с тобой послужим нашему народу. Что ты им тогда ответил?!

– Да, помню, я поблагодарил их за доверие. Я и сам не против такого предложения. Но у меня к вам один вопрос. Предположим, выдвинули вы мою кандидатуру... А что, если народ выберет меня президентом, и что тогда мне делать?! Сколько ни просили, ничего не вышло, так и ушли ни с чем.

– Почему же ты не согласился, гагá?

– Сейран, ну ты сам подумай...ну какой из меня президент?

– По-моему, очень даже хороший...

– Это по-твоему... Но главное – что по-моему. А по-моему – никакой.

– Это же просто беседа, гагá, а вот если бы ты стал президентом, какую бы работу ты мне дал?

– Я бы тебя арестовал...

– Меня?!

– Именно!

– За что, гагá?

– Я бы тебя разобрал на запчасти, как старую машину, а затем снова бы собрал.

– Как это, гагá?

– Посадил бы тебя в Баиловскую тюрьму...

– Не в Баиловскую, в Кюгдахан.

– Я говорю про свое время... Так вот, послал бы тебя на Баилово, ненадолго, так, года на три-четыре, и приказал бы, чтобы у тебя было все необходимое, чтобы ты кайфовал. Но до Баилова ты бы еще год критиковал бы меня как президента, причем жестко и от имени народа... да, от имени народа... И после всего этого я бы тебя арестовал, года через три-четыре ты бы вышел и... стал бы народным героем...

– А потом?

– А потом ты бы опять взялся за старое, критиковал бы за взятки, коррупцию и так далее.

– А потом?

– Потом приказал бы, чтобы тебе дали 20-30 тысяч денег, чтобы ты жил в свое удовольствие. Вот после того, как ты насладишься этой комфортной жизнью, постепенно начнешь снижать накал критики. Вот так я заново бы создал тебя, согласен?

– Согласен.

– Я бы из тебя сделал для себя оппозицию, и потом... В этой игре остаемся в выигрыше и ты, и я.

– А кто же проиграет?

– Народ. Зачем тебе должность, это вещь временная. А оппозиция – вечна. Как тебе моя идея?

– Отличная... А куда бы ты определил Закира Фахри?

– Председателем Союза Ашугов.

– Не согласится...

– Почему? Пусть идет, пишет себе гошма и все такое...

– Нет, гагá, он туда не пойдет...

– А куда же его тогда?

– Министерство налогов...

– Это место занято.

– Ну, тогда хотя бы Министерство здравоохранения...

– Так у него нет диплома врача.

– Ой, гагá, ну зачем ему диплом, что он, больным уколы будет делать?

– Нееееет, это место я уже обещал другому человеку.

– А как насчет Министерства социальной защиты?..

– Туда совсем нельзя. Разве можно Закиру доверить фонд?

– Тогда куда же, гагá, Закир столько страдал за свою жизнь... И потом, любит он тебя очень...

– Председателем Союза Ашугов!

– Крутой ты стал, гагá, до президентства ты таким не был... как быстро ты...

– Это еще что! Если таким не буду, затопчут меня. Что говорил Самед Вургун устами Гаджара в пьесе «Вагиф»? «Ты Родину мне много не хвали, не будь меча, в клочья растерзали бы меня!» Помнишь? И потом, впредь не обращай ко мне с просьбами, дай спокойно работать. Я же не кенгуру, чтобы собрать всех вас в свою сумку под животом и кормить молоком!.. Пусть никто не сует нос в мои дела! Кто сунется, тому нос оторву!

– Ой, гагá, ой, гагá, ладно тебе, хватит...

– Что хватит?

– Я о том, что хватит тебе президентом работать, подавай в отставку, давай просто поговорим.

– Ну что ж, давай!.. начинай!..

– Нет уж, вначале ты подай в отставку, а потом...

– Ладно, гагуля, но неплохо я поработал, а...

– Вот так, молодец...

– ...

– ...

– ...

– Ой, гагá, не хватает нам тебя.

– Насколько не хватает?

– Не могу сказать, насколько не хватает. Но чем дальше, тем больше мне тебя не хватает, порой и места себе не нахожу.

– ...

– Гагá, а как ты смотришь на тех, кто приходит в литературу в сумке кенгуру?

– А что, я смотрю на них, чтобы сказать, как я смотрю на них?.. Кенгуру – это незаконченное произведение Бога, как мой роман «Вспомнилось то, о чем говорилось». Мое произведение осталось незаконченным по уважительной причине; в моих глазах это произведение напоминает кенгуру. Интересно, а у Бога бывает уважительная причина? Как ты думаешь?

– Ой, гагá, откуда мне знать... Разве может произведение быть похожим на кенгуру?! Ох!

– Последнее предложение я не расслышал...

– Говорю, откуда мне знать, гагá...

– Если бы я закончил свое произведение, я бы изменил его название на «Кенгуру». К этому решению я пришел уже после смерти.

– ...

– Сейран, ты обращал внимание на то, что руки у человека короче его ног, прямо как у кенгуру. Думаешь, Бог хотел, чтобы кенгуру были похожи на нас? Что

молчишь?

– Не знаю, гагá, не знаю и все... И вообще не знаю, ты писатель или кенгуровед...

– Я мировед... А кенгуру является частью этого мира. Человек должен иметь представление обо всем. Как ты думаешь, какого размера бывает новорожденный детеныш кенгуру?

– Как минимум, полметра...

– Ошибаешься, всего два сантиметра.

– Правда, что ли, в самом деле?

– Клянусь...

– Ой, гагá, это же меньше наперстка.

– Ну и что?!. Когда они рождаются, прямым попаданием попадают в сумку матери. Живут себе там потихоньку и растут. Сами выходят из сумки, чтобы мать их покормила молоком. Так и живут там, пока не наберут вес в девять килограммов. Кенгуру относятся к семейству сумчатых. Существует шестьдесят видов сумчатых, ну, как люди... например, англичане, немцы, французы, армяне и так далее. Родиной их является Австралия и Новая Зеландия. Вес взрослых особей достигает 90 килограммов, скорость бега достигает 50 км. в час. Длинные хвосты им нужны не для подхалимства. В основном ведут ночной образ жизни. Очень дружелюбные. В Европе одна женщина даже усыновила кенгуру. Пока женщина не сядет за стол, кенгуру не притрагивался к еде. Самыми близкими друзьями английского путешественника Кука были кенгуру, как и у меня...

– ...

– Меню их состоит из двух блюд: травы и древесных листьев. А на Земле полно такой еды... Так что они наслаждаются... А еще кенгуру никогда не кланутся своими детьми, а только своей сумкой... Это уже результат моих собственных исследований... По моему мнению, кенгуру в тысячи раз интереснее человека, в тысячу раз дружелюбнее, в тысячу раз интеллигентнее... Вот ты тоже похож на кенгуру... но немного... Гарабахский Кенгуру...

– Гагá, если позволишь, то в следующий раз я вместо себя пошлю тебя навещать какого-нибудь кенгуру.

– Было бы очень хорошо... но у тебя смелости на это хватит?

– Хватит... о камень расшибусь...

– Если смелости не хватит, ты за сорок дней приди, я тебе окажу помощь – гуманитарную...

– Гагá, ты помнишь Чичек-ханым, что работала в «Интуристе»?

– Неет... Ты расскажи, может, вспомню... я же тебе говорил, что здесь и память земляная...

– Она всегда обслуживала нас; да и сам ты всегда старался сесть за ее столик. Как-то раз мы там сидели. Она, вся дрожа, подошла и сказала: «Юсиф-муаллим, вы самый красивый мужчина в мире, вы такой милый, если вы разрешите, я бы хотела сказать несколько слов, которые на протяжении долгих лет ношу в душе». А ты, как джентльмен, ответил: «Пожалуйста». Эта женщина была очень красивой. Так вот, она сказала: «Юсиф-муаллим, я знаю, что при вашей жизни я никогда не смогу заполучить вас, поэтому прошу вас, завещайте, что когда вы умрете, я омою вас... Потому что даже в вашей смерти я буду желать вас...», – и убежала. Даже счет нам тогда принес уже другой человек, вспомнил ее?

– А что я ответил ей?
– А ты сказал, что до смерти еще далеко, когда умру, придешь, решим этот вопрос...
– ...
– Гагá, ты выполнил ее пожелание?
– Не помню.
– Гагá, а кто тебя омыл?
– Не помню, кто меня омыл, но это было помещение, похожее на мойку... да... да... теперь вспомнил ту женщину, вспомнил...
– Гагá, и под конец традиционный вопрос.
– Понимаю... выкладывай. Кажется, уши мои подустали. Но не очень сильно... Не удивляйся. Немного уши заложило ... Ты не переживай, задавай свой вопрос...
– Гагá, ты всем своим существом любишь азербайджанский народ. Потому что нет у тебя никакого другого народа в сердце. Что ты желаешь азербайджанскому народу?
– Есть известное выражение... таак, уши мои отдохнули, слышу теперь нормально, – я же говорил тебе. Так вот, есть известное выражение: дети больше похожи на свое время, чем на своих родителей. А я говорю, что дети больше, чем на своих родителей и на свое время, похожи на то, что едят. Я желаю азербайджанскому народу, прошу его, молю его, склонив колени: пусть не едят баранину, пусть поменяют свое меню... Пусть едят волчатину... лисятину – тогда перед ним никакой народ не устоит! Тогда и я тут буду ходить с гордо поднятой головой – как настоящий мужчина...
– Да упокоит твою душу Господь, гагá... я ухажу... да наполнится могила твоя светом... Да и света просветленного лица твоего будет достаточно...
– Спасибо, да упокоит Господь души твоих усопших. Спрошу еще одну вещь, и иди.
– Слушаю тебя, гагá...
– Сейран, если как-нибудь ты вдруг встретишь на нашем бульваре меня с фотоаппаратом через плечо, что ты сделаешь?
– Подбегу к тебе, обниму, прижму тебя к груди...
– Врешь... Испугаешься... С таким криком кинешься прочь, что весь Баку услышит тебя и будет смотреть вслед тебе. И я буду смотреть вслед тебе. И буду кричать, как ты: Сейран, не бойся, Сейран, вернись... Сейран, вернись... вернись... вернись, вернись, га... Ведь ты никогда не ослушивался меня, Сейран, Сейран, ах... Я... упал, умер. Это было настоящей смертью. Первая новость о моей смерти действительно была шуткой. Меня убила твоя любовь. Ты палач Юсифа Самедоглу... вот теперь можно и сказать: «Да упокоит Господь твою душу». Только сейчас эти слова будут кстати, потому что истинны...
Так, ушел и Юсиф, мне стало жаль себя... Да упокоит Господь всех Кенгуру...

ГУСЕЙН АДЫГЕЗАЛОВ

С Н О В А О П Е Р Е В О Д Е . . .

*Тельман Джафаров (Велиханлы)
Рецепция прозы М. Ю. Лермонтова в Азербайджане.
Баку: Мутарджим, 2014, 164 стр.*

Великий русский поэт М.Ю.Лермонтов принадлежит к числу крупнейших мастеров мирового художественного слова, творчество которых сохраняет свою значимость до наших дней. Лермонтов дорог нам не только потому, что он, посетив нашу страну, искренне полюбил древнюю и богатую культуру нашего народа и наш азербайджанский язык, сравнил его по масштабу и значимости своего общения с французским языком, но и широко воспользовался литературно-художественными средствами его выразительности в воспроизведении национального колорита в своих творениях.

Лермонтов, как и многие его предшественники, чутко относился к кавказским народам, высоко оценивал их быт, нравы, обычаи и традиции, воспевал в своих произведениях свободолюбие здешних народов, отражал характер их борьбы за равноправное существование. Вот почему и поныне он пользуется всенародной любовью и уважением народов Кавказа, в том числе азербайджанского народа. В свою очередь, лучшие представители нашего народа, изучая богатое наследие опального русского поэта, до сих пор рассматривают самые различные стороны и аспекты его жизни и творчества, вносят свою лепту в это благородное дело. Наши поэты продолжают посвящать Лермонтову пламенные стихи, воспевающие его личность, выражающие всеобщую любовь к нему. Таково было у нас отношение к Лермонтову все время, так оно проявилось и в 2014 году, когда в республиканском масштабе широко отмечался 200-летний юбилей русского поэта, значительно обогатившего русскую и мировую литературу бессметрными шедеврами.

Рассмотрим некоторые юбилейные публикации и издания. Отметим, что только журнал «Литературный Азербайджан» в юбилейном году в своих нескольких номерах (№№ 10, 11, 12) выступил с подборкой материалов, посвященных Лермонтову, среди которых и новые поэтические посвящения русскому поэту азербайджанских поэтов, и статьи, рассматривающие его образ в единстве с его творчеством, личной и исторической судьбой. К таковым относятся стихи Мансура Векилова, Экрама Меликова, Ирины Зейналлы, Аладдина Ягубова, Алины Талыбовой, Геннадия Салаева (№ 10), Эльберда Туганова, Элины Махмудовой (№ 11), Михаила Павлова, Марата Шафиева (№ 12). Журнал предложил читателям и статьи российского поэта Александра Gladкова «Субъективные заметки о поэтах и поэзии» (№ 10), Сиявуша Мамедзаде «Там, на горе Машук» (№ 11), Марата Шафиева «О бедном гусаре замолвите слово» (№ 12). И поэтические, и исследовательские отклики связаны с загадками в творчестве Лермонтова и его жизни. Подытоживая обзор юбилейных публикаций журнала, уместно привести цитату из статьи М.Шафиева, характеризующую отношение каждого автора к русскому поэту: «...в них есть дальнейшее развитие современными авторами мыслей и чувств Лермонтова, в них есть признание в любви азербайджанского народа к мятежному русскому гению» (Шафиев М. О бедном гусаре замолвите слово, «Литературный Азербайджан», 2014, № 12 с. 57-59).

А выпущенный к 200-летию со дня рождения Лермонтова сборник «Горы Кавказа, я

вам не чужой...» (Альманах поэзии и прозы) в издательстве «Мутарджим» – событие в литературной жизни и пространстве традиционных азербайджанско-русских литературных связей.

Перечисляя далеко не полный перечень посвящений Лермонтову в нашей стране в 2014 году, как бы нескромно это ни звучало, следует назвать и статьи автора этих строк, опубликованные в научно-литературных изданиях России и Азербайджана (Адыгезалов Г.В. «Азербайджанские страницы творчества М.Ю.Лермонтова», Известия высших учебных заведений, Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, – 2014, – № 2 (30), с. 133-145; «У Лермонтова в Тарханах», «Литературный Азербайджан», 2014, № 6, с. 108-113 и др.).

Монография профессора Бакинского Славянского Университета, видного лермонтоведа Тельмана Джафарова (Велиханлы) «Рецепция прозы М.Ю.Лермонтова в Азербайджане» также приурочена к 200-летию со дня рождения русского поэта. Прежде чем начать рецензирование указанной монографии, отличающейся широкими наблюдениями ученого в области изучения творчества Лермонтова, его прозы в азербайджанском литературоведении, а также перевода прозаических сочинений русского поэта, считаем целесообразным вкратце рассмотреть вопрос об истории освоения наследия Лермонтова в Азербайджане за весь пройденный период.

Прежде всего отметим, что важный и интересный раздел азербайджанского лермонтоведения составляет тема «Проблемы перевода наследия М.Ю.Лермонтова на азербайджанский язык». В разработке данной темы исследователю непременно следует рассмотреть такие аспекты, как знакомство русского поэта с азербайджанским языком и фольклором, нашей богатой и древней культурой, история рецепции произведений в азербайджанском языке. Среди всех составляющих эту тему вопросов внимание привлекает и вопрос об азербайджанских впечатлениях Лермонтова, как они преломились и отразились в его произведениях. Так что тема заслуживает всестороннего монографического исследования.

Конечно, проблема переложения произведений Лермонтова на азербайджанский язык, начиная еще с 80-ых годов позапрошлого столетия, рассматривалась разными исследователями на самых разных уровнях. Начало переводного освоения творчества Лермонтова в Азербайджане относится к 1882-му году, когда Р.Эфендиевым были переведены два стихотворения русского поэта – «Воздушный корабль» и «Молитва» (газета «Новое обозрение», 24 августа 1895 года, № 4003). Об истории переводов произведений Лермонтова на азербайджанский язык говорится в книге Ф.Кочарли («Литература азербайджанских татар», 1903), отметившего, что «в 80-ых годах (XIX века – Г.А.) «Мцыри», «Хаджи Абрек», «Дары Терека», «Спор», «Три пальмы» и другие поэтические образцы Лермонтова были переведены на азербайджанский язык А.Джаванширом».

Как свидетельствует Л.Самедова (Самедова Л. «Я хочу, чтоб тебя полюбили навек...», «Литературный Азербайджан», 1989, № 10, стр. 99-103), 26 августа 1889 года в тифлисской газете «Кешкюль» было опубликовано стихотворение «Воздушный корабль» в переводе А.Адыгезалова, спустя несколько лет, в 1895 году, было опубликовано стихотворение «Три пальмы» в переводе Ф.Кочарли, а с переводами А.Сиххата, сумевшего на высоком идейно-содержательном уровне озвучить многие стихотворения Лермонтова на азербайджанском языке, открыт новый этап в переводном освоении наследия русского поэта.

Справедливо принято считать, что широкое знакомство азербайджанского читателя с наследием Лермонтова, как и с произведениями других классиков русской литературы, началось с 1920-х годов, когда правительство, с целью культурного сближения народов, уделяло огромное внимание интенсивной работе по переводу на азербайджанский язык русской классической литературы. Азербайджанские литературоведы М.Рафили, А.Агаев, М.Ариф, М.Гулузаде, М.Дж.Джафаров, К.Талыбзаде, Ш.К.Гурбанов, А.Мирахмедов, Г.Бабаев и другие в своих исследованиях уделяли особое внимание проблемам перевода, разносторонне освещали наиболее удачные опыты в этой области. Высокие требования, предъ-

являемые к художественно-поэтическим переводам этого периода вызвали необходимость осуществления все новых и новых переводов. Именно с этого периода почти все произведения Лермонтова были заново переведены на азербайджанский язык. Его переводили М.Рафили, М.Мушви́г, М.Рзакулизаде, Р.Рза, М.Рагим, А.Гериб, Д.Меджнунбеков, А.Агаев, А.Джамиль, М.Сеидзаде, Н.Хазри, А.Талет, А.Кюрчайлы, Г.Гусейнзаде и другие. Основной задачей переводчиков было наиболее точно воспроизвести на азербайджанском языке не только «сюжетные и композиционные особенности оригинала, но и своеобразие лермонтовских образов, сохранить каждую мысль автора, каждую художественную деталь, его манеру письма» (Самедова Л. «Я хочу, чтоб тебя полюбили навек...», «Литературный Азербайджан», 1989, № 10, с. 101).

И, как результат, сегодня азербайджанский читатель имеет в своем распоряжении четырехтомник переводов из Лермонтова, изданный в 1964-1967 годах в связи с 150-летием со дня его рождения, с вступительными статьями А.Агаева. Хронологически самым последним солидным изданием избранных произведений М.Ю.Лермонтова считается однотомник, выпущенный издательством «Ондер нешрийяты» в 2005 году (520 с.).

И совершенно естественно, что значительный размах переводческого дела вызвал к жизни немало трудов о качестве перевода наследия поэтики Лермонтова на азербайджанский язык. Первым следует назвать труд Л.Самедовой «И звезда с звездой говорит...» (Баку, «Язычы», 1980, 247 с.), который был принят научной общественностью как научное освещение истории перевода на азербайджанский язык произведений Лермонтова, профессиональный, заинтересованный разговор о качестве и художественно-эстетической ценности переводов, о поэтической трансформации лермонтовского стиха.

Особую историю имеет перевод прозаических произведений Лермонтова на азербайджанский язык. Так, роман «Герой нашего времени» представлялся азербайджанскому читателю трижды: в 1906 году (пер. Алибека Гаджи Ариф оглу Эфендизаде), в 1929 году (пер. А.Гариба), и в 1937 году (пер. Дж.Меджнунбекова). В отличие от последующих, печатный экземпляр первого перевода романа Лермонтова до сих пор не найден, «хотя в свое время газета «Иршад» (1908, 28 февраля, № 26) сообщала, что «среди переводов с русского языка, готовившихся к печати, обнаружен и перевод романа Лермонтова «Герой нашего времени», осуществленный Биналибеком» (Самедова Л. «Я хочу, чтоб тебя полюбили навек...», «Литературный Азербайджан», 1989, № 10, с. 100).

А сказка «Ашик-Кериб» впервые была переведена на азербайджанский язык М.Александровым еще в 1913 году, в канун 100-летия со дня рождения автора. Лермонтовскую сказку в последующие годы переводили еще трижды: в 1938 году (И.Нафиси), в 1950 году (Ш.Мирзагирова), а в 1981 году она вышла в переводе А.Юсифоглу.

Рецензируемую монографию Тельман Джафаров посвятил теме изучения творчества М.Ю.Лермонтова, в частности, его прозы, азербайджанскими литературоведами, а также перевода прозаических сочинений русского поэта. В новом труде азербайджанского лермонтоведа обстоятельно освещена проблема рецепции прозы русского поэта-писателя в Азербайджане, говорится об истории и качестве переводов его прозаических произведений, осуществленных в разное время совершенно разными переводчиками, о состоянии изучения художественного наследия Лермонтова в нашей стране, предложены конкретные рекомендации для более адекватного создания новых переводов его прозы. Новое исследование ученого обусловлено тем, что, в отличие от поэтических произведений, проза М.Ю.Лермонтова стала известна азербайджанским читателям несколько позже, хотя история перевода его романа «Герой нашего времени» на наш язык, как уже упомянули, датируется концом позапрошлого столетия, что говорит о большом интересе и к его прозе.

Исследователь, приступая к рассмотрению намеченной проблемы, четко сформулировал цель исследования – анализ и широкое научное обобщение трудов азербайджанских литературоведов по вопросам творчества М.Ю.Лермонтова, прослеживание достижений современной литературоведческой науки в нашей стране в освоении прозаического наследия

классика русской литературы с точки зрения звучания на азербайджанском языке полноценного воспроизведения ее идейного содержания и художественных особенностей. При этом автор монографии руководствовался тем принципом, что «Художественный перевод, через который происходит первое знакомство с иноязычными авторами, является основным способом освоения литературы другой страны» (Джафаров Т. Рецепция прозы М.Ю.Лермонтова в Азербайджане. Баку, 2014, с. 7).

Верность приведенного тезиса подтверждается тем, что в основном после перевода инонациональная литература становится достоянием критики воспринимающей стороны. Поэтому исследование следовало бы вести по такому закономерному пути: первоначально рассматривать переводы, а дальше – критическую литературу о них. Но такая последовательность не соблюдается, так как ученым обосновывается важность учета азербайджанскими переводчиками всей имеющейся в лермонтоведении научно-критической литературы о прозе М.Ю.Лермонтова. И, как следствие, первая глава монографии сформулирована как «Проза М.Ю.Лермонтова в азербайджанском литературоведении и критике» и состоит из двух подглав, рассматривающих проблемы изучения творческого метода Лермонтова-прозаика и трактовки кавказской тематики в прозе поэта, что вполне способствует раскрытию намеченной темы.

Вторая глава – «Проза М.Ю.Лермонтова в азербайджанских переводах» – содержит обстоятельный анализ переводов прозаических произведений русского поэта в исполнении разных переводчиков и занимает основную – вторую часть нового труда Т.Джафарова. Такая содержательная структура научного труда о рецепции прозы М.Ю.Лермонтова в Азербайджане вполне оправдывает себя тем, что исследователь всесторонне рассматривает писательское мастерство Лермонтова-прозаика в оценке русских и азербайджанских литературоведов, охватывает практически все вопросы, связанные с кавказскими и азербайджанскими страницами жизни и творчества поэта, вступает в полемику с литературоведами по тем или другим историко-филологическим фактам, касающимся вопросов пребывания русского поэта на Кавказе, в том числе в Азербайджане, вносит ясность по отдельным спорным вопросам в представлении читателей, уточняет истоки и мотивы азербайджанских реалий в его творчестве.

Отметим, что и ранее разные аспекты творчества М.Ю.Лермонтова рассматривались Т.Джафаровым. Так, в монографиях «Проза М.Ю.Лермонтова в азербайджанском литературоведении и переводах» (Баку, 1995) и «М.Ю.Лермонтов. Очерк о творчестве» (Баку, 1997) освещаются вопросы исследования азербайджанскими учеными прозы М.Ю.Лермонтова, азербайджанских переводов прозаических сочинений русского классика, а также раскрываются художественные и идейно-тематические особенности его лирики, прозы и драматургии. Продолжая прежние исследования, в новом труде ученый ставит цель решить проблему соблюдения индивидуального своеобразия подлинника в азербайджанских переводах русской классической прозы на примере переводов прозаического творчества М.Ю.Лермонтова, что является новым подходом в области художественного перевода и что в целом не рассматривалось в нашем литературоведении. Хотя, как подчеркивает автор монографии, в трудах Г.Султановой, Р.Новрузова, Н.Мурадалиевой, Я.Гусейнова, Д.Мехтиева, З.Карабаглы, М.Коджаева, Ш.Халилова, К.Гаджиева, К.Назарли и др. исследованы такие специфические вопросы перевода художественной литературы, как сохранение национального своеобразия подлинника, передача на другом языке изобразительно-выразительных средств оригинала.

Особенностью рецензируемой монографии профессора Т.Джафарова является то, что ученый в двух главах и семи разделах книги затрагивает различные аспекты и проблемы прозы М.Ю.Лермонтова, рассматривает особенности восприятия азербайджанской критикой творчества русского поэта, анализирует приемы и принципы передачи на азербайджанском языке стиля его прозаических произведений.

Одно из главных достоинств книги в том, что автор очень тщательно анализирует

вышедшие ранее источники, стремясь к объективности и не занимая заранее позиции кого-либо из предшествующих ученых-лермонтоведов. Он не боится высказать в чем-то неуверенность или признаться, что каких-то данных о каком-то вопросе или принятом решении не хватает, и можно лишь делать предложения, а не выносить строгий вердикт. Поэтому новая монография ученого о переводе лермонтовской прозы на азербайджанский язык – это не сухое препарирование фактов и событий. В книге немало новых документальных свидетельств, а те, с которыми любознательные читатели знакомы, или дополняются подчас неожиданными и убедительными сопоставлениями в сфере принципов художественного перевода с ранними источниками, или обстоятельно переосмысливаются. Например, вызовет немалый интерес вторая глава, где всесторонне анализируются проблемы сохранения особенностей стиля прозы Лермонтова в переводах на азербайджанский язык, передачи в них восточной лексики и воспроизведения на переводимом языке изобразительно-выразительных средств прозаических произведений русского поэта. Совершенно по-новому затрагивая эти или другие вопросы в передаче русского текста на родном языке, Т. Джафаров строго придерживается принципа К.И. Чуковского, заметившего, что «Каковы бы ни были... промахи, перевод может считаться отличным, если в нем передано главное: художественная индивидуальность переводимого автора во всем своеобразии его стиля» (К.И. Чуковский. Собрание сочинений в 6-ти тт., т. 3, М.: 1966, с. 252).

К проблеме рецепции лермонтовской прозы на азербайджанском языке, анализа его своеобразного стиля ученый подходит с рассмотрения речевой характеристики героев, их портретного изображения, мотивации поведения и действий персонажей, использованных изобразительно-выразительных средств и пытается разрешить проблемы в плане восприятия и сохранения индивидуального своеобразия оригинала в совокупности всех перечисленных литературных компонентов. Так, в анализе перевода романа «Вадим», осуществленного Дж. Меджнунбековым, сопоставляется передача стилистических особенностей текста оригинала с переводом на другой, в данном случае – на азербайджанский язык. В каждом случае автором книги приводится подстрочный перевод для практико-теоретической демонстрации своих доводов и убеждений. Один из монологов Вадима, являющийся своеобразной исповедью главного героя, полон сомнений и противоречий, характеризующих лермонтовского персонажа как сильную личность. В целом переводчик сумел подобрать необходимые средства для выражения чувств Вадима, что способствует восприятию стиля романтического повествования на азербайджанском языке.

Но мы будем, в основном, говорить о допущенных переводчиком и незамеченных исследователем неточностях перевода прозаических творений Лермонтова, ставших объектом рассмотрения. В переводе отдельных слов и выражений, как нам кажется, не совсем удачно подобран соответствующий эквивалент их употребления в азербайджанском языке. К таковым можно отнести перевод фразы «...демон поселился в меня», когда вместо «*mənim içimdə iblis özünə yer tapmışdı*», читаем «*demon mənim üzərimdə özünə yer tapmışdı*». Т. Джафаров в передаче приведенной фразы лишь обращает внимание читателей на то, что слово «демон» надо было передать как «*iblis*», хотя озвучание основного лермонтовского смысла в переводе вызывает недоумение со стороны читателей в понимании оригинала. Такая смысловая неточность наблюдается и в переложении слова «бездна» в сочетании «перешагнуть через бездну», где вместо «*nəhayətsiz uçurumdan keçmək*» переводчик, придерживаясь буквализма, нарушает логику фразы в азербайджанском языке. Образно-метафорическое употребление слов, основанное на ассоциациях чувств человека, также вызывает недоумение: фраза «...не бледней» в переводе Дж. Меджнунбекова опять звучит дословно – «*rəngin ağartmasın*», но азербайджанский читатель широко употребляет в таком случае «*rəngin qəzmasın*». Несоответствие такого порядка еще больше чувствуется в неверной передаче слова «огонь» в сочетании «огонь, текущий в моих жилах»: «*mənim damarlarımda axan qan*», тогда как более точно можно было сказать «*damarlarımda axan alov*». Кроме того, надо было учесть, что, в отличие от русского, в нашем языке окончание -m- вполне выражает при-

надлежность к первому лицу, поэтому при переводе можно было бы совершенно обойтись без притяжательного местоимения «*mənim*».

Такие смысловые неточности мы наблюдаем и в дальнейшем звучании речи Вадима, где герой метафорично говорит о своем уединении после поступка Ольги: «...остался один, как черная туча, забытая на ясном небе...». Слово «небо» передано как «*göy*», вместо «*aydın səmada*» читаем «*aydın göydə*». Нашему читателю-азербайджанцу представляется трудным сразу понять перевод слова «долг», переведенного на его язык как «*oğulluq borcu*» в предложении «...долг зовет меня к отцу»: «*Oğulluq borcu məni atamın yanına çağırır*». Не нужно доказывать, что в лексиконе читателя-азербайджанца в таком случае практикуется слово «*övladlıq*». Тем самым стиль речи Вадима нарушается вследствие неадекватной передачи на языке перевода данного поэтического сравнения. Это результат того, что во всех случаях переводчик придерживался буквализма в переводе, что дало основание Т. Джафарову констатировать, что «Дж. Меджнунбекову не всегда удавалось сохранить в переводе синтаксическую конструкцию лермонтовских простых предложений... Это несколько сглаживает речь возвышенного героя, затрудняет восприятие иноязычным читателем его чувств и страстей».

Особый интерес представляет рецепция лермонтовской «Княгини Лиговской», где значительно ограничены элементы «неистойвой» стилистики. При создании образа Красинского Лермонтов использовал отвлеченно-романтическую лексику и фразеологию для раскрытия душевного состояния героя, передающегося читателю. Задавленный Печоринным чиновник Красинский взволнованно объясняется с противником, говоря: «Милостивый государь! Вы меня обидели! Вы меня оскорбили смертельно». Оценивая перевод повторяющихся фраз, Т. Джафаров обнаруживает неточности, считая, что выражение «Вы меня обидели», переведенное как «*Siz mənim xətrimə dəymisiniz*», не может точно воспроизвести состояние человека после услышанного; слово «смертельно» во второй части нужно было перевести дословно: «*ölümsül*», тогда читатель в переводе смог бы прочувствовать обиду персонажа и серьезность нанесенного ему удара.

В продолжении данного отрывка в оригинале читаем: «...а по какому праву? Потому что у вас есть рысак, белый султан? Золотые эполеты?» Здесь ученый вполне обоснованно допускает, что «Вопреки оригиналу, в тексте перевода «белый султан» имеет не Печорин, а его кучер» (с. 92). Другая неточность переводчика, замечаемая исследователем, связана с тем, что Дж. Меджнунбеков при переводе незаслуженно пропустил авторское выражение «...так беден, что хожу в стулья» (*самые дешёвые места в зрительном зале – Ред.*) в переложении отрывка: «...Моя жизнь горька, будущности у меня нет... я беден, так беден, что хожу в стулья», хотя оно является важной деталью в речи Красинского, ищущего способа быть богатым и счастливым. Тем самым азербайджанский читатель, знакомясь с переводом текста, по вине переводчика не может полностью судить о характере и поступках созданного Лермонтовым образа. Думается, что перевод стилистически окрашенных слов и выражений в оригинале требует от переводчика нахождения точного эквивалента на языке перевода, а когда этого не случается, терпит неудачу не только перевод и иноязычный читатель, но и мастерство писателя оказывается деформированным.

Как уже упоминалось выше, роман «Герой нашего времени» был озвучен на нашем языке в разное время и разными переводчиками. В монографии автором рассматривается два перевода романа в исполнении Алекбера Гариба и Джаббара Меджнунбекова. Ученый концентрирует внимание на переводе речи Грушницкого, приводя образцы из обоих переводов отрывка: «Моя солдатская шинель – как печать отвержения. Участие, которое она возбуждает, тяжело, как милостыня». Устойчивое сочетание «печать отвержения» в сравнении с первым вариантом («*mənhus bir damğa*») точнее передано вторым переводчиком («*səfalət damğası*»). Оба автора перевода в основном сумели озвучить на переводимом языке другую фразу-сравнение: «тяжело, как милостыня» («*sədəqə kimi ağırdır*»), хотя, в отличие от оригинала, в переводе речь персонажа загромождена лишними словами, при-

ведшими к нарушению грамматического и смыслового строя родного языка. Переводчики оставили непереуведенными слова «солдатская» и «шинель». К стилистической ошибке относится употребление в переводе слова «mənim» (mənim soldat şinelim), – мы уже говорили, что в азербайджанском языке личное окончание (şineli-m) указывает на лицо без притяжательного местоимения.

К шероховатости переводчиков ученый относит перевод слова нейтрального стиля «морочите» (вместо «tovlayırsınız» в переводе «aldadırsınız»); «каналы» («qırıǵmallar», в переводе «alçaqlar»); «пороть» («kötəkləmək», в переводе «döymək») и т.д. В переводах читатель особенно часто встречается с несоответствиями эквивалентного употребления устойчивых словосочетаний и пословиц, что вводит читателя перевода в заблуждение. Так, к фразеологизму «выше лба уши не растут», означающему «всему свой предел», Дж. Меджунбеков выбрал ошибочный аналог: «Nə tökərsən aşına, o da çıxar qaşığına» и т. д.

Примечательно, что в каждом случае ученый приводит свое мнение о рецепции переводчиками той или иной фразы из лермонтовской прозы, уточняя представление читателей об исследованиях произведений русского поэта, об истории и качестве переводов его прозаических творениях в целом, о состоянии изучения его художественного наследия в нашей стране, предлагает конкретные рекомендации для создания более адекватных новых переводов прозы опального поэта. Вся теоретическая и практическая новизна и зачимость предложенной читателям монографии заключается именно в этом.

В книге глубоко осмысливаются многие историко-филологические решения неразрешенных поныне вопросов, касающихся жизненных фактов и творческих страниц русского поэта, что, нам думается, еще более усиливает интерес научной общественности и простых читателей к рецензируемому труду Тельмана Джафарова.

Однако вызывают обоснованное недоумение представленные в монографии отдельные, уже давно решенные факты, связанные как с творческой, так и с жизненной биографией М.Ю.Лермонтова. К таковым следует отнести пребывание русского поэта в Шуше, его знакомство с А.Бакихановым, И.Гуткашенским, М.Ф.Ахундовым, участие последнего в помощи в переложении дастана «Ашыг Гариб» на русский язык (Гаджиев А.Дж. «О неизвестном русском переводе дастана «Ашыг Гариб», «Литературный Азербайджан» 2003, № 10, с. 120-122), названном автором перевода «турецкой сказкой» (Садыхов М.З. «Русские писатели об Азербайджане. Русско-азербайджанские литературные связи первой трети XIX века». Баку, Гянджлик, 1970, 144 с. и другие исследования) и т. д., которые однозначно уточнены некоторыми последующими русскими и азербайджанскими литературоведами. Поэтому, собираясь вести речь о перечисленных спорных страницах деятельности Лермонтова, следовало бы обобщить последние достижения русского и азербайджанского лермонтоведения, а не говорить о них с позиции середины и конца прошлого столетия (см.: Андроников И.Л. «Лермонтов. Исследования и находки». Издание третье. М.: Художественная литература, 1969, 607 с.).

Тем не менее, проведенный в новой монографии Тельмана Джафарова литературно-критический анализ убеждает, что в целях бережного донесения до читателя всего богатства, идейно-тематического содержания, жанрового и художественного своеобразия прозы М.Ю.Лермонтова ученый, по достоинству оценивая и обобщая художественное мастерство и принципы разных переводчиков, стремился средствами родного языка к более верной передаче речевой и портретной характеристики персонажей его произведений. При этом в книге автором определены конкретные важные требования к последующим переводам прозы М.Ю.Лермонтова.

ХОСРОВ НАТИЛ

*Неотправленное письмо
Габриэлю Маркесу*

**За тридцать земель
Вы жили, Габриэль.
Пишу с каспийского берега –
Далёко от меня
Латинская Америка.
Тащу в свою строку,
Стряхнуть с себя хочу
Я «сто лет одиночества»...
Есть мастера витийства,
Есть мастера и маги,
Волшебники пера,
«История убийства» -
Не ложь и не игра.
В Колумбии далекой
Последний ваш приют.
Услышанный эпохой,
Свершив свой главный труд,
Ушли под сень Аллаха...
Но слову – вечно жить!
Букет из Карабаха.
Хотел бы возложить
На ваш приют последний,
Как знак любви всесветной –
Не дотянуться мне...
От острова Жилого,
Где я тружусь сейчас,
Не дозовется вас
Взволнованное слово
Безвестного певца...
Родись вы в Зангелане,
Живи вы в Ходжалы,
Увидели бы раны
Замученной земли,
Которую «пираньи»
Взорвали и сожгли...**

***

**Взрастет ли снова слово
Из малого зерна?..
Иль поглотит сурово
Мой голос тишина,**

В которой нет ни солнца,
Ни ветра, ни дождя,
В которой не придется
Из тьмы небытия
Увидеть вас, живого,
И сына моего,
И с острова Жилого –
Отчизны торжество...
Что ж, смертным не судьба
Восстать опять из праха
По милости Аллаха...
Под небом ясным, чистым
Услышать марш оркестра,
И разглядеть толпу
Всех вас, меня несущих
В последний скорбный путь...
Фантазиям не место,
Я сбыться не сумел...
Прости меня, маэстро,
За тридевять земель...
Шушинцем вы могли бы быть,
И в Джабраиле жить,
Спесь из «пираний» выбить
И кривду сокрушить...
Читал я в переводе
О пассиях гулящих –
Признанья гедониста,
Художника Колумбии,
Кому-то, может, любые...
Я с острова Жилого
Лечу домой, в Баку.
К вам обращаю снова
Взволнованное слово –
Увы, я не могу
В незрелую строку
Вместить свою тоску
И рокот вертолета,
Звучащего в ушах,
Боль моего народа
С названьем «Карабах»...

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

АЙДЫН ТАГИЕВ

РАССКАЗЫ

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Клакер¹

Наги любил с энтузиазмом хлопать в ладони. Его хлопки сотрясали зал. Если в школе проводились собрания или какие-нибудь другие торжественные мероприятия, то учителя всегда сажали его в первые ряды. Знаниями на уроках он не блистал, однако в таких мероприятиях был незаменим. После окончания речи директора школы другие ребята могли запоздать с аплодисментами, зато хлопков Наги хватало на весь зал. Директор школы говорил, что Наги мальчик смысленный и просил учителей всегда положительно оценивать его знания.

В праздничные дни его всегда приглашали на демонстрации и, приведя в порядок его одежду, ставили во главе колонны. После каждого произнесенного лозунга или призыва Наги начинал усердно хлопать, вселяя в участников демонстрации еще больший энтузиазм. Довольный таким положением дел, председатель колхоза уже решил для себя, что после окончания школы оставит Наги в колхозе; пусть гуляет себе, не работает, поручу, чтобы ему хорошо платили, бестия, только дай ему знак, сразу начинает хлопать в ладоши. Даже в депутаты его можно выдвинуть, пусть наверху знают наших.

В школе уже никто не сомневался в его будущем, и школьные товарищи начали завидовать Наги. Внешне это выражалось в том, что одноклассники часто ссорились с ним, обижали его и сами на него обижались, во время ответов Наги у доски не подсказывали ему шепотом, не позволяли ему списывать контрольные работы. Но Наги не обращал на это внимания, он знал, что оценки ему будут выставлены, а сам он будет переходить из класса в класс.

Однако...

...Была зима. Занятия во второй смене закончились, звонок уже прозвенел. Проголодавшиеся ученики, создавая давку и толчею, выходили из школы. Кто-то сзади не то толкнул Наги, не то он сам споткнулся – только он не устоял на ногах и упал на правый бок, подмяв под себя правую руку. Стонущего Наги с трудом подняли на ноги. Рука у него висела плетью. Отвели его к местному костоправу. Тот сказал, что это вывих, успокоил родителей, что ничего опасного нет... Вправил Наги сустав, и мальчик несколько дней приходил в школу с перевязанной рукой.

Как назло, в эти дни в школе намечалось проведение разных мероприятий: доклады, выступления, поздравительные речи, обращения...

Директор школы волновался, места себе не находил. «Нашел тоже время руку поранить, – думал директор. – Оскандалюсь я перед приехавшими сверху гостями. Ре-

---

¹ Клакер – наемный рукоплескатель.

бьята сидят мрачные, словно в трауре. Разве так трудно хлопать в ладоши?! Влепят мне выговор за слабую идейно-пропагандистскую работу...»

А рука Наги все не выздоравливала. Родители были вынуждены отвезти его к врачу в райцентр. Осмотрев руку Наги, врач недовольно покачал головой. Он велел ему подождать во дворе, пока он поговорит со взрослыми. Когда мальчик вышел, врач объяснил отцу, что лечить и сделать что-то уже поздно. «Где же вы были до сих пор, бессердечные?! У Наги уже началась гангрена, придется ампутировать руку ниже локтя, в противном случае ребенок может умереть».

Наги горько всхлипывал, болело не только место ампутации, он чувствовал боль и в уже несуществующей части руки. К физической боли ребенка примешивались душевные страдания и понимание, что теперь, потеряв возможность хлопать в ладоши, прожить ему в этом мире будет нелегко.

Фарфоровый сервиз

В семье Рагима у всех было плохое настроение. Точную причину Рагим выяснить и понять не мог: то ли ворчливая жена, то ли тяжелое финансовое положение.

Дети за лето подросли, на носу новый учебный год, их нужно одеть, собрать в школу, да и с продуктами проблема, их всегда не хватало.

Вся беда в том, что дома ничего стоящего, что можно было бы продать, не было, только оставшиеся в память о матери две старинные фарфоровые пиалы.

Кажется, жена решила в этот раз выставить пиалы на базаре для продажи, узнала, что за них можно получить хорошие деньги.

Рагим заподозрил что-то неладное, когда жена взяла с полки пиалы, стерла с них пыль и стала со всех сторон придирчиво рассматривать. У Рагима сердце ёкнуло. Однако он не подал виду, мол, ничего странного, просто жена занимается своей повседневной работой.

Но когда хозяйка дома напомнила мужу о приближении школьного года, о необходимости обновить гардероб детей, о нехватке продуктов в доме, муж прямо посмотрел в лицо жены.

– Что ты задумала, теперь хочешь пиалы продать?

– Что еще можно продать из твоей рухляди? – ответила жена со злостью.

– Это память о маме, единственное, что осталось от ее приданого.

– Разве твоя мать была лучше меня, а?

– Следи за свои языком!

– Я слежу, и знаю, что говорю. Я уже продала все свое приданое и потратила на твоих детей и на дом.

– Это и твои дети.

– Да, но я не с собой их принесла...

Рагим понял, что пустым препирательством он жену не одолеет. Поэтому некоторое время он молчал, ведь он был мужчиной и не хотел, чтобы жена его жалела, хотел показать свою мужскую власть, дать ей время, чтобы она успокоилась и смягчилась.

– Мне кажется, если мы продадим эти пиалы, то мне будет стыдно предстать перед матерью.

– Смотри-ка, стыдно будет предстать перед матерью! Дети босы, лето на дворе, а они сидят взаперти... Его заботят не живые, перед ними ему не стыдно, перед покойными стыдно...

– Вот если бы кто-нибудь дал в долг! – схватился за соломинку Рагим.

– Долг тоже выплачивать надо.

Рагим потерял последнюю надежду.

В таком состоянии он и пришел на работу. Он сидел, нахмурившись, за своим столом, и никто из сослуживцев не интересовался причиной его мрачного настроения. На работе уже все привыкли к тому, что Рагим постоянно пребывает в таком состоянии, и если бы вдруг сегодня он улыбался, то это уж точно бы всех очень удивило.

Рагим с расстроенным видом копался в бумагах, когда его жена, открыв дверь, просунула голову вовнутрь; это было уже не в первый раз...

Рагим, встав с места, нервной походкой вышел из комнаты. Увидев подмышкой у жены сверток, он сразу понял, в чем дело...

– Разве здесь базар? – нервно спросил он.

Голос жены на этот раз был намного мягче, чем дома.

– Киши, говорят, что ваш заведующий – знаток и ценитель всяких старинных штучек. Может, ему и продадим? Заодно и уважение завоюешь.

Это обращение «киши» несколько смягчило Рагима. А почему бы и нет, ведь все равно пиалы решено продать. После этой купли-продажи в отношениях с заведующим могла появиться некоторая близость. Рагим в душе даже похвалил жену за бойкость, да и покупатель будет ему известен. Бог даст, может быть. со временем он соберет деньги и ему удастся вернуть эти фарфоровые пиалы, как-никак память о матери.

В это время заведующий вышел из кабинета в коридор. Жена Рагима быстро выступила вперед:

– Салех-гардаш, посмотри, пожалуйста, у меня есть вещь, достойная тебя. Пара настоящих старинных фарфоровых пиал...

Заведующий Салех косо посмотрел на пиалы.

– Пах-пах! – с иронией засмеялся он. – Ну и везет же мне. Другим заведующим подчиненные подарки дарят, а мои ищут покупателя понаивнее.

Жена Рагима сразу обмякла.

– Взяточник! – разошелся обиженный Рагим. – Толстопузый! Разве я тебе должен что-то, чтобы еще и подарки дарить!..

Жена Рагима была удивлена вылившимся гневом мужа даже больше, чем заведующий Салех. А Рагим уже не мог успокоиться:

– Из-за козней таких самодовольных, как ты, мы влачим нищенское существование!..

И заведующий Салех, и жена Рагима застыли на месте. Даже жена никогда не видела Рагима в таком бешенстве.

Пятясь задом к себе в кабинет, заведующий услышал угрозы Рагима:

– Хватит, ты переполнил мою чашу терпения!..

Затем, немного успокоившись, Рагим повернулся к жене:

– До начала занятий в школе осталось мало времени, да и дома кушать нечего. Что ж, выхода нет, иди на базар и продай их за сколько сможешь!

Однако вечером, вернувшись домой, Рагим увидел, что фарфоровые пиалы стоят на полке на прежнем месте.

Вечер сказок

В мирные времена весельчак по имени Джавад вместе с друзьями отдыхал в укромном уголке так называемого «дикого пляжа» на черноморском побережье Болгарии, которую называли шестнадцатой республикой могущественного государства СССР. После возвращения на родину, рассказывая о поездке, он ругал советскую власть за то, что флаг у государства красный, а жизнь у народа черная.

Если Джавад так взалхлеб расхваливал жизнь в зарубежной социалистической стране Европы, то как же люди жили во вражеском для нас капиталистическом мире?!..

Какая разница, отчего – то ли проклятья таких, как Джавад, действовали, то ли это наказание за то, что флаг у государства красный, а жизнь у народа была черная – это нас не касается.

И вот, двое молодых парней, выпивая и закусывая в одном из столичных баров на родине, от всей души верили, что, сделав свой флаг красным, государство, как говорил Джавад, жизнь народа сделала черной. Настоящий кайф – это независимость, свободное общество! Раньше им казался несбыточным даже при наличии денег сказочный кайф, а теперь за ним не надо было туристом ехать за рубеж.

В баре все выглядело каким-то загадочным, как в сказке. Начиная с интерьера и кончая песнями и подаваемыми блюдами, все казалось необычным и чудесным. И сидящие за столами клиенты, и обслуживающие их официанты, казалось, пришли из мира сказок.

– Здесь все, как в сказке, – сказал шикарно одетый симпатичный молодой человек сидящему напротив товарищу. – Сама эта ночь похожа на сказочный вечер...

Его друг Казым был занят едой и выпивкой. Песни сменяли друг друга. Он вдруг внимательно прислушался:

*Чувства к тебе изменились вдруг,
Уже не люблю тебя, все прошло, мой друг.*

Слова песни его встревожили. Нет, его чувства к кому-то изменились не сразу. Эти чувства родились, выросли, окрепли, состарились и, наконец, умерли.

Что же касается любви, действительно, все прошло, в такую сказочную ночь не хочется верить в существование любви, в такую сказочную ночь хочется только страсти и влечения.

От этих мыслей по всему телу разлилось странное тепло. Он еще раз огляделся вокруг, но уже как-то по-другому, с каким-то странным чувством. Он уставился на девушек, сидящих за столиком немного поодаль. Заметив его устремленный на девушек взгляд, Казым с усмешкой сказал:

– Слушай, настоящая сказочная ночь начинается после этого.

Старый, закадычный друг в ответ промолчал. У них было совместное предприятие, дела шли хорошо, деньги текли, и они были очень довольны жизнью. До сих пор они ни разу не заводили разговора о девушках, это была, наверно, единственная тема, которой они не касались.

Девушки за столиком, вероятно, ждали своих парней. С виду это были воспитанные девушки, в меру накрашенные, в меру наряженные, в меру модно, но не кричаще одетые.

Сколько он ни старался, оторвать глаз от одной из девушек не получалось. Может, она привлекла его тем, что сидела грустная, понуриив голову. Вдруг ему показалось, что эта грустная девушка, наверно, думает о том же, что и он:

*Чувства к тебе изменились вдруг,
Уже не люблю тебя, все прошло, мой друг...*

В результате этого неожиданного вывода девушка вдруг стала ему как-то роднее, ему показалось, что он встретился с близким человеком, которого давно искал и не находил. Если честно, то встреча со «старым знакомым» в таком месте была ему не по душе, однако он ничего не мог с собой сделать. Кто знает, когда они еще встретятся, да и где?

Казым поднял бокал:

– Что, понравилась?

Он не ответил.

Затем Казым оценивающим взглядом также посмотрел в сторону девушек:

– Видно, кого-то ждут, а не то давно бы нашли клиентов...

Из всех девушек в баре они действительно казались ему самыми очаровательными, а «грустная девушка» была просто неотразима. Она была до того мила и хороша, что кровь вскипала, и это было не только проявление мужской похоти.

Он решил, что обязательно должен с ней познакомиться и пригласить за свой столик. Чего бы это ни стоило... Он заплатит больше, чем надо...

Кажется, Казым понял, в чем дело.

– Если так нравится, – сказал он, – то тогда чего ты ждешь? Пока не пришли их парни, вставай! Попытайся, может, получится.

Он решительно поднялся. «Грустная девушка» поняла, что он направляется к их столу, еще ниже опустила голову, притворившись, что не видит его.

По мере приближения к столику, за которым сидели девушки, он все больше терял свою решительность. Он разозлился на себя: «Дурак! Будто идешь к любимой девушке в любви признаваться! Не обращай внимания на ее грустный вид, сколько таких, как ты, она повидала!..»

Мысль о каком-то другом парне разозлила его еще больше: «Чем ты хуже него? И с виду хорош, а самое главное – в кармане есть деньги. Сейчас время денег! Если подумать, то деньги всегда играли большую роль... Просто, выбрав для своего флага красный цвет, советское государство обрекло состоятельных людей на черную жизнь. Слава богу, что мы теперь свободные граждане независимой страны. Теперь не нужно за кайфом ехать за границу. Не умирать же этим девушкам с голоду, если они не знают другого пути, как заработать деньги...»

Эти мысли придали ему уверенности, и в таком почти воинственном состоянии он подошел к столику девушек.

– Милые дамы, – сказал он, – вместо вас я здорово разозлился...

– Простите, а вы кто? – испуганно спросила «грустная девушка».

– Какая разница? – спокойно ответил он.

– Разве мы не должны знать, кто решил позаботиться о нас? – усмехнулась ее приятельница блондинка.

– Да просто один земляк... – на этот раз он тоже засмеялся.

– Хорошо, а почему земляк так переживает за нас? – улыбнулась «грустная де-

вушка».

Мостик между ними был выстроен, осталось укрепить его.

– Не знаю. А кто заставляет вас так долго ждать: наш земляк или иностранец?

– Совсем не ожидали от вас, – на этот раз ответила со злостью блондинка. –

Разве мы похожи на девушек, которые водят знакомство с иностранцами?

Он не хотел признаваться в поражении, но все же тон смягчил:

– По правде говоря, – спокойно начал он, – нелегко это проверить. Однако я не имею права вам не верить.

Все трое замолчали, он испытывал неловкость и не знал, как выйти из неудобной ситуации.

– Что вы предлагаете? – наконец прервала общее молчание блондинка.

Конкретный вопрос девушки немного смутил его, но он дал на него конкретный ответ:

– Если для вас нет разницы, то мы готовы...

Такая открытость и деловитость в разговоре понравились блондинке, а «грустная девушка» сидела, задумавшись. «Наверно, цену себе набивает, – подумал он. – Сколько захочет, столько и заплачу».

– Как ты думаешь, Гюля? – блондинка коснулась руки подруги.

– А вдруг они придут, тогда как быть? – робко заметила «грустная девушка», которую назвали Гюлей.

Блондинка немного задумалась.

– Эх, ну и пусть, – вдруг решительно сказала она, – как-нибудь спровадим их.

Девушки пересели за их столик, молодые люди сделали уже новые заказы, и в это время в дверях показались два молодых человека. Увидев их, блондинка растерялась. Казым заметил это:

– Это те, кого вы ждали?

– Как нехорошо получилось! – блондинка не могла скрыть смущения.

Блондинка понравилась Казыму и он, расстроившись из-за такой быстрой потери своей «добычи», со слабой надеждой в голосе пробормотал:

– Может, спровадите их как-нибудь?

Блондинка встала и, повернувшись к подруге, сказала:

– Ты подожди, посмотрим, что я смогу сделать...

Блондинка подошла к разгневанным парням и вывела их из зала. «Грустная девушка» не позволила ему выйти за блондинкой. Через некоторое время блондинка вернулась. Она извинилась, отвела подругу в сторону и о чём-то стала с ней шептаться. Затем она подошла к парням и смущенно проговорила.

– Понимаете, даже не знаю, как сказать...

– Говорите всё, как есть, зачем смущаться?

После этих слов блондинка воодушевилась:

– Я вижу, вы хорошие ребята, сами все понимаете. Дело в том, что мы потратили их деньги...

Парень сразу понял, в чём дело:

– Значит, для того, чтобы их проводить, нужно им заплатить? – спросил он.

Девушка потупила голову.

– Сколько?

...Смотри-ка ты, какая у них цена!

Он опустил руку в карман брюк и спокойно сказал:

– Проблем нет.

Блондинка сжала в кулаке полученные деньги, словно боялась, что он раздумает и потребует их обратно.

Запинаясь, она продолжила:

– Дело в том, что мы хотели бы сегодня тоже что-нибудь с них получить...

Парню стало смешно от этой алчности:

– Ничего, это мы тоже оплатим...

...Услышав сумму, Казым рассвирепел. Успокаивая друга, он услышал, как певец вновь запел:

*Чувства к тебе изменились вдруг,
Уже не люблю тебя, всё прошло, мой друг...*

Интересно, почему Казым всё измеряет деньгами?!

Может быть, «грустная девушка» поняла, что больше уже не сможет полюбить, и поэтому посещает бары?..

А сам? С «грустной девушкой» его сближали те же родственные чувства и переживания...

Казым сидел, нахмурившись. Причина этого девушкам была известна, они также отчётливо слышали слова, сказанные потихоньку парнем Казыму:

– Слушай, успокойся, я оплачу и твои расходы.

– Почему вы взяли на себя такие расходы? – спросила его «грустная девушка», когда они остались вдвоем.

Он задумался. Подумал, что надо так ей ответить, чтобы она не смеялась над ним...

Самым верным ответом была только правда. А правда была такова, что, поняв всю тщетность влюбиться ещё раз, нельзя быть скрягой, когда тратишь деньги на женщину, связанную с тобой какими-то нитями души...

После такого ответа «грустная девушка» некоторое время молчала, а потом зарыдала. Вытерев слёзы, она прошептала:

– А я уже о другом подумала...

Он не спросил, о чём она подумала. Зачем?

Утром девушки в комнате уже не было. Она ушла. На столе лежали деньги, данные им вчера и что-то похожее на письмо: «Я даже не спросила твоего имени! По правде говоря, мы с подругой обманным путём хотели побольше денег выудить у вас. Однако иногда для меня деньги тоже ничего не значат...»

...Вечер сказок сказкой же и завершился.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

«Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи.

Мне известны только три эпизода резкого протеста: движение отряда генерала Иванова на Царское Село, организованное Ставкой в первые дни волнений в Петрограде, выполненное весьма неумело и вскоре отмененное, и две телеграммы, посланные государю командирами 3-го конного и гвардейского конного корпусов, графом Келлером и ханом Нахичеванским.

Оба они предлагали себя и свои войска в распоряжение государя для подавления мятежа».

«Очерки русской смуты». Генерал-лейтенант царской армии А.И.Деникин.

Некоторым покажется непонятным, как в такую частную компанию попал мало кому известный сегодня хан Нахичеванский.

Однако во время описываемых событий, в феврале 1917 года, генерал-адъютант, генерал от кавалерии (чин II класса «Табели о рангах»), Гусейн-Хан Нахичеванский был довольно известной личностью среди приближенных императора Николая II.

Следует отметить, что среди полусотни азербайджанских генералов, служивших в императорской армии, Гусейн-Хан Нахичеванский – единственный, кто смог достигнуть такого высокого командного положения. Казалось бы – откуда такое солидное количество азербайджанских генералов за не столь большой срок вхождения Азербайджана в состав России (менее 100 лет)?

Территорию будущего Азербайджана представляли ханства, которые в целях расширения и укрупнения своих территорий, как «настоящие» соседи, вели между собой бесконечные войны. Для достижения победоносной цели ханы, независимо от религиозных конфессий, к которым они принадлежали, заключали выгодные на данный момент войны «дружественные» союзы.

Россия, воспользовавшись враждебной разобщенностью ханств, сумела, где в качестве союзника, а где и просто захватчика, присоединить значительную часть Закавказья. Причем, «присоединение» происходило в разные годы и при разных обстоятельствах, в зависимости от харизмы того или иного хана.

При всех возникших негативных моментах существования страны под пятою захватчика, народ получил и позитивное явление: окончание междоусобных войн, что благоприятно отразилось на мирном укладе жизни местного населения.

Все бывшие ханы, в качестве возмещения утраченных ханских привилегий, получали титулы высших офицеров, преимущественно генералов императорской армии.

А поскольку ханств было солидное количество, то, соответственно, и новоиспеченных генералов тоже стало немало. К тому же они, по существу, оставались владельцами своих земель и крестьян.

Сыновья этих генералов (Нахичеванские, Карабахские, Талышинские, Бакихановы, Каджары, Хойские, Ширванские, Шихлинские и др.) с малолетства, как и дети российских дворян, записывались в элитные царские полки. А дальше, в подростковом возрасте, шло обучение в кадетском корпусе, по окончании которого азербайджанские юноши становились офицерами императорской армии. Теперь все зависело от природных способностей молодого человека и от его военного везения.

Именно по такой схеме образования вышли в генералы отпрыски семьи Нахичеванского хана.

Дед Гусейн-Хана – Эхсан-Хан Кенгерли – был последним правителем Нахичеванского ханства. В молодости он состоял на персидской службе.

Участвуя в персидско-турецкой войне 1821-23 гг, был за отличия удостоен титула «хан». С 1822 по 1827 год, будучи командиром Нахичеванского батальона сарбазов, имел звание серхенг (полковник) шахской армии. Занимал должность начальника псовой охоты наследника персидского престола.

Во время русско-персидской войны 1826-28 гг. по договоренности с русским командованием сдал им крепость Аббас-Абад и принял подданство России. Эхсан-Хану был присвоен чин полковника русской армии и он был назначен наибом Нахичеванского ханства. В 1831 году был удостоен ордена Святой Анны 2-й степени. В 1837 году Эхсан-Хан был произведен в генерал-майоры.

Эхсан-Хан имел двух сыновей, которые пошли по стопам отца в военной карьере.

Исмаил-Хан стал генералом от кавалерии, а Келбали-Хан – генерал-майором. Он-то и был отцом Гусейн-Хана. Жена Келбали-Хана, Хуршуд-Ханым, родила восьмерых детей, седьмым из которых был Гусейн-Хан (род. 1863).

Проследив юность и становление Гусейн-Хана, можно ознакомиться с обычным воспитанием юноши дворянского (ханского) сословия в Российской империи.

В десять лет мальчик был зачислен в пажи к Высочайшему двору, а в 14 лет – в привилегированный Пажеский Его Императорского Величества корпус, который готовил гвардейских офицеров.

Юноша был вывезен из родного теплого Нахичевана в северный холодный Петербург. Отныне он уже не будет играть на вершине горы Иландаг (Змеиная гора), любоваться памятниками средневековой архитектуры: мавзолеем Юсифа ибн Кусейра и не менее знаменитым мавзолеем Момине-Хатун, жены атабека Джахан Пехлевана, крепостью Гяур-Гала и уникальной пещерой Асхаби-Кяхф.

Автор, по роду своей работы часто приезжая в Нахчыван, с удовольствием посещал вышеперечисленные достопримечательности Нахчыванской автономной республики, сохранившие прелесть первоначальной красоты. Именно в те времена автор познакомился с немолодым уже человеком аристократической внешности, резко отличавшей его от окружающих. Как конфиденциально сообщили его сослуживцы, «товарищ Кенгерлинский» (Кенгерли) был потомком известной в Нахчыване семьи.

Вначале Гусейну было трудно привыкнуть к незнакомому русскоязычному окружению. И хотя в учебном заведении находились ещё несколько кавказских земляков,

они были из других регионов Кавказа и потому их разделяло разноязычие. Уже намного позже, освоив русский язык, они стали более близки друг другу. Конечно, посещение Летнего сада, прогулки по Невскому и придворная жизнь также помогали справиться с тоской. Постепенно юноша с Кавказских гор начал забывать свой солнечный пыльный городок и восхищаться творениями города Петра I. По окончании корпуса, в сентябре 1883 года, высочайшим указом Гусейн-Хан был произведен в корнеты и направлен в элитный лейб-гвардии Конный полк, шефами которого традиционно были императоры России.

Блестящее образование и аристократические манеры молодого офицера открывали для него двери в дома столичной знати. Увлечшись модной поэзией А.Пушкина и М.Лермонтова, Гусейн-Хан был принят в литературные круги Петербурга.

Здесь в 1888 году на одном из поэтических чтений он и встретил единственную в своей жизни любовь.

Софья Николаевна Гербель родилась в 1864 году в Петербурге. Рано потеряв мужа, титулярного советника барона Таубе, она находилась в статусе вдовы. Её отец, известный поэт, переводчик и издатель Николай Васильевич Гербель осуществил перевод в стихах со старославянского поэмы «Слово о полку Игореве», который весьма благосклонно был принят учеными-филологами того времени.

Брак мусульманина Гусейн-Хана Нахичеванского с лютеранкой Софьей состоялся в 1889 году. Можно предположить, что Софья приняла лютеранство, поскольку православие запрещало браки с мусульманином. Освящение брака состоялось в католическом соборе. Супругу было предложено отказаться от многоженства и воспитывать детей в христианстве. Однако любовь молодого поручика лейб-гвардии к красавице Софье преодолела эти незначительные условия. Это был, наверное, один из редких браков в России в сочетании таких конфессий. Софья Николаевна в связи с высоким происхождением мужа была возведена в княжеское достоинство.

Началом военной карьеры поручика Гусейн-Хана было, как ни странно, получение персидского ордена Льва и Солнца 4 степени, врученного ему в 1890 году за отличный эскорт делегации шаха Персии. Отличаясь усердием и почтительностью, Гусейн-Хан за время службы неоднократно назначался в сопровождение шаха по России, благодаря чему удостоился многих государственных наград Персии.

А уже в 1894 году «за отличие по службе» штабс-ротмистр Гусейн-Хан был удостоен своей первой российской награды – ордена Святого Станислава 3 степени. Дальше награды, повышения в чинах и командование воинскими подразделениями шли по нарастающей.

Русско-японскую войну 1905 года Гусейн-Хан встретил в чине полковника, будучи командиром 2-го Дагестанского конного полка, где показал себя способным военачальником. По окончании войны он был назначен командиром прославленного 44-го драгунского Нижегородского полка.

Находясь в Петербурге в составе депутации Кавказской Конной бригады для представления императору, Хан Нахичеванский выдвинул идею: вручить царскому наследнику Алексею парадную форму Нижегородского полка.

Государь вышел к депутации в сюртуке Нижегородского полка вместе с императрицей и августейшими детьми. Государь держал на руках наследника-цесаревича Алексея. После приветствия депутации государем командир полка Гусейн-Хан Нахичеванский поднес цесаревичу Алексею парадный миниатюрный мундир и миниатюрную шапку.

Император поблагодарил делегацию, а затем обратился к Гусейн-Хану: «В память о сегодняшнем дне я назначаю вас флигель-адъютантом».

При этом император подошел и, крепко обняв его, поцеловал.

В июле 1909 года за отличную службу Гусейн-Хан был произведен в генерал-майоры. Ордена чередовались с повышениями в чинах.

Первую мировую войну (1914 г.) Хан Нахичеванский встречает в чине генерал-лейтенанта, командуя специальным Конным отрядом, состоящим из 4-х конных дивизий, прикрывавших правый фланг 1-ой армии (командующий Ренненкампф) на линии Витгирен-Мальвишкен (Восточная Пруссия).

Автор не имеет намерение комментировать Первую империалистическую войну, куда Россия, по существу, была втянута в силу союзнических обязательств. К тому же, отдельные смелые атаки подразделений и героизм российских солдат и офицеров, в принципе, не привели к конечному успеху на линии фронта России. Ознакомившись с документами оперативной информации 1-й армии, даже не являясь военным специалистом, можно сделать вывод, что не все операции в этом подразделении завершались благополучно, а если победы и были, то с большими и несоизмеримыми людскими потерями.

А уже вскоре, по случаю назначения Гусейн-Хана командиром 2-го Кавалерийского корпуса, он прибывает в Петербург, где приглашается на завтрак в семью вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

В своем дневнике по этому поводу она сделала запись:

«15 октября 1914 года. Среда....Завтракал с нами Хан Гуссейн Нахичеванский, который много и занимательно рассказывал обо всем происходящем на фронте. Он был ранен, но теперь снова едет на передовую. Он получил командование Кавказской Конной Дивизией, в которую входят Мишины полки».

(Дневники Императрицы Марии Федоровны)

Императрица Мария Федоровна особенно переживала за своего младшего сына, «любимого Мишу», и она не зря поручила и честь, и саму жизнь бывшего наследника престола Великого Князя Михаила Александровича генералу Гусейн-Хану Нахичеванскому. Мария Федоровна давно и хорошо его знала.

Здесь уместно будет напомнить, что в 1914 году в Россию был возвращен младший брат императора Великий Князь Михаил Александрович, не по своей воле с 1912 года проживавший вне России. Дело в том, что командир Кавалергардского Ее Величества Полка полковник Великий Князь Михаил Александрович без разрешения Высочайшего Двора, осенью 1912 года, в Венском православном соборе, тайно обвенчался с женщиной, не только не принадлежавшей к царской фамилии, но до венчания с Великим Князем уже дважды находившейся в законном браке. Первая и пылкая любовь Михаила Александровича к Наталии Сергеевне Мамонтовой (ставшей в 1915 году графиней Брасовой), ответившей ему полной взаимностью, не принималась во внимание и была сочтена как оскорбительный выпад против всей царской семьи. За подобное своеволие, признанное еще и неслыханным позором для всего Дома Романовых, различными тщательно скрываемыми от народа законодательными актами Великий Князь был лишен всей принадлежащей ему немалой собственности, должности командира Кавалергардского полка и огромных прав Великого Князя.

Вот почему императрица-мать проявляла беспокойство, под чьим руководством будет находиться её любимый отпрыск.

В Корпус также вошли уже существовавшая ранее 12-я Кавалерийская дивизия под командованием генерал-лейтенанта А.М. Каледина и дивизия генерала-лейтенанта Карла Густава Маннергейма, в будущем известного маршала и президента Финляндии.

Если подвести итоги военных успехов Гусейн-Хана Нахичеванского за период его служебной карьеры, то за личное мужество и успешное командование соединениями генерал был награжден 15 российскими орденами и 9 иностранными, в том числе тремя высшими полководческими орденами, включая Орла с мечами, и произведен в чин генерала от кавалерии и генерал-адъютанта.

Никто из азербайджанцев ни до него, ни после него не достигал в служебной иерархии Российской Императорской армии таких высот.

Ну что ж, как бы ни симпатичны нам были наши герои повествования, на то и война, чтобы за уничтожение противника получать чины и награды.

Поразительно, что уже с момента сотворения мира, Всевышний спокойно наблюдает, как его подопечные неистово уничтожают друг друга (Первый пример – Авель и Каин.)

Февральская революция 1917 года застала генерала в районе города Ровно, куда Ставка Верховного Главнокомандующего отправила Гвардейский кавалерийский корпус в резерв.

Первое предложение отказаться от Российского Престола было направлено Государю Императору 26 февраля 1917 года. Телеграмма была подписана Председателем Четвертой Государственной Думы М.В. Родзянко:

«Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

В тот же день, для поддержки обращения, М.В.Родзянко направил телеграммы всем командующим фронтами. Оказалось, что особой агитации генералов, казалось бы, даже самых верных Государю и Отечеству, не потребовалось.

Ни один из командующих фронтами не оказался верен Государю и Присяге. В их завуалированных фразах речь шла о полной поддержке высшим генералитетом отречения Государя от власти.

Действительно, «Умом Россию не понять!»

Историческое отречение от Российского Престола Государя Императора Николая II состоялось 2 марта 1917 года, в Царском поезде, в древнем русском Пскове.

Получив из Ставки это сообщение, генерал Гусейн-Хан Нахичеванский отправил начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В.Алексееву следующую телеграмму:

«До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха.

Генерал-адъютант Хан-Нахичеванский. № 277, 03 марта 1917г.»

В последующих действиях генерала явно прослеживается искренняя верность последнему императору России. В отличие от большинства военачальников, Гусейн-

Хан отказался присягать на верность Временному правительству. И здесь главное не в личной любви и преданности Гусейн-Хана Нахичеванского к Николаю Александровичу Романову, а именно, наряду и с этими человеческими выражениями чувств, хочется отметить его верность присяге, данной царю и отечеству.

К сожалению, именно этот момент проигнорировал генералитет России, предав сначала царя, а затем расплатившись за это потерей отечества.

Новый Главнокомандующий генерал Брусиллов уже 16 апреля 1917 года отправляет в отставку 47 генералов императорской армии, подозреваемых в монархических настроениях, в том числе и командира Гвардейского кавалерийского корпуса генерала от кавалерии Гусейн-Хана Нахичеванского.

Советская власть тоже не стала себя утруждать лояльностью к генералу и 18 мая 1918 года Гусейн-Хан, обвиненный в причастности к контрреволюционной деятельности, был арестован Петроградским ЧК.

После убийства 30 августа М.С. Урицкого и ранения в тот же день В.И.Ленина, большевики объявили «красный террор», и все сидевшие в Доме предварительного заключения стали его заложниками. Большевики исполнили свое обещание, и 29 января 1919 года узники Петропавловской крепости были расстреляны. Предполагается, что среди арестантов – великих князей находился и Хан Нахичеванский.

Супруга Гусейн-Хана Софья Николаевна эмигрировала в Ливан и в 1941 году скончалась в Бейруте.

Дети генерала, как и обещал отец, приняли православное вероисповедание. Старший сын Хан Николай Нахичеванский родился в Петербурге в 1891 году. После окончания Пажеского корпуса в 1911 году был произведен в корнеты в Лейб-гвардии Конный полк. Умер в 1912 году при невыясненных обстоятельствах.

Дочь Татьяна-ханум родилась в Петербурге в 1893 году. В 1917 году вышла замуж за сына генерала от кавалерии Дмитрия Мартынова. Умерла в 1972 году в Ницце.

Младший сын Хан Георгий (Юрий) родился в 1899 году в Петербурге. Воспитанник Пажеского корпуса. Корнет Лейб-гвардии Конного полка. После эвакуации из Крыма жил вместе с матерью во Французской Сирии (Ливане). Умер в 1948 году в Бейруте. Многочисленные внуки и правнуки Гусейн-Хана живут в разных странах, преимущественно в США.

Среди многочисленной плеяды азербайджанских генералов, достойно прослуживших своему отечеству, немало достигших высоких чинов и заслуживших награды за мужество и героизм.

Однако только Гусейн-Хан Нахичеванский оставил след в истории, как один из трех последних военачальников, который до конца своей жизни остался преданным императору. Это тем более символично на фоне быстрой смены убеждений людьми, ещё совсем недавно состоявшими в активных рядах строителей коммунизма и даже преподававших эту дисциплину и интернационализм в партийных школах.

Сейчас они – ярые проповедники капитализма и узкого национализма.

Именно потому и ценен для потомков Гусейн-Хан Нахичеванский, что он не разменял своих убеждений, несмотря на угрозу его жизни.

Дождь

Всю ночь до рассвета,
оаций не ждя,
Всевышний играет
на арфе дождя.

Аккомпанементом
нестройным
вступает труба водостока.

У памятника поэту

Как вытерт каменный наряд!
Ветра папаху теребят...
Забывтый под дождем,
мне хочется укрыть тебя
своим плащом...

Рифма

Юркой рыбкой
зацепится вроде
за перо твое, как за блесну.
И – сорвавшись,
опять уходит
в сине-звездную глубину...

Луна

Скользит – без тени и без звука,
полночным домом,
старым садом,
Бетховену в глухое ухо
мурлыча «Лунную сонату»...

Обращение поэта к своему городу

Ковчег моих иллюзий эфемерных,
ты, громоздящий в небо этажи...
Ночь, как шербет
с добавкой пряной лжи,
и кривоватых улочек химеры
бредут посудомойки и гетеры,
халифы и бомжи...

Об эмиграции

Сколько лет уже подряд,
родственники и соседи –
едем, едем,
едем, едем...

Поглазеть чужой парад,
подышать чужим озоном...
Расколовшийся гранат,
разлетевшиеся зерна.

Джаз

Джаз начинается:
исподтишка
тявкнет тромбон,
хрустнет пальцами банджо...
Выйдет на двор
предрасветного ранчо,
кашляя хрипло,
седой саксофон.
И барабан,
застоявшись в конюшне,
стукнет копытом
в чью-нибудь душу...

У картины Ван Гога

Художник был и наг, и сир,
рисуя это солнце...
А нынче кормит целый мир
экспертов и торговцев.

Ровесникам

Судьба, отсылая нас адресатам,
дала нам одну исходящую дату.
И мы, не сутяжничав,
сели на вёсла...
Но разными будут
конечные даты.

ГЮНЕЛЬ ЭМИНЛИ

Родилась в 1984-м году в Баку. Окончила бакалавриатуру и магистратуру факультета азербайджанского языка и литературы Бакинского Государственного Университета. Пишет с детства. Стихи, эссе, рассказы и переводы опубликованы в различных периодических изданиях, литературных порталах. Представляла Азербайджан стихами «Та черная вещь» на фестивале женской поэзии, проведенном в 2013-м году Союзом Писателей Азербайджана и обществом «Шелковый путь». Член Союза Писателей. Была слушательницей Школы Молодых Литераторов и Президентским стипендиатом. Автор переводной книги «Между Ложью и Истиной». Диссертант Института Рукописей.

РАССКАЗЫ

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Отель «Dream»

Когда она ночью вошла в фойе, у меня перехватило дух. Черное с блёстками платье, облегающее ее фигуру, погрузило мое затуманенное от кофе сознание в еще больший туман. Покачиваясь корпусом в божественном ритме, она шла на меня, постукивая по мраморному полу острыми каблукками. Это столкновение могло бы оказаться трагичнее, чем столкновение корабля с айсбергом. Но при одном условии: я не собирался быть к ней холодным, как айсберг, но готов был испепелить своей разгорающейся страстью.

Она подошла и, глядя прямо мне в глаза, произнесла:

– Мне нужен номер.

– Пожалуйста, мы к вашим услугам. Номер-люкс? С одной ванной комнатой, с двумя, платный бар... – Я, точно попугай, скороговоркой перечислил наши услуги. Мой взгляд без устали выхватывал ее ноги, грудь, тело, плечи. Она была столь желанна, что я совсем растерялся. Вместо дежурных фраз так и тянуло жарко прошептать: «Дорогая, позволь тебя раздеть, освободить твоё роскошное тело от оков этого вечернего платья. Уже три часа пополуночи, наверно, твоя грудь устала от тисков лишней одежды, дай ей отдохнуть на моей груди». Нет, кажется, я больше не в силах был собой владеть.

– Пожалуйста, 316-ый номер, люкс, как вы того и желали. Ваш чемодан сейчас поднимут.

Я с превеликим удовольствием готов был поднять ее в своих объятьях на самый пик наслаждения.

Я указал на лифт. Собирался проводить ее до дверей лифта. Мог бы подняться с ней и в номер, но нельзя было надолго оставлять *reception* без присмотра. А она задумала свести меня с ума. Она отказалась проследовать к лифту и направилась, качая бедрами, к лестнице. Казалось, она нарочно шла медленно, чтобы я взобрался на

стойку. Дойдя до середины лестницы, она обернулась ко мне. С игривой улыбкой дала знак подойти. Я в мгновение ока оказался рядом.

– Чуть не забыла, принесите, пожалуйста, в номер красного вина и черного шоколада... Думаю, ваша кухня работает по ночам...

– Конечно-конечно, я сам вам всё доставлю.

Я подошел к своей стойке и позвонил на кухню. В трубке послышался заспанный голос Жоржи. Я передал ему заказ, поручил принести его через фойе. Я собирался перехватить у него поднос и собственноручно доставить его прекрасной гостье.

Жоржи ударился в характерное для французов упрямство, никак не хотел отдать мне поднос, а я, в свою очередь, заартачился, как настоящий итальянец. Передо мной не устоял бы весь Париж. Силой отобрав у него поднос, я поручил ему заменить меня за стойкой. И помчался во всю прыть в ее номер. Чертовка! аромат ее духов окутал весь коридор, я шел за этим флёром, как сомнамбула, как мышь на запах сыра в мышеловке. Наконец я дошел до ее номера и постучался:

– Ваш заказ готов.

Дверь открылась, я вошел. Она стояла в том же черном вечернем платье. Я положил поднос на столик возле окна. Чемодан она так и не открывала. Я смотрел на нее, затаив дыхание. И тут она задала вопрос, пронзивший всё мое существо:

– Можете мне помочь расстегнуть платье? – это было явным приглашением. И отличным шансом поделиться своим итальянским темпераментом. Сначала я прикоснулся к шее, затем руки соскользнули к плечам. Руки дрожали, но, тем не менее, я без заминок расстегнул ей платье. Легонько толкнул ее на постель, снял туфли и швырнул к двери. А затем, затем, затем, затем оказалось просто чудесно...

Я оделся, уселся на кровать. И только сейчас вспомнил о своей стойке. Наверно, Жоржи за это время успел пройтись «ласковыми» словами по всем моим предкам, да так, что те готовы были перевернуться в гробу.

– Мне надо идти, но хочу снова тебя увидеть. Дорогая, завтра меня здесь не будет, утром моя смена подходит к концу. Дай мне номер своего телефона.

– Нет.

– Как это нет? Мы же только что...

– Дорогой, не воспринимай всё так серьезно. Считаю, я заказала в номер вина, шоколада и тебя.

– Меня? – я обругал ее по-итальянски. А она улыбалась, как кошка.

Я вышел из номера. Ниже пояса ощущал облегчение, но вот голова готова была лопнуть от напряжения.

Я позвонил маме, чтобы не видеть саркастичную ухмылку Жоржи. Кажется, та спала. Она плохо спала во время дежурств, но на сей раз сон принес ей облегчение.

Светало. Скоро дежурство закончится. Желая поскорее забыть эту дурацкую ночь, я уронил голову на руки и попытался уберечь глаза от яркого света большого фойе. Погружаясь в сон, я успел услышать, как открылась входная дверь, услышал приближающиеся шаги – стук каблучков. Пленительный женский голос произнес:

– Хочу заказать номер, третий этаж. А еще принесите в номер...

Я вскинул голову, будто ужаленный, передо мной стояла очаровательная женщина в черном вечернем платье.

– Принесите в номер вина и черного шоколада...

Абрикосовая косточка

Он любил меня. Безумно. Порой я не могла вынести его чувств. Я тонула в волнах, в цунами страсти. Порой мне хотелось взять передышку от этого шквала. Но не получалось. Его любовь плотно окутала меня со всех сторон, а форточку оставить он забыл. Я познакомилась с ним в кабинете психиатра. Точнее, я была его пациенткой. Время от времени я посещала его и делилась своими страхами. Рассказывала, как эти ужасы сводят меня с ума: как меня бьет озноб в комнате по ночам при температуре 39 градусов, как я выбрасываю все продукты, чтобы не набрать лишнего веса, как на всех парах забегаю в лифт, чтобы, не дай бог, не столкнуться с соседями, как боюсь того, что могу быть изнасилованной в темном переулке или оказаться в душе во время землетрясения. Он терпеливо выслушивал всё это, вставал с кресла, наливал воды из графина в стакан и протягивал мне. Будто всё так и должно было быть. В моих глазах этот стакан с водой представлял неким чудодейственным эликсиром. Я верила: выпив этой воды из рук самого опытного врача в нашем городе, я избавлюсь от всех своих дурацких фобий. Никогда не забуду, как он однажды хладнокровно добавил: «Вы страдаете от отсутствия любви». Эта фраза привела меня в раздражение: «Вовсе нет!» – резко воспротивилась я. – «Меня любят все, друзья, родители, коллеги», – сказала я. Он продолжил в том же духе: «Понимаю. Но их эмоции кажутся вам обычными, так сказать, естественными, словно «так и должно быть, как же иначе?». А вы жаждете утопической любви, воплощенной в вашем собственном мире, обретенной любви. Вы мечтаете о человеке, который каждое утро будет шептать вам на ухо о своих чувствах, не спрашивая, накидывать свой пиджак вам на плечи, если станет зябко, сжимать вашу ладонь, если чего-то испугаетесь, мечтаете о человеке, с которым могли бы разделить свои опасения, мысли, мечты».

Он ведь сам и был именно тем человеком. Я призналась ему в своих страхах, а он мне – в своей любви. Он дал мне всю радость того, что значит любить и быть любимой. Нашу совместную жизнь я представляла в виде обожаемого мной карамельного кофе-латте: страстной, динамичной, волнующей до самой последней капли. Отбросив все свои фобии, я начала жить полной, насыщенной жизнью и получать от этого наслаждение.

В самый неожиданный для меня момент он заболел. Страдал от сильнейшей ипохондрии. Но вся его мнительность была направлена не на себя, а на меня. Ему казалось, что я могу заболеть и умереть. Вероятность того, что я заболею раком, подхватю тяжелый грипп, чахотку, инфекции, всевозможные известные и неизвестные медицине болезни не давали ему покоя и даже мешали работать. Совместный завтрак начинался с гранатового сока и завершался абрикосовыми косточками. Он где-то вычитал, что абрикосовые косточки считаются одними из сильнейших антиоксидантов. Вылущив эти косточки, заботливо их упаковав, он заносил их мне на работу. Сейчас, вспоминая всё это, я печально улыбаюсь. Но вспоминать приятно. Сейчас мне 78 лет. Веду дневник. Он опасался моей скорой, преждевременной смерти. Но вышло иначе: в возрасте 34 лет его зарезал ножом один из его душевнобольных пациентов. А я на всю жизнь осталась верна его безумной, ипохондрической любви.

С любовью, милый...

Личная трагедия Сильвы

– Представляете? В таком небольшом городе, как наш, бесследно пропало 8 молодых девушек.

В моих молитвах, возносимых ради собственного благополучия, всегда присутствует пожелание ниспослать мне понятливого, молчаливого таксиста. Кто просил водителя такси, в которое я села, спозаранку потчевать меня такими ужасными новостями?

– Полиция, конечно же, ничегошеньки не найдет. Как обычно. Им бы только пузо отрачивать.

Ну и дела...

К счастью, вдруг зазвонил мобильник.

– Алло, алло.

– Пожалуйста, я вас слушаю.

– Это Сильва?

– Да.

– Вы дали объявление в раздел «передвижные учителя». Вас зовут Сильва. Вы преподаете английский язык. Час стоит 15 манатов, а телефонный ваш номер тот, по которому мы сейчас с вами говорим, верно? Вы подтверждаете мои слова?

– Да, подтверждаю.

– В таком случае, до свиданья. Удачи.

Меня чуть смех не разобрал. Я слышала выражения «передвижной цирк», «передвижной продавец», но «передвижной педагог», кажется, слышала впервые. Конечно, подтверждаю, я отправляюсь на квартиры, в офисы и преподаю английский, готовлю детей, провожу практические занятия с сотрудниками. Но до сих пор я не пыталась уложить свою работу в прокрустово ложе категорий и придумать ей название. Честно говоря, и времени на это не находилось. Я страдала от нехватки досуга, который мог бы позволить моим мыслительным способностям забраться в такие дали и тонкости. Целые дни я проводила в пути. А в пути думала, как могу провести урок с ожидающими меня учениками более эффективно. Доехав до пункта назначения, я спешно попрощалась с водителем и направилась по адресу. Я шла заниматься с одной избалованной девушкой. Этой сумасбродке было всего 16 лет. Каждый раз, когда я к ним захожу, застаю девушку прямо посреди ее разборки с большой раком матерью. Невольно став участником выяснения отношений, я устанавливаю временное перемирие и приступаю к занятию. А потом не менее 10 минут нашего урока уходит на то, что эта сумасбродка звонит своему отбывающему службу в армии парню и рассказывает ему во всех подробностях обстоятельства очередного конфликта с матерью. А я, сложив руки, терпеливо жду, когда эти «Ромео с Джульеттой» обратят, наконец, внимание на свою «няньку». Со стороны это выглядит немного смешно, но, по правде говоря, я ей завидую. На днях мне исполнится тридцать. А у нее уже есть любимый парень. Наконец ее голос стихает, «я тебя люблю и скучаю», говорит она своему молодому человеку и поворачивает лицо ко мне, в сторону «скучной училки». Да, да. Именно это читается на ее лице. «Училка-неудачница». Знаете, я могу развести тут целую философию. К примеру, что я достаточно умна, свободно говорю на 4 языках, читаю Маркеса, по меньшей мере, могу отличить кофе-латте от американо. Но, пропади оно пропадом, всё это не имеет никакого значения. Вместо того, чтобы оставаться такой идеальной и одинокой, я бы предпочла оказаться на месте своей

«опытной» ученицы, у которой и груди-то нет – два прыщика. Я даже Маркесом бы пожертвовала, даже начала бы читать знаменитую вампирскую сагу Стефани Майер, которой зачитывается эта мымра и не пропускает ни одной ее экранизации. Но до сих пор мною ни разу не заинтересовался ни один симпатичный и порядочный мужчина. Честно говоря, признание в этом самой себе означало признание в личной катастрофе, трагедии, и произвело эффект после взрыва атомной бомбы. Кое-как отмахнувшись от бреда «синдрома старой девы», приступаю к уроку.

...С трудом найдя адрес нового ученика, нажимаю на дверной звонок. Дверь открывает высокий мужчина в очках лет 36-37. Как же знакомо мне его лицо... Задумываюсь. Здравуюсь и захожу внутрь.

– Вы сказали по телефону, что не имеете даже базовых знаний английского. Верно?

– Да. Пожалуйста, в мой кабинет. Спокойно обсудим детали, – говорит мужчина, указывая рукой на комнату в самом конце коридора.

Тембр его голоса отличался от того, что я слышала по телефону. На мгновение даже почудилось, что это вовсе не тот голос. Когда он направился в комнату, меня охватила какая-то странная паника. Я шла, заглядывая в комнаты на протяжении всего коридора. Комнаты ломились от чертежей. Это место походило на некую строительную фирму. Часы показывали четыре ровно. Будь всё проклято, куда подевались сотрудники? Мой лоб покрыла холодная испарина. Мы добрались до нужной комнаты и вошли в нее. Он уселся за свой рабочий стол в правом углу, а я – на маленькую софу перед ним. Вдруг я вспомнила, кого так напоминал этот привлекательный человек, пытающийся выдать себя за изучающего иностранный язык ученика. Это был он! Тео Банди. Он был похож на него. О, Боже...

– Это мой офис. Мы занимаемся строительными работами. Строим частные дома с интересным дизайном, по интересным проектам. Учитываем каждую деталь этих домов. В качестве подарка оформляем ландшафт сада. В последнее время англоязычных клиентов у нас прибавилось, посему я ощутил необходимость в изучении английского языка. Вот мы и обратились к вам.

– Благодарю вас за то, что выбрали меня. Но у меня нет денег даже на квартиру. А о дизайне я задумаюсь напоследок.

– Не переживайте. Такая красивая женщина, как вы, обязательно обзаведется в один прекрасный день собственным домом.

Тембр его голоса сменился с делового на сомнительный тон мужчины, пытающегося заигрывать с женщиной. Я немного занервничала. Ведь я находилась совсем одна с незнакомым человеком в огромном офисе и даже точно не помнила, где находится входная дверь. А вдруг вся эта притягательность Тео Банди меня не обманывает? Вдруг это именно он – преступник и убийца, совращающий красивых девушек и затем безжалостно душащий их? Минуточку. О чем это болтал таксист сегодняшним утром? Бесследно пропало 8 девушек. Они, случайно, не были учительницами по профессии? Господи, кровь стынет в жилах. Чувствую, как дрожат руки. Вот-вот, почему он не отводит от меня глаз? Почему поглаживает перочинный нож? Ужас. Я пришла в логово маньяка своими же ногами. Так тебе и надо, Сильва, ты всю жизнь зачитывалась биографиями маньяков, убийц, преступников, вот космос и реализовал твои мысли и послал маньяку в качестве жертвы. Ты привлекла маньяка в свою жизнь собственными же мыслями. Погоди, тормози, может, нет никаких причин бояться. Для убийцы он слишком красив. Но, будь всё проклято, Тео Банди завлекал своих

жертв именно безграничной воспитанностью, изысканностью и привлекательностью. Он, кажется, даже в историю вошел как «самый привлекательный преступник мира». Покуда я крутилась в водовороте тревожных мыслей, он предложил мне кофе. И я согласилась. Он отправился в офис кухни за кофе. Я встала и подошла к окну. Офис располагался на 17-м этаже. Сбежать отсюда шансов маловато. Если двинусь через коридор, придется пройти рядом с кухней. А он запер дверь офиса на ключ. Минуточку. Я буду спокойно себе сидеть и потягивать кофе. Если уж со мной должно приключиться то, чего я всегда боюсь, если я не в силах это остановить – пусть. По большому счету, я стану жертвой №9. Обращусь в любимое число. «9-й жертвой «бакинского Тео Банди» стала преподавательница английского языка». Не такая уж плохая передовица для газет, охочих до дешевых сенсаций и шумихи. Он, улыбаясь, вошел в комнату с двумя чашками кофе.

– Пожалуйста, ваш кофе. Хотя для кофе не столь подходящий час. Но, во всяком случае, пейте на здоровье.

«А для убийства самый подходящий час», – дополнила я про себя его мысль. Казалось, я вступила в игру жертвы и ее убийцы. Это меня развлекало. Я взяла чашку и принялась пить. А он принялся отхлебывать из чашки с необычной формой какую-то жидкость со странным запахом.

– Значит, Сильва-ханым, договорились. Ждем вас в нашем офисе каждый вторник и пятницу. Приступим к занятиям со следующей недели.

Я допила кофе. Ждала его нападения. Он тоже отложил чашку и прошел за свой стол. Снова взял перочинный ножик и начал вертеть его в руке. Поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. Каким же он был красивым... Я называю красивым человека, готового меня прикончить режущим предметом в руке? Но что правда, то правда. Не выпуская из рук ножа, он сказал:

– Сильва-ханым, я провожу вас до двери.

Я поднялась. Наверно, он не хочет разделаться со мной в этой комнате. «Он хочет отвести меня в особую, предназначенную именно для этой цели комнату», – подумалось мне. Мы вышли в длинный коридор. Он пропустил меня вперед. А сам пошел следом. Шаг в шаг, вдох во вдох, я ждала. Ждала внезапной атаки. Вот и всё, подумала я, печальная и интересная концовка моей тридцатилетней жизни. Всё так и завершится. Не так уж и плохо. Мне даже было приятно стать частью грандиозного плана серийного убийцы, чем помирать попусту. Мы дошли до двери. А удара, которого я так трепетно ждала, так и не последовало. На его лице читалось волнение. Даже дыхание участилось. Но ножа в руке уже не было. Может, положил в карман? Он открыл дверь, и я переступила порог. Я тихо попрощалась и вошла в лифт. Я ощущала себя преждевременно выбывшим из игры участником. Может, я ошибалась?

«Вчера около 8 часов утра был пойман маньяк-убийца, державший в последнее время жителей Баку в страхе. Им оказался А.М. – директор компании по дизайну и строительству LGL. В результате оперативно-розыскных мер в одной из отдаленных комнат его офиса были обнаружены одежда и вещи девушек, числящихся без вести пропавшими на протяжении 6 месяцев. А.М. приглашал девушек к себе в офис под всевозможными предлогами, душил и убивал, а затем избавлялся от тел различными способами. Следствие по делу продолжается. Баку, 2...-й год».

Знаете, в чем я убедилась, прочтя всё это? Нет, я и вправду неинтересна ни одному симпатичному и порядочному мужчине. Даже самому отъявленному убийце. Что и является моей личной трагедией.

ТАМАРА ВЕРЕСКУНОВА

Стихи под листопад

1

Осень... Опять листопад стихов...
Это чтобы напомнить вновь:
С тобой одним воздухом не дыша,
Чужую жизнь прожила душа.

2

Так никогда и не были вместе...
Но вспомни меня хотя бы раз в месяц.
А если не в месяц –
то в год хотя бы,
Когда над тобой загрузит октябрь...

3

Мы с годами становимся строже,
Мы с годами становимся суше...
Память душу опять встревожит,
Брызнет вновь озёрцем на сушу.
Поведет дорогами длинными
К сладким радостям, горьким бедам.
И любви песнь лебединая
Прошуршит мне крылами белыми...

***

А счастье – лишь касание крыла...
Умчалось – и года мои уплыли.
Не мне судить, как жизнь я прожила:
Цветы цвели,
и горлинки гулили.
И боль болела, и обида жгла.
Предательства, потери?.. Тоже были.
И все-таки неплохо я жила:
Цветы цвели,
и горлинки гулили.

Стихи об инфаркте

Пред вами преклоняются, профессор.
Вы в отношеньях с сердцем – ювелир.
Но как спасти живой комок от стресса,
От подлого, чудовищного пресса
Безумия, в котором тонет мир?..
Достоинство и честь – теперь изгой.
Былую дружбу вьюги замели.
Как уберечь живой комок от горя
Родных, друзей, соседей –
всей Земли?..
Ах, пессимист!..
К чему же в сердце жженье?
Извечны в жизни боль и катаклизм.
И мимолетно радости явленье,
И плотояден нынче оптимизм...
И если уж Земля инфаркт схватила,
Не выдержав и сдвинувшись с оси –
Что делать, чтоб терпения хватило,
Где, как, откуда
нам набраться сил?..

Молитва матери

Спаси, Господь, детей
На этой злой земле
От пагуб, от смертей,
От сирости во мгле.
Я так боюсь за них...
А станешь суд вершить –
Грехи обоих их
На мой счет запиши.

Песня

Меня не надо восхвалять,
Ни порицать, ни отрицать.
И разве диво, в самом деле,
Запеть в ликующем апреле,
Стихи сложить –
иль зарыдать?..

Меня не надо восхвалять,
Ни порицать, ни отрицать:
Вы сами эти песни пели
Под шум дождя и стук капели,
Но – позабыли записать...

***

**Я знала всегда, что к тебе вернусь.
Листом зеленым весной обернусь,
Преодолею небесную высь –
Облаком чтоб над тобой пронестись,
Прильнуть к окну твоему лучом,
Чтоб ты не печалился ни о чем...**

***

**По велению Всевышнего
Я – богатая нищая...
Ни вещей, ни сберкнижек –
Капитал мой повыше:
Все деревья Земли
И все дети – мои,
Все хорошие люди,
Все рассветы, что будут,
Да в придачу немислимо
Щедрый банкнот:
Алфавит русской речи,
Семь магических нот.**

ЛЕЙЛА САБЗАЛИ

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ

Миниатюры

Весна. Я отпускаю тебя!!!

Твои глаза – напротив... Я смотрю в них и ничего не вижу. Я не вижу в них себя, я не вижу в них тебя, я не вижу в них любви. Ты, в желании спрятать пустоту, отводишь взгляд.

Ты говоришь, я не слышу слов, только знакомые интонации любимого голоса. Я пытаюсь услышать тебя, но... Ложь! Чудовищная ложь между нами! Твой голос звучит бодро, обнадеживающе, ты говоришь о будущем и о будущей встрече в нём, которой, я знаю, не суждено быть. Ты так прекрасен во лжи, что я боюсь остановить тебя. Ты так искренен! А я – больна....

Я знаю, ты уходишь. Уходишь навсегда. Глупо цепляться за прошлое, а будущего мы не заслужили. И в понимании этого я хочу тебе крикнуть: «Не лги! Не сейчас...! Мы прощаемся! Надо быть достойными прощания!»

Я всматриваюсь в твое лицо, пытаюсь его запомнить. Но, не могу запомнить чужое лицо. И неизвестно откуда возникшее знание, что мы больше не увидимся, а если и увидимся, то уже другими, заставляет меня искать тебе прощение. И я... отпускаю тебя. Я тебя отпускаю, хоть всё внутри кричит и спорит со мной. Боль, закручиваясь в спираль, сдавливает горло, мозг отказывается понимать, губы шепчут: «Я отпускаю тебя».

И не так важно, что все, что было частью меня, было моей жизнью, больше не будет всем этим. И пусть меня это разрушает, и всё внутри напрягается в желании противостоять этому разрушению. И пусть хочется закричать от боли и несправедливости, выругаться грязными словами, обвинить, оскорбить, ударить, чтобы защититься!... Я отпускаю тебя.

О, Мудрость, мой крест и моя кара! Что тут поделывать, так устроена жизнь. Мужчины иногда уходят, чтобы без тебя стать самими собой. Это их долг или блажь.... Но ни в коем случае нельзя им мешать в этом, они так устроены. Они должны Так существовать, иначе не было бы причин для любви к ним.

Иногда они уходят, чтобы строить, иногда – чтобы разрушать. Иногда они уходят на войну, иногда даже погибают в непреодолимом стремлении стать самими собой! Можно ли их за это винить, за глупый мужской эгоизм и тщеславие? И бессмысленно удерживать их в этом порыве, а если и удержишь....

В твоём присутствии он превратится в маленького мальчика, потерявшего навык охотиться. Станет есть с твоей руки, нежиться в твоей заботе, поначалу – любя и восхищаясь, позже – испытывая всего лишь благодарность. А потом, устав от твоих достоинств, будет требовать благодарности от тебя, за то, что он все еще в твоей

жизни.... В глубине души тоскуя о свободе, не оставляя мысли об охотничьем сезоне. Он станет чаще отстраняться от твоих мимолетных ласк. Редкие мгновения угасающей страсти и – ранящие душу воспоминания о начале Любви.... Любовь, подобная иссякнувшему источнику, станет стыдом и мучением, а ты – заложницей собственного упрямства и гордыни. И поэтому... милый, утри мне слезы... я отпускаю тебя...

Ко всем чертям...! На Все Четыре Стороны!

Лето. Простая история. Я люблю тебя

Я люблю тебя! – как часто в юности мысленно мы примеряем эту фразу. Готовясь к любви, в предчувствии счастья, которого требует уже созревшая душа. Позже мы не раз услышим эти слова из уст очарованных нами. Не раз и сами произнесем их вслух. С годами понимая, что любовь – молчалива...

Я долго искала его, в поисках – увлекалась. Многие любили меня, а потом ненавидели. Или – боготворили. Мне долго были нужны разбитые сердца, в подтверждение моей неотразимости. За это я даже могла заплатить привязанностью, но – ненадолго. Иногда, играя своими чувствами, и сама не раз произносила: «Люблю», в надежде уверовать в это. Иногда верила, пытаюсь остановить время в минуту самого сильного мига веры! Парила. Жила.

Но все возвращалось на круги своя. Время все расставляло по своим местам. Поработав на иллюзию, оно напоминало о реальности.

С каждой новой победой приходили разочарование и скука, тоска по несбыточному становилась привычной, делая меня терпимей, но – не мудрее. Иногда благостным становилось одиночество. Впрочем, одиночества не было, была – Музыка. Она была Сутью и Смыслом, она была моей религией, наполняла, спасала от пустоты. Жизнь преподносила праздники – счастливые открытия в познании мира. Желание создать внутри себя самый прекрасный из миров – мир любви – угасало. Мысль о бездарности моей судьбы становилась привычной. И вдруг!...

Я встретила Его! Встреча была простой и радостной. «Я люблю тебя», – позвали меня его глаза, и не было сил противиться. Однажды, испытав вместе ощущение сиротства в чужом заснеженном городе, мы поняли что-то такое про нас.... И с пониманием пришел страх, страх неотвратимости потери. И каждый день я молилась за него, чтобы Бог хранил его для меня, шантажируя Бога собственной беспомощностью и никчемностью.

Он стал смыслом, потеснившим даже Музыку. Я замирала от взгляда синих глаз всегда, когда он смотрел, а когда не смотрел, искала его внимания. Он называл меня смешными именами, и я забывала – свое. Он дарил мне дорогие подарки, когда мы были еще совсем небогаты, а я ругала его за это. «Какой же ты балдуй», – говорил он, виновато улыбаясь: – «я хотел, чтобы ты радовалась».

Он был тем, кого я хотела любить всегда. И я родила девочку с лицом ангела, похожую на него.

С ним было надежно, он был старше и сильнее меня. С ним было искренне, он был трогательным, как ребенок, и любил меня такой, какой я была. С ним было интересно, он знал больше, чем я. С ним было весело, если бы не щемящее чувство страха за него. Он был единственным из мужчин, чье благо было моей целью. Он был единственным из мужчин, кому я служила. Всегда, даже когда мы отдалялись.

Но все закончилось. Через пятнадцать лет. Целых пятнадцать лет странной для

меня жизни. Однажды мне показалось, что я больше не слышу: «Я люблю!» В надежде на плохой слух, долго не желала принять этого, трудно было смириться. Летя в пропасть разрушенных иллюзий, цеплялась за все, чтобы не разбиться вдребезги.

Музыка! И на сей раз она спасла меня. Позже, гораздо позже вернулась эйфория от осознания многогранности жизни. Хотелось успеха, и он был. Во всем! Хотелось вернуть прежнюю неотразимость, и она вернулась. Но к любви это не имело никакого отношения. Круговерть захлестнула, я была гостьей на празднике, который создавала сама. Я так старалась!...

***

Он умер... в конце прошлого лета. Я не довезла его до больницы....

Иногда мне кажется, что Тот, кто знал, какую потерю мне предстоит пережить, разлучил нас заранее. Чтобы горечь обиды, посеянной в моей душе, заставила меня стать сильнее. Я обрела силу и весь мир в обмен – на него! Таково – Решение, и такова Высшая Мудрость!...

***

Вечера становятся прохладными, скоро осень. Дочь принесла мне шаль на балкон. «Ты тут не замерзла? Не грусти... я тебя люблю...» – услышала я в ее молчании....

Осень. Post Skriptum

Уходил ноябрь... Во всей своей неопределенности. Уходил, оставляя неясность: то ли будет зима, то ли – нет?

Сияло не по-ноябрьски яркое солнце, чуть тронутая желтизной листва не по-ноябрьски была почти свежей. И только вечера возвращали в позднюю осень легким морозцем, советуя помнить, что зима – не за горами.

С Душой творилось то же, что и с природой. То она жила странным ожиданием чего-то, чего ждать, возможно, уже и не стоило. То, смирившись с доводами ума, скучала, довольствуясь тем, что было.

А было не так уж и много, хоть и немало: нудная работа, дом, звонки беспокоящихся подруг и замечательная возможность – творить. Последняя мысль Душе показалась удачной и успокоила ее.

В природе ничто и никогда не возникает ниоткуда и не исчезает в никуда, – нудно всплывала и уходила умная чужая мысль из философского трактата.

– И все-таки исчезает, – спорила недоверчивая Душа, – еще как исчезает! А все – время. Жестокая, всепоглощающая энергия. Ест и ест, и никому так и не удалось его остановить, а жаль...Только бы не перестать ждать, – пришла непрошенная мысль.

– Ага, а то и творить будет нечем, – испуганно домыслил Мозг – великий прагматик. Он стыдился откровений глупой романтической Души. – Ну чего тебе не хватает? Все есть – друзья, подруги, уважение. Любовь самого любимого существа, продолжающего тебя. А уж поклонников, поклонников!... До неприличия много!

– Да-да, это все так, и все же... я – одинока. Наверное со мной что-то не так? – теперь встревожилась Душа. – Чего-то хочется, чего-то яркого, искреннего, боль-

шого! Чтобы – переполняло!...

– Скажи еще – то ли селедочки, то ли пирожного, – съехидничал Мозг.

– Ах, при чем тут Чехов? – смутилась застигнутая врасплох Душа.

– И даже не думай! Размечталась! Может, тебе еще любви подать?

– Любви-и-и! – мечтательно протянула глупая Душа. – А знаешь, иногда хочется. Хочется жить ожиданием встреч, вздрагивать от каждого телефонного звонка, о ком-то думать, мечтать.... По-новому ощущать мир. Любовь делает мир ярким, радостным и только твоим. А запахи, запахи!... Они везде, и почему-то пахнет весной....

– Запахи тоже, знаешь, бывают разными... Ну и дура же ты! – возмутился Мозг.

– Зачем она тебе – любовь? В твоём возрасте это уже и несолидно как-то, да и вообще, у тебя это всегда плохо заканчивалось. Еще одного разочарования не хватает?

– Что – возраст? Вот уже сколько лет слышу от тебя – «возраст, несолидно», а я еще совсем не стара, как ты говоришь. Родить еще могу!

– Вот-вот, только этого нам и не хватает, – почесав затылок, буркнул Мозг.

– Но ведь я так мало любила и, главное, меня мало любили, – заныла Душа.

– Ну и неблагодарная же ты, тебе всегда всего мало. А сколько разбитых сердец в твоём прошлом, напомнить? А то – самое большое сердце?...

– Когда это было? И потом, у них был миг счастья, а за это и жизни не жалко.

– Да уж, твоему безрассудству нет предела. А я-то думал, что ты уже угомонилась, сидишь себе тихо, пишешь, а я – радуюсь.

– И потом, разве может быть любви – много? Ее всегда почему-то не хватает, – грустно заметила Душа.

– И то правда, – задумавшись, согласился Мозг. – Ну и что же теперь будет, опять потеряешь голову? Будешь сидеть в ипохондрии, сутками слушать тоскливую музыку и выть на Луну? Ох уж эта Луна, и угораздило же тебя родиться под ее знаком, прямо наказание какое-то.

– А ты заметил, какой у него голос? – восторженно спросила осмелевшая Душа. А глаза? Они – прекрасны. – Неожиданно вспорхнув под самый потолок комнаты, закружилась Душа в странном танце.

– Ах, ты опять, не надоело? Да и насчет глаз ты того, загнула. Глаза как глаза.

Легко спланировав на светящийся плафон люстры, с каким-то давно забытым запалом Душа почти пропела:

– Ничего ты не понимаешь! Они излучают – свет, просто сияние какое-то! Тебе этого не понять, ты – прагматик. – Затем зардевшись, пряча глаза, тихо добавила: – А руки?... Ты видел его руки?... А... губы?...

– Забудь его! – серьезно сказал Мозг, – я видел, как он водку пьет! А этими руками – стопочку за стопочкой...

– Да, и я видела, – горестно вздохнула Душа, плавно опустившись на подоконник. – У него, наверное, беда.

– Оно тебе нужно? – возмутился Мозг. – Опять твои фантазии? Все идеализируешь? Доидеализируешься! Послушай, не трать себя на ерунду, засосет! Себя пожалей, тем более, что ты ему не нужна. Помнишь, как в том анекдоте: я не бабник, я – алкоголик, – хихикнул Мозг.

– Неправда! – вспыхнула Душа. – Я нужна, я видела!

– Видела то, что хотела видеть.

– Я чувствовала!...

– У тебя, мамочка, глюки.

– Почему, – всхлипнула Душа, бессильно упав на стул, – ну почему?
– Ну вот, поплачь и забудь.
– Не хочу, не смогу! – упрямо сказала вконец расстроенная Душа.
– Ну, как знаешь, – зевнув, заключил Мозг, – утомила бредом, я умываю руки.
– Куда же ты, не уходи! – взмолилась Душа. – Останься, а то я... пропаду.
– То-то же! – победно ухмыльнулся Мозг. А то разлеталась тут, глупая. Глаз да глаз за тобой нужен, еще свалишься, ударишься!...
Уходил ноябрь, во всей своей неопределенности. Уходил, оставляя неясность, то ли будет зима, то ли – нет...?

Зима. Йети

Зима... Холод в природе и холод в душе. Приход зимы всегда немного страшит – атавизм, засевавший глубоко в подсознании. Время категоричности чувств, время осознания одиночества...

Ты пришел зимой, в пургу. Ты не боялся зимы, ты ничего не боялся. Ты был сильным, как и подобает быть Снежному человеку.

Судьбе так было угодно, а может, это я позвала? Возможно, ты пришел из любопытства. Возможно, я – красива? Тебя привлекла моя холодность, а я испугалась растаять, потому что было бы противоестественным – растаять зимой.

Я испугалась банальности и разочарований. Но ты сказал: жизнь – сюрприз, если это понять. В ней всегда есть место для тепла и холода, чувств и бесчувствия. Она – самое захватывающее приключение.

Могла ли я не поверить тебе, мой дремучий Йети?

Я боялась будущего, я не верила в него. Но ты сказал, что будущее уже началось. И я опять поверила. Я уже знала, что буду любить тебя. Любить так, как не любила даже весной. Весной любить легко, сама природа наполнена любовью. Для зимней любви необходимо мужество.

Любить прищуренный взгляд мудрых и сумасшедших глаз. Любить самую беззащитную в мире улыбку, хриплый голос, грустный смех.... Твое презрение к опасностям и премудростям нашей человеческой жизни...

Ты – самый смелый Йети на земле. Смелый! Потому что, несмотря на свою сложную снежную жизнь, predetermined тебе нашими человеческими правилами хорошего тона, не утратил потребности – любить и – верить.

А еще я всегда смогу спрятаться за твоей могучей спиной. И любой, кто станет мне угрозой, будет разорван тобой! В клочья!

Я буду любить твои крепкие руки и твой запах – горьковатый запах дыма от костра. Я буду с тобой до конца зимы. Потому что потом ты уйдешь. Уйдешь в свою полную опасностей снежную жизнь. А я не стану тебя удерживать. Уйдешь, оставив следы на подтаявшем снегу...

А я... встречу Весну, Лето, Осень... И буду с нетерпением ждать прихода Зимы. Потому что – будущее продолжается! Потому что жизнь – Сюрприз!

МАРАТ ШАФИЕВ

ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ В КНИГЕ ЭКРАМА МЕЛИКОВА «БУЛЬВАР – ВСЕЛЕННАЯ»

О, если бы все противоречия мира сводились к одному – борьбе добра и зла; о, как бы тогда было легко – если тебе налево, то мне направо, если тебе в эту сторону, мне – в другую. Но в том то и дело, мир – война меньшего зла с большим, и на место изгоняемых подонков и лицемеров приходят другие подонки и лицемеры, еще более крупного калибра. Не построй мир на слезинке ребенка – ратует лицемер, выстроивший мир на миллионах детских слезинок; не убий, люби ближнего – и каждый час кого-то убивают, и не было в истории человечества ни одного мирного года.

*Ну, а если подумать, что Бог может править,
То откуда сплошные сомнения в том,
Что Он правит, как надо?! Ведь страшно представить
Неудачи, творимые гордым творцом!*

Этот мир создан не для счастья. И правильнее говорить не «человек разумный», а – «человек страдающий».

Страдания на то и даны – пусть тебя пригвоздят к столбу, заживо сожгут на костре, вырвут язык, четвертуют – и в смирении познаешь истину. От такой смердящей, тошнотворной истины хочется одного:

*Из сердца, как бы из «лимонки»,
Я резко выдерну чеку!
Возьму, да все в себе разрушу!*

Но нет выхода и в бунте, гордыни человеческой – так неожиданно соединяются два полюса. Человек оказывается в прифронтовой полосе двух сражающихся армий и терпит урон с обеих сторон.

*Ты создал мир. Так Бог Ты или дьявол?
Вот это я не понял в темноте
Вселенской ночи...*

Нет истины – это не беда (нет истины и во мне – вопит библейская мировая бездна), все истины ничего не стоят в сравнении с таинством подаренной нам жизни; в конце концов, можно примириться – истина жизни в том, что нет абсолютных истин, мы можем убедить себя в иллюзии выбора и свободы и согласиться – благодаря плюсу и минусу полюсов течет ток жизни.

*Гораздо большая беда в спасении физическом:
Лишь пока я дышу, это мне интересно.*

Перед лицом смерти осознаешь до конца всю нелепицу жизни и этого мироздания:

*Жизнь, конечно, трагична, затем что конечна.
Но у смерти, поверьте, простое лицо.*

Не обольщайтесь – смерть напялила маску, на самом деле лик ее ужасен, от одного ее взгляда каменеет трепыхающееся, как птица, сердце. От ужаса перед смертью и родилось искусство – последнее прибежище человека:

*Я потому не умер, не затух,
И, злой, не уподобился зверью,
Что, с каждым вдохом ощущая Дух,
Сам стеклодув, бессмертие творю.*

Сотворив новую приукрашенную реальность и победив в воображении смерть, человек принял на себя прерогативу Бога. Неужто вправду, вначале было Слово?

*Слова, как кровь, что вытекла,
сгустились, затвердели
И превратились в камни...*

И когда находим в древнем Завете: «Чтобы они были у вас знамением, когда спросят вас в последнее время, сыны ваши и скажут: к чему у вас эти камни?», мы понимаем – это об одном и том же, каменные дольмены – увековеченный последний завет и оправдание. Но эйфория победы очень быстро сменяется новым ужасом:

*Мне поэзия однажды правду слова показала.
Ужаснулся дух ребенка. Страх объял и ум и плоть.*

Как не потонуть в океане, опускаясь на последние глубины, как выбрать самые крупные и яркие жемчуга и вынести на поверхность, не порезав нежной кожи? И будет ли груда потускневших драгоценностей представлять ценность?

*Если выйду, то что я скажу им?
Да и будет ли слышно меня?*

Такова ответственность гения перед каждым словом. Пошлость строчит томаами, прознося слова всеу, убивая их, как и все, к чему прикасается, но

*У таланта руки коротки,
Но у гения отрублены.*

Слово сегодня требует не громкой читки, ей даже мало, если «сгустки алые свисали из распахнутых ноздрей», оно требует поэтовой полной гибели, всерьез. И поэт оправдывает высокое доверие:

*Мои ребра, как ступени шаткой лестницы,
Всем спешащим, спотыкающимся людям.*

Вот почему настоящие поэты никогда не бывают сытыми должителями, своими косями они строят лестницу познания в новый мир, поверх добра и зла,

*Где Сознание Кришны с Христом и Авестой,
Просто – напосто в бездне парящая чужь!*

Если бы не несправедливость этого мира, каким неподражаемо красивым и солнечным был бы человек!

*Но кто придумал человека,
Был изумительный чужак.*

Надежда мира – в поэтах и детях, подхватывающих эстафету жизни. Смех ребенка – единственный радостный, безмятежный смех в книге:

*И Ясенька, возлюбленная кроха,
В руках зажала ключик и смеется.*

Ну, а мудрого, и потому печального поэта хватает только на ухмылку:

*Лик Твой мелькнет на мгновенье и скроется.
Снова потемок осклизлая гнусь.
Но ничего, скоро грифель искрошится.
И вот тогда уже я ухмыльнусь.*

Его богоборчество не есть неверие в Бога, а может даже, вера и требовательность (ведь и поэт – творец, в своем максимализме ищущий совершенного текста; и оправдание Богу он неожиданно находит в своей неудаче, на дне глубокого отчаяния), во сто крат большие; даже Бог ужасается подобного вызова, указывающего ему вариантность гениального замысла.

Да, мир может быть переигран, и в новом мире библейский Иов, ведущий тяжбу с Богом, причинявшим ему столько беспричинных страданий, обретает потерянное: детей, здоровье, богатство, причем детей не новых, а умерших; и в новом мире с Насими не сдирают кожу, а Пушкина не убивают на дуэли, и услышан неслышанный крик Экрама Меликова. О чем?

*О чем стихи? О жизни!
О смерти и судьбе.*

От редакции:

4 ноября 2016-го скончался известный бакинский поэт Экрам Меликов. Буквально накануне ему исполнилось 70... Сегодня мы вспоминаем нашего коллегу, многолетнего автора журнала.

В поэзии Экрама Меликова прежде всего поражала ее повышенная «температура», предельное напряжение мысли и чувства. (Может, потому поэт и пережил два инфаркта – трещины, прошедшие по сердцу, стали отражением внутреннего разлада, разлома души.) Иначе и не могло быть, ведь его поэзия – непрекращающийся диалог с Богом, с Вечностью... В юности поэт переживал, даже сердился за ответное «молчание» небес, лишь с ходом времени осознав, что приходящие к нему стихи – и есть тот самый ответ, напутствие и благословение свыше.

В последнее время он жил практически на обезболивающих, но при встрече оживлялся, сыпал своими и чужими строчками. Даже в таком состоянии был полон прежде всего поэзией...

«Мы живем по земным законам, по законам атома, протона, настанет час – полетим на другие планеты, но все это пустое с точки зрения Бога... И я говорю: всё, что я создал толкового в этой жизни, все мои лучшие стихи – уже у Него в руках...»

Выражаем сочувствие родным и близким Экрама муаллима – Аллах рехмет елясин!

NADIR

В день памяти моей мамы

Я уже и не сын для мамы моей,
так рано ушедшей.
Просто незнакомец на пороге старости.
Да, я старец,
я случайность в эволюции хромосом.
И за мною случайностей заданная цепь,
уходящая в бесконечность,
которая замкнется,
надеюсь, в Раю.

По дороге домой к болящему приятелю

Нас всех поглощает время,
уносит в свою глубину,
и лишь в минуты абсолютного счастья,
пробиваясь через паутину секунд,
мы – в безвременье, мы выше власти,
что диктует времени ход.

Автопортрет с изнанки

Ноги у меня с изнанки – длиннющие,
Ну, прямо из сердца растущие
и – к целям верным ведущие.
А руки – также из сердца начало берущие,
не загребущие
и не все свое отдающие.
И они тоже целям верны.

Голова же с изнанки кудрявая
И она не одна, у меня их четыре.
Стоят одна над другою,
все кругом оглядывают,
беспокойному сердцу докладывают.
И это вот чудо нетленное
запихнуто в тело брренное...

Под сенью лунного затмения

**В дни беспросветного одиночества,
когда слово доброе некому сказать,
вспоминаю себя на море,
под сенью лунного затмения,
на переходном мостике,
напротив собственной тени,
в густом сыром тумане, с удою в руках...
Вот мы с тенью поймали удачу,
тянем ее, упирающуюся, с морского дна.
И знаем, что удача – она всегда будет,
главное – подождать,
наживку правильную подобрать!
Недавно я узнал: один из наших,
с которым мы много лет проработали в море,
повесился!..**

***

**В очереди на сдачу крови на анализ
среди тех, кто приехал в Трускавец –
Мужчина гигантского роста.
Он собой поглощен,
он себе интересен.
В трех метрах его
есть, куда ему погрузиться.
А я вне себя, я весь снаружи.
Почему бы и мне в себя не опуститься?
Я попытался...
Я в себя не вместился...
Так я тоже – гигант,
но как айсберг, только на треть
я снаружи.**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2016 ГОД

САМЕД ВУРГУН – 110

Габиббейли Иса. Вургун – лишь гость, однако, не случайный... Пер. Халиловой Н. № 3

Вургун Самед. Стихи. № 3

Талыбова Алина. Стихи. № 3

Фаиггызы Натаван. Без паутины веков. № 3

СЕЙРАН СЕХАВЕТ – 70

Сехавет Сейран. Ад. Рассказ. Пер. Халиловой Н. №3

О Сейране Сехавете говорят, что... Пер. Халиловой Н. № 3

ПАМЯТИ МАНСУРА ВЕКИЛОВА

Агаев Эмиль. «Доктор здесь живет?» № 9

Векилов Мансур. Скорбь Хагани. Стихи. № 9

Касумова Елизавета. Друзья «студенческих и прочих лет». № 9

Ловкова Инесса. Стихи. № 9

Сапрыкин Алексей. Парящий над облаками. № 9

Ханджанбекова Франгиз. Есть люди, о которых говорят – явление. № 9

ПРОЗА

Али Таир. Мирза Халил и бритва Оккама. Повесть. № 12

Аббасова Елена. Рассказы. № 6

Агамамедова Гюлюш. Вор. Рассказ. № 6

Агасиев Надир. Отражения. Вне жанра. № 6

Андреева Елена. Варианты. Рассказы. № 3

Бабаев Акшин. Рассказы. Пер. Айтен Акшин. № 6

Багирова Ляман. Новеллы. №№ 7, 11

Бен Джеллун Тахар. Отрывок из романа. Пер. Агамамедовой Г. № 10

Борода Моисей. Здравствуй и прощай. Рассказ. № 5

Буньяд Яшар. Рассказы. Пер. Мамедова Н. № 9

Бухараев Равиль. Гость случайный. (Отрывок) № 6

Гасымов Джавид. Назидательные истории. № 11

- Годжа Фикрет.** Когда тает снег. Повесть. Пер. Калякиной Т. №5
Горина Эллада. Дача ветров. Рассказ. № 3
Гусейнов Ариф. Автопортрет. Повесть. № 2
Джафарова Таира. Преданья старого Баку и путь в Суоми (Документальная повесть). №№ 9, 10, 11
Джумазаде Валентин. Рассказы. № 8
Zaug. Бульвар – галактика. Заметки прохожего. № 6
Исмаилоглу Атабаба. Новые приключения Моллы Гейбуллы. Пер. Ализаде А. № 6
Ибрагимбеков Мурад. Шебеке. Повесть. № 1; Рассказы. № 7
Мамедов Ниджат. Извлечения из «Прогулки». Эссе. № 6
Михайлов Борис. Встреча друзей военного детства. Пьеса. № 8
Мусабейли Мехман. Грузовой вагон. Пьеса. Пер. Гусейнзаде М. № 2
Мустафа Фируз. Райский цветок. Роман. Пер. Мустафаевой Е. №4.
Ошевнев Фёдор. Болтыш и жаба. Рассказ. № 5
Расулзаде Натиг. Бартоломео. Рассказ. № 4; Амина. Рассказ. № 6
Рустамли Татьяна. Позволь себе быть Богиней! №№ 1, 2, 3
Сабзали Лейла. Четыре времени года из жизни женщины. Миниатюры. № 12
Сапрыкин Алексей. Рассказы. № 5
Сехавет Сейран. Кенгуру. Рассказ. Пер. Халиловой Н. № 12
Таги Рафик. Рассказы. Пер. Алима Таги и Гаджиевой Д. № 8
Тагиев Айдын. Рассказы. Пер. Мамедзаде С. № 12
Тофиггызы Гюльшан. Рассказы. № 10
Шафиев Марат. Рассказы. № 10
Шихлы Афаг. Когда-то была такая деревня... Рассказ. Пер. Шихлы Н. №3
Шаулов Сергей. Мозаики о прозаике. № 7
Ширинова Кенжегуль. Хатун хала. Рассказ. № 1
Эльдарова Медина. Миниатюры. № 6
Эминли Гюнель. Рассказы. Пер. Мамедова Н. № 12
Эфенди Азер. Рука дающего. Рассказ. № 5

ПОЭЗИЯ

- Агаев Тофик.** Хайку. № 7; Верлибры и двустушия. № 10
Аглин Абульфат. Стихи. Пер. Щербакова Ю. № 5
Алибалаев Тимур. Стихи. № 6
Велибекова Сабина. Стихи. № 6
Велиханова Вера. Стихи. № 10
Верескунова Тамара. Стихи. №№ 3, 12.
Газизова Лилия. Стихи. № 8
Гасанбек Юсиф. Стихи. Пер. Мамедзаде С. № 8
Гасангулу Кёнюль. Стихи. Пер. Мамедова Н. № 2
Гомозов Владимир. Стихи. № 5
Джафарова Таира. Стихи разных лет. № 11
Зарубин Владимир. Стихи. № 5
Зейналлы Ирина. Стихи. №№ 3, 10

Золотов Сергей. Стихи. № 5
Ильяслы Ибрагим. Стихи. Пер. Шевердяева А., Уваровой Т., Паиной Н., Талыбовой А. № 1
Искандер Фазиль. Стихи. № 9
Касумова Елизавета. Стихи. №№ 7, 10, 12
Керимли Ханали. Стихи. Пер. Ловковой И. № 4
Ловкова Инесса. Стихи. № 3
Мамедов Ниджат. Стихи. №№ 1, 9
Мамедзаде Сиявуш. Стихи. №№ 4, 11
Миралай Нигяр. Стихи. № 8
Мовсум Рамиз. Стихи. Пер. Мамедзаде С. № 1
Надир Наиля. Стихи. № 5
NADIR. Стихи. № 12
Натил Хосров. Стихи. Пер. Мамедзаде С. № 12
Нуртазин Сергей. Стихи. № 5
Рустамханлы Сабир. Путешествие в память. Поэма. Пер. Мамедзаде С. № 2
Салаев Геннадий. Стихи. № 1
Смирнова Лада. Стихи. № 11
Стукалов Сергей. Стихи. № 2
Субхи Саида. Стихи. № 9
Сулейманлы Солмаз. Стихи. № 3
Талыбова Алина. Стихи. №№ 4; 6, 12
Халилова Нигяр. Стихи. № 6
Ханджанбекова Наргиз. Стихи. № 3
Шаулов Сергей. Стихи. № 1
Шафиев Марат. Стихи. № 5
Эфенди Азер. «Маленький принц». Поэтический парафраз по мотивам сказки Антуана де Сент-Экзюпери. № 7
Ягубов Аладдин. Стихи. № 7

ПУБЛИЦИСТИКА

Абдуллаев Чингиз. Единственная миссия! № 6
Агаев Эмиль. Когда больница – дом родной. № 1; История одного интервью. № 5; Изгнанники в своем отечестве... № 6; Критический азербайджанский патриотизм. № 7; «У подъезда власти. Собака – друг машины? № 10
Агамамедова Гюлюш. Молчание – золото. Эссе. № 9
Адыгезалов Гусейн. Снова о переводе... № 12
Алмасова Эльмира. «Меня ждала жизнь...» № 3
Багир Закир. Многогранный талант актрисы. Пер. Алмасовой Э. № 7
Беженару Людмила. Камал Абдулла: философия полноты. № 11
Бухнер Фридрике. Обитель чистоты и вечности. Пер. Халиловой Н. № 8
Верховский Марк. Лондонские парадоксы. Уникальный Музей мини-книги. 12 Дней, потрясшие эмигранта в Баку. Эссе. № 1; Встреча с Гейдаром Алиевым; Страна «белого золота». № 5; Азербайджанский генерал его императорского величества. № 12

- Гази Вахид.** Из цикла «Люди и книги». Пер. Мамедова Н. № 12
- Интервью с Лилией Газизовой.** «На стыке культур рождается все самое интересное ...» № 8
- Интервью с Народным писателем Азербайджана Эльчином.** Литературный диалог. №№ 9, 10
- Каракмазли Динара.** Другой мир. № 6
- Касумова Елизавета.** Фантастический вышечный город. № 2; Навсегда в сыновья тебе дан...(К годовщине смерти Самеда Вургуна) № 5; Точка опоры. № 6
- Лачин.** Четыре варианта литературы. № 11
- Мамедов Низами.** Свет негасимой звезды. № 4
- Мамедли Пэрвана.** Писатель-диссидент постколониальной литературы. Пер. Халиловой Н. № 7
- Мамедов Юрий.** Наш добрый, старый Баку. № 10
- Мусаев Аяз.** Издание, достойное памяти писателя. Рецензия. № 2
- Мустафаев Намаз.** Азербайджан и научное наследие А. В. Багрия. № 5
- Ниярлы Мензер.** «Я выбираю не счастье, а красоту». Пер. Мирза Ага Мехти оглу № 8;
- Новрузов Рафиг.** Магия Азербайджана в произведениях Александра Вельтмана. № 1
- Салаев Геннадий.** Две судьбы. №10
- Талыбова Алина.** «Поэт – это инструмент Бога...» № 6
- Фаиггызы Натаван.** «Все, что имея, жажду иметь...». № 1; «OYAN!» под небом Торонто... № 4
- Фейзуллаева Аида.** Авангардизм в современной азербайджанской поэзии. № 3
- Хакимов Александр.** Дачка на лунном Кавказе. № 7
- Ханджанбекова Франгиз.** Книги об истории науки в Азербайджане. № 4
- Шарифова Салида.** Художественная проза Чингиза Абдуллаева: через призму теории детектива. № 11
- Шафиев Марат.** Проклятые вопросы в книге Экрама Меликова «Бульвар – вселенная». № 12
- Эльчин.** «Агония» или эволюция? № 7
- Яснов Михаил.** Маленькие заметки о стихах для маленьких, или Игра в стихи. № 1
-

